

ВАДИМ БЕЛОВ

БЕЛОЕ ПОХМЕЛЬЕ

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
НА РАСПУТЬИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА ПЕТРОГРАД

Славян

Белуха

9(47)	019106		
Б-435	55828		
Белов В.			
Белое похмелье.			
19.07.07С-196			Зр.
84.			

04.

01 2000.

02

~~019106~~
55828

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

325
5 3
9/47
543
V
ВАДИМ БЕЛОВ

БЕЛОЕ ПОХМЕЛЬЕ

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ НА РАСПУТЫИ

019106
1944 г.
Опыт исследования психологии, настроений и бытовых
условий русской эмиграции в наше время

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БЛ. ИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1923 . . . ПЕТРОГРАД

9147) 1918-1920

Гиз. № 1209. Отпеч. 10.000 экз.
Печатный Двор, Тип. Гос. Изд.
Петроград, Гатчинская, 26.

1368068

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТР.
1. Введение.	5
2. Русская эмиграция после крушения Врангеля.	7
3. Русская эмиграция и Европа.	16
4. Судьба остатков врангелевской армии и гражданских беженцев с юга России.	27
5. Остатки белых армий в окраинных государствах.	44
6. Беженская масса в окраинных республиках.	60
7. «Устроившийся» слой русской эмиграции.	73
8. Идея реставрации и русские эмигранты.	85
9. Еврейский вопрос и эмиграция.	100
10. Процесс разброда.	107
11. Проблема возвращения.	125

БЕЛИНСКОГО
ИМЕНА
С. ВАНДЕРСЛА

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

1.

ВВЕДЕНИЕ.

«Откуда начну плакати окоянного
моего житья деяния?»...

Канон.

Будущие историки великой русской революции, рассматривая на расстоянии десятилетий события проявления самостоятельности революционных сил и результаты этих сложных процессов,— вне сомнения, уделят долю внимания русской эмиграции, освещению причин, послуживших к ее зарождению, а также исторической стороне так называемого «белого движения». В нашу задачу не входит ознакомление читателя с историей борьбы реакции против революции, лже-демократизма против народной власти, белых против красных; нашей задачей является попытка возможно более подробного освещения психологической стороны русской эмигрантской массы в Европе, в последний современный период белого движения, ее настроений, наконец, условий ее быта и влияния, которое оказывают эти бытовые условия на идейную сторону белого дела.

Как психология, так и настроения и, наконец, бытовые условия эмиграции суть величины, так сказать, переменные, претерпевающие под влиянием многих разнообразных причин различные видоизменения.

Мы ставим себе целью дать общую, возможно детальную, картину, наиболее приближенную к нашим дням, пользуясь историческими справками лишь постольку, поскольку это будет необходимо для уяснения того или иного явления, действующего в выбранный нами момент.

Настоящий же момент представляет безусловно исключительный интерес не только для исследователя, но и для простого обозревателя белого берега по трем причинам: во-первых, белое движение, подвергаемое ретроспективному обозрению, представляет теперь собою период уже достаточно длительный — в смысле действительно историческом, — чтобы иметь возможность высказывать о нем определенные суждения, и являет ныне на своем протяжении, с полной ясностью, уже достаточное количество совершившихся трансформаций, эволюций, трещин и переломов, чтобы дать право подвергать его анализу, как явление, продолжающее жить и действовать, а, следовательно, обещающее в будущем новые видоизменения и эволюции, заслуживающие быть рассмотренными.

Во-вторых, ряд причин международного политического, экономического, психологического и просто бытового порядка, действуя непрерывно, привел в наши дни русскую эмиграцию на распутье. Мы застаем ее сегодня в печальных сумерках...

И, наконец, в-третьих, продолжающаяся деятельность вышеупомянутых факторов заставляет предполагать в самом ближайшем будущем вольное или невольное разрешение эмигрантской проблемы, а, следовательно, вероятность каких-то новых важнейших моральных и физических пертурбаций в зарубежной России, имеющих либо вовсе, либо весьма значительно видоизменить ее настоящую физиономию.

Рассмотрение суммы реальных причин, способных сыграть роль в данном случае, а также тех психологических факторов, происхождение которых следует искать в спектре калейдоскопа ежеминутно изменяющейся политической, — а в связи с ней и бытовой, — обстановки эмиграции, причин, заставляющих эту эмиграцию на роковом распутьи и долженствующих заставить рано или поздно выбрать новый путь, рассмотрение и освещение этих внешних и внутренних действующих сил составляет цель нашего труда.

В качестве пособий к выполнению настоящей задачи, — которую мы считаем не безынтересной и полезной для русского читателя, не покидавшего родины в годы революции и потому могущего заблуждаться относительно настроений, точек зрения, быта русской эмиграции и деятельности ее вождей, — мы будем пользоваться прежде всего личными наблюдениями и материалами, собранными в двухлетней эмиграции, а кроме того, документальными данными, почерпнутыми из эмигрантской прессы и специальных трудов по русскому вопросу, изданных за границей.

2.

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ ВРАНГЕЛЯ.

Белое движение, как воплощенная идея непримиримости с советской властью, несовместимости политических, государственных и экономических начал белого лагеря с таковыми же, провозглашенными и проводимыми властью советов в России, а следовательно—реально,—как сумма моральных и физических усилий, прилагаемых поборниками этой непримиримости к делу свержения неприемлемого для них государственного строя,—белое движение на всем протяжении своей 4-х-летней истории может быть разделено на два периода.

Первый период, это—период внешнего единодушия белого лагеря, единообразия белой массы и, хотя бы наружной, однородности ее идеологии. Этот период следует признать закончившимся крушением опыта,—вернее, попытки,—создания показательной модели Российского государства (не республики и не монархии, а так, чего-то неопределенного) на Крымском полуострове под эгидой генерала Врангеля.

Справедливость принятия упомянутого исторического этапа в качестве последнего звена цепи событий активной борьбы белых с красными может быть подтверждена не столько результатами того физического, осязаемого факта крушения врангелевской армии, после которого в распоряжении белых не осталось военной силы для дальнейшей борьбы, сколько глубже—последствиями идеологического краха врангелевской России, доказавшего с полной очевидностью, что сооружена была она искусственно, не согласно с волей и требованиями народа, не пожелавшего вследствие этого ее поддерживать и защищать.

В самом деле, при наличии множества положительных данных,—как-то: всевозможной поддержки Европы, дипломатической связи (притом благожелательной), с целым миром, стратегически неприступной военной позиции, декларированного демократического управления и множества благих порывов строителей крымской России,—она все же рухнула, что доказало неопровержимо ее непригодность, несоответствие моменту и требованиям масс. Она рухнула, естественно заключая последнее звено исторической цепи и указывая ясно на необходимость для белого лагеря, отбросив старую идеологию и старые приемы борьбы, искать чего-то нового, более современного и соответствующего условиям обстановки.

Второй период начался тогда, когда военные завоевания и поражения отошли в область истории, когда генералы, сняв мундиры, разъехались по курортам и сменили шпаги на перья, когда белая армия перестала существовать и быть армией, превратившись в толпу вооруженных нахлебников Антанты на Балканах, когда идея белой непримиримости,—потерпев очевидное для огромного большинства ее защитников поражение на плацдарме военных наступательных экспериментов, не смирясь, однако, и не признавая вслух своего поражения,—перенесла развитие дальнейших тактических приемов своей противобольшевистской борьбы в плоскость чисто идейных диверсий, обходных движений политической мысли, публицистических и ораторских демонстраций, закулисной пропагандистской актуальности и просто пассивного сопротивления неприемлемым идеям.

И, подобно тому, как в первом периоде все надежды белого берега возлагались на силу солдатского штыка, способную и долженствовавшую сокрушить рано или поздно Советы в России, так и во втором периоде центр тяжести планов и надежд большинства белых оказался перенесенным на внутренние силы самого русского народа, долженствующие заменить действовавшую извне силу и привести к тому же результату, сбросив рано или поздно советскую власть.

Эти два периода белого движения отделены друг от друга определенным, ярким и выпуклым рубежом, который мы и избрали исходной точкой—в смысле историческом—для нашего исследования психологии и настроений, а также зависимости, наблюдающейся между ними и бытовыми условиями русской эмиграции в период, наиболее близкий к нашим дням.

Это—тот момент окончательного и безвозвратного крушения идеи интервенции, тот момент физического краха вооруженной реакции, когда последняя белая армия оказалась сброшенной в море и тысячи русских людей,—военного и гражданского звания, правых и виноватых, убежденных и беспринципных, веривших и потерявших веру, непримиримых и готовых примириться,—увлеченные волной поголовной паники, на палубах и в трюмах полутораста пароходов, покинули Крым, направляясь к берегам Турции...

Событие это, завершившее, как сказано, период экспериментальной контр-революции на русской территории, естественно, повлекло за собою цепь последующих более или менее значительных катастроф уже в области идеологических пертурбаций в мирозерцании широких масс эмиграции и отдельных эмигрантских вождей, а также—острых коллизий между индиви-

дуальными чувствами политического и общегражданского порядка, коллизий весьма болезненных, захвативших целые слои эмиграции и всколыхнувших застоявшееся и подернувшееся тиной болото эмигрантских умов.

Мало того, что эти тысячи русских людей, увлеченные стихийным потоком бегства в эмиграцию, часто независимо от своих индивидуальных желаний,—отойдя немного и успокоившись,—ввели свое взбудораженное сознание в нормальное русло,—мало этого, физическая катастрофа последней белой армии вызвала немедленные отзвуки в целом мире, явилась причиной поворота политик различных стран по отношению России и очень скоро стало наблюдаться реальное действие неожиданно народившихся новых внешних сил, не только не способствовавших умиротворению эмигрантских умов и направлению их на путь единения, но, напротив, склонявших их в область переоценки ценностей и пересмотра намеченных целей.

Последующие события внутри самой эмиграции, ее расслоение, ее идейный разброд, пробуждение в ней до сего дня не наблюдавшейся центробежной силы, увлекающей ее теперь прочь от старых, сокрушившихся идейных центров в поиски новых, более широких политических перспектив и горизонтов, наконец, разнородность тех самостоятельных идейных позиций, которые были ею заняты в судный день Генуи,—все это проявления очнувшейся идейной самостоятельности, умственного раскрепощения и политической сознательности,—имели свои корни в почве именно этой переоценки ценностей, проверки намеченных целей и пересмотра принятых когда-то программ, т.-е. в толще духовных наслоений, образовавшихся на стыке двух эпох белого движения—эпохи вооруженной борьбы и эпохи, последовавшей за окончательной ликвидацией последней.

Касаясь вопроса об идейном разброде, столь ярко обнаружившемся в эмиграции в последний период и приведшем ее к тому распутью, на котором мы застаем ее сегодня, нельзя не заметить, что и в первом периоде, т.-е. в эпоху существования активных белых армий, белое движение в своем внутреннем строении носило несомненные признаки идейного расслоения.

Политическая нетерпимость, наблюдаемая в эмиграции в наши дни, наблюдалась до известной степени и в первом периоде активной борьбы, например, хотя бы в факте свержения—несомненно монархически настроенным—адмиралом Колчаком эс-эровской Директории, хотя и Колчак и Директория имели общую антибольшевистскую платформу. Но наряду с этим одним из немногочисленных примеров и в противовес ему можно указать на Южное правительство, в котором уживались мирно бок-о-бок люди самых

различных политических толков, и на пеструю толщу Добровольческой армии, где погромщики и явные реставраторы—офицеры гвардии, помещики, завоевывавшие Россию лишь до параллели своего имени—сражались рядом с офицерами демократических убеждений.

Наконец, достаточным в смысле яркости примером политической терпимости первого периода белого движения может служить пример правительства Сев.-Зап. области, где эс-эры как правительственный контролер В. Л. Горн и министр земледелия П. А. Богданов, сотрудничали с военн. мин. и Главнокомандующим Юденичем и ген. Суворовым, не скрывавшими своих реставрационных убеждений.

Весьма характерным следует признать то обстоятельство, что до последнего крушения белой армии в Крыму белое движение оставалось внешне единообразным.

Весьма характерно, что после этого крушения, лишь тогда, когда часть печати прямо и честно заговорила о развале, злоупотреблениях и реакционной тупости белых тылов и штабов, когда, под влиянием, с одной стороны, этих разоблачений, с другой же—естественного разочарования в военной силе, часть белого лагеря в этом вопросе откололась, образовав группу, провозгласившую так называемую «новую тактику»,—в противовес ей, уже явно и откровенно определились группы черного цвета—монархисты-реставраторы.

И до этого дня—ясно—в недрах белого лагеря жили под белым флагом черные силы и уживались, потому что по природе своей белое движение активного периода и армия, его возглавлявшая, были, до известной степени, реакционны.

О реакционности этой можно судить, если не по лозунгам, провозглашенным этими армиями—трафаретным лозунгам, заимствованным из настольных демократических словарей старых изданий,—то по той системе, которая установлена была в армии, по тому смутному представлению о том, за что она, эта армия, борется, какою будет создана ее кровью завоеванная Россия, и, наконец, по тому подбору лиц и групп, коим вверено было руководить этой армией в политическом и военном отношениях.

В самом деле, говоря чрезвычайно много о том, против чего борются белые силы, руководители последних дипломатически умалчивали о том, за что происходит эта борьба и какой государственный строй явится ее результатом в случае успеха.

Были, правда, расплывчатые лозунги демократического оттенка, но наличие этих чисто внешних ширм и отсутствие ясной

и определенной политической физиономии движения, неясность политического идеала, который оно себе ставит целью, создавали только благоприятную среду для добросовестного сожительства белых с черными.

Черные смотрели на эти лозунги и на небольшую долю «демократизма», которую *volens nolens* пришлось допустить в белые военные организации, как на неизбежную уступку современности, уступку, которая будет немедленно взята обратно, как только дело достигнет успешного завершения.

Чисто же белые группы, без оттенка черноты, те, которые потом примкнули к так называемой «новой тактике», не без доверчивости и наивности верили провозглашенным лозунгам, считая их основными заповедями будущего строя России, и смотрели до поры до времени сквозь пальцы на явно реакционный характер соседних с ними групп.

И тех и других объединяла идея «восстановления» России, которую каждый понимал по-своему.

Черных и белых спаивал тогда лжепатриотический цемент, одурманивала жажда возмездия, которое казалось таким «близким и возможным...»

А так как на основании архаического тезиса—«армия должна быть вне политики» и «аполитичность армии—залог успеха ее военных действий»,—тезиса, испытанного в своей спасительной силе и принесенного в «демократическую армию» из царской армии вождями последней, то и белая армия удерживалась искусственно, насколько это было возможно, в плоскости, выгодной для ее вождей, аполитичности.

Вышеприведенное обстоятельство также не мало способствовало мирному сожительству черных с белыми под знаменами царско-демократических генералов.

Была ли подобная коалиция безмолвным соглашением терпеть друг друга до поры до времени, возведенный в белом лагере тех дней в степень неписанного закона, или же дух благоразумной политической терпимости мог существовать лишь в атмосфере активной и деятельной борьбы и безусловно исчез, как только эта активность прекратилась и наступил час унылого белого похмелья, но только выявление партий в эмиграции, раскол этих партий на самостоятельные группы и раздробление групп, в свою очередь, на толки, пошло полным ходом именно тогда, когда все рухнуло, покатилося в пропасть, могучие легионы превратились в человеческую пыль и когда для каждого здравомыслящего человека стало ясным, что белая армия доиграла роль до конца и что занавес над этим актом трагедии опущен навсегда.

Нужно было грянуть грому поражения, нужно было разразиться величайшей военной катастрофе для того, чтобы упавшие ширмы лицемерия обнаружили убогую и лживую сущность белой политики «активного периода» и чтобы черная группа, сбросив белые маски и красные банты, пошла самостоятельным путем прочь от настоящих белых.

Только тогда определились с полной ясностью два основных политических течения: «республиканского» и «монархического» толка, и только тогда вся эта масса одурманенных людей, твердивших слепо и глухо об «Учредительном собрании», которое-де «решит, какой быть России», только тогда эта масса резко и бесповоротно раскололась на два лагеря.

Один, оставаясь белым, т.-е. антибольшевистским, проложил свой курс на буржуазную республику, второй же откровенно и раболепно повалился в ноги призраку поверженной династии, зашумел о претенденте и вообще углубился в область явного недоумства.

Вслед же за вожаками широкие слои эмиграции не замедлили расколоться на два основных лагеря, а затем каждый из них,—в свою очередь, на множество новых и самостоятельных групп и толков.

Расслоившаяся на партии, группы и толки политиканствующая эмиграция не замедлила выбросить знамя идейной борьбы, при чем острие этой борьбы на этот раз—вольно и невольно—оказалось направленным не столько в сторону, враждебного для всех их равно, красного лагеря, сколько в сторону своих ближайших и более отдаленных соседей.

Исключительно оптимистический взгляд на вещи может даже пытаться найти оправдание такому разброду мысли, усматривая в нем проявление со стороны русской эмиграции высокой степени индивидуальной политической зрелости и исключительной ширины диапазона и разнообразия программных точек зрения, приведших к той богатой идейной дифференциации, которая наблюдается в настоящее время. Но даже, если признать эти доводы и согласиться с подобным оптимизмом, следует указать на неблагоприятность проявления на деле этих предположительных высоких интеллектуальных качеств русской эмиграции, ибо, группируясь на платформе, в общем для всех партий и групп единой,—а именно на платформе непримиримости с сов. властью и стремления к ее свержению «во что бы то ни стало»,—ей, эмиграции, для пользы ее дела, следовало бы повременить с проявлением своих сепаратистских тенденций до момента, когда усилиями единого фронта будет осуществлена первая и основная часть общего

плана, т.-е. будет свергнута ненавистная для них советская власть.

Помимо того, удивительно и непостижимо то обстоятельство, что, если эти партии и вожди, располагающие, надо думать, достаточным запасом опыта и знаний в области политической борьбы, если они не смогли найти в себе волю и здравый смысл отложить междоусобицу до достижения первой и основной цели—свержения советской власти,—как могли они, эти партии и вожди, вступая в новую самостоятельную борьбу, обставить последнюю так явно и беззастенчиво, что каждому наблюдателю ясно, насколько удары, наносимые ими друг другу, сильнее и убийственнее ударов, наносимых ими порознь их общему врагу—советской власти? . .

В то же время, все эти вновь народившиеся группы и толки, все эти осколки когда-то единого белого целого, претендующие на бытие в качестве самостоятельных политических организмов, все эти кучки честолюбивых политиканов, предполагая, вероятно, вести дальше борьбу с большевиками собственными средствами, без участия и содействия ненавистных белых же соседей, стали проявлять и проявляют максимум организационной деятельности.

Помимо зарождения целого ряда новых органов эмигрантской печати, обслуживающих самостоятельные группировки, следует указать на созыв целого ряда съездов, соборов, совещаний и конференций. В течение двух последних лет мы наблюдаем множество проявлений подобной активности, правда, в огромном большинстве, не только безрезультатных, но даже вредных для белого дела.

В самом деле, нигде так блестяще не демонстрировалась отсталость и обскурантизм влиятельных кругов эмиграции, как на пресловутом Национальном Съезде в Париже летом 21 года; никогда так ярко не выявлялось непонимание крупными русскими промышленными кругами эмиграции задач настоящего момента, запросов и особенностей современного политико-экономического положения России, как на Торгово-Промышленном съезде, вынесшем... 17 резолюций. Никогда так бесплодно и обильно не тратилось слов, как на съездах б. членов Учредительного Собрания, кадетов и т. д.; и, наконец, никогда русская эмиграция правого крыла не роняла так позорно и глупо своего монархического знамени в грязь истории, как она это сделала на съезде в Рейхенгалле, на соборе в Карловцах и на Русском Совете в Константинополе!

Но все это совершилось, ибо все это было естественным следствием резкого партийного расслоения и раздробления вызванных крушением идей интервенции, повлекшим за собою

стремление «семи нянек нянчить одно дитя», каждая по собственному рецепту—новый приступ экспериментальной лихорадки, правда, на этот раз более безвредный, чем предыдущие, как протекающий вне территории России.

Как и во всяком социальном движении, в данном случае тоже проектировали и указывали пути к осуществлению, предпринимали новые шаги и изменяли направления курсов вожаки, массы же, дробясь и волнуясь, шли покорно за тем или другим из них, стремясь уверить в то же время самих себя в том, что это не вожаки единичные ведут их за собою, как стадо, а они сами—дальновидные, сильные и разбирающиеся в обстановке—идут самостоятельно по путям и к целям, самостоятельно выбранным ими.

Так же было и в эпоху активного белого движения, когда министры предписывали, генералы приказывали, высшие чины предпринимали, а массы, покорные и близорукие, подчинялись и поступали по указке, воображая, что это *они* самостоятельно творят *свое* идейное белое дело. Однако, после упомянутого перелома, приходится отметить в этой области явление совершенно новое, а именно—стремление этих,—еще так недавно безгласных и покорных масс,—проявить подлинную самостоятельность, отбросить на этот раз вековую привычку идти туда, куда ведут немногие вожди, и образовать какое-то нейтральное поле—эмигрантский слой, не примкнувший, временно, ни к одному из возведенных новых течений, выжидающий, выбирающий новые, действительно *собственные* пути.

К проповедникам новых тактик пристали сравнительно малочисленные группы, образовав твердые островки посреди бушующего моря широкой эмиграции, слабо разбирающейся в разновидностях тактик и казуистике программ и выведенной из состояния покоя и равновесия внезапным крушением заветной и многократно обещанной вождями мечты о скором и верном вступлении очередного белого генерала в Москву и возврата всех и каждого к старому, любезному и горько всеми оплакиваемому состоянию.

Причины этого явления, носящие в себе—как ни парадоксален подобный вывод—явные признаки революционной природы, влиятельная и руководящая эмиграция должна искать в истории своей собственной деятельности, своего собственного руководства, ничего в результате не давшего эмиграции, кроме разочарования и недоумения, приведших ее в тот идейный тупик, где мы ее находим сегодня. Мы настаиваем на революционной природе этого явления, потому что ряд элементов революционности в нем налицо: явное, гласное и нескрываемое разочарова-

ние в вождях, отказ поддерживать долее этих вождей и, наконец, развитие центробежной силы, увлекающей массы прочь от прежних идейных центров в поиски новых!

Симптомы этого, — опасного для руководящих эмиграцией кругов, — явления замечены уже ею и учтены. Бороться с его развитием призвана все умножающаяся белая пресса различных толков, но если она и задерживает нарастание внутреннего брожения, то справиться с ним совсем она, конечно, не в состоянии.

И все это не замедлило внести сумбур в белый стан.

Сторонники продолжения гражданского кровопролития, прежде боровшиеся бок-о-бок с Милюковым, бежали теперь от него неудержимо, поскольку он заявил о необходимости ликвидации Врангеля и о вредности вооруженной борьбы; от Бурцева отшатнулись те, которые верили в подлинность его революционного демократизма, когда Бурцев повалился в ноги Врангелю и сделал из своего органа — «Общего Дела» — официоз врангелевской армии.

От монархистов ушли и уходят многие после позора Русского Совета, Рейхенгалля, Карловцев и, наконец, после убийства Набокова. От Краснова отшатнулись даже его соратники, когда маститый генерал, дорвавшись до собственной газеты («Грядущая Россия»), начал писать о крестовом походе казаков на Дон, где якобы для них заготовлено американцами (?) хозяйство, и о способе покорения Сов. России при помощи... французских булок.

Казаки всем кругом отошли от Врангеля, но посмеялись и над курьезным Красновым; меньшевики вещали что-то из Берлина, но никто их не слушал и никто ими не интересовался, что же касается эс-эров, рекламирующих на-ново Керенского, то даже гром московского процесса не способствовал привлечению на их сторону новых и массовых симпатий в широких кругах эмиграции.

Словом, перелом тактик, передвижение точек зрения, перерождение идеологий, вызванные внезапным провалом почвы под верным, казалось бы, в своей простоте и мощи, катапультиром международной или отечественной интервенции, породили ряд новых сил, перебаломутивших эмигрантское море.

Именно в таком взбаломученном состоянии мы наблюдаем сейчас двухмиллионную русскую эмиграцию в Европе.

Идеи скомпрометированы, принципы осмеяны, вожди развенчаны, надежды рухнули, единство потеряно, почва под ногами провалилась...

А между тем, впереди роковое распутье и надо куда-то итти, надо что-то делать, строить какие-то новые идейные здания

взамен рухнувших, продолжать начатую пять лет назад борьбу или отказаться от нее...

И эту роковую дилемму, поставленную перед эмиграцией историей, ей надлежит разрешить в ближайшее время и притом в окончательной и решительной форме.

3.

Русская эмиграция и Европа.

Между русской эмиграцией и Европой,—с первого же дня, как нога первого русского беженца вступила на территорию последней,—установилась самая тесная связь и самая очевидная зависимость.

По мере того, как назревала, осуществлялась и разворачивалась активная борьба эмиграции с сов. властью, эта связь и эта зависимость все увеличивались, умножались новыми связующими нитями и эти последние, в свою очередь, новыми волокнами.

С течением времени выяснилось, что речь идет уже не о какой-либо моральной или гуманитарной связи, а о чисто и явно деловой зависимости белого лагеря от Европы, конечной цели борьбы белых с красными, от тех материальных средств, которые находились в руках этой Европы и без которых успех белых в этой борьбе был немыслим.

Связь эта и тесная зависимость между русской эмиграцией и антисоветской Европой продолжали существовать и действовать не только тогда, когда англичане и французы вооружали, кормили и инструктировали белые армии, но и тогда, когда, после крушения последней из них, они продолжали некоторое время кормить и одевать многие тысячи русских беженцев, и, наконец, даже теперь, когда эти беженцы—эмигранты, осев на территории той или другой страны, пребывают в тесном соприкосновении с существующим государственным порядком, местными властями и населением. Словом, тесная зависимость от Европы, как широких эмигрантских масс, сливающихся ныне с местным населением, подчиняющихся местным законам и питающихся соками данной страны,—так и руководящих эмигрантских кругов, не оставивших еще своих завоевательных планов и стремящихся играть политическую роль, но не могущих достичь этого вне сочувствия и реальной поддержки Европы,—эта связь и эта зависимость очевидны.

Ясно, что от степени сочувствия этой Европы целям, наметаемым белыми кругами, и путям, которыми предполагается

к этим целям идти, иначе говоря, от соответствия этих целей и путей личным, политическим или экономическим интересам и выгодам данной европейской страны, зависит поддержка и всяческая помощь белому движению, а, следовательно, и конечный успех намеченного предприятия.

Крушение последней белой армии, хотя, несомненно, задолго еще предвиденное поддерживающей ее Антантой, не могло не отразиться на взаимоотношениях между русскими антибольшевиками и этой Антантой, точно так же, как не мог не отразиться впоследствии, — в неблагоприятную, конечно, сторону, — тот идейный разброд, который начался в эмиграции вскоре после крымского крушения.

Крах военных предприятий ударил Антанту главным образом по карману, заставил ее еще раз убедиться наглядно в справедливости того, что она втайне уже давно подозревала, т.-е. в бесполезной затраченности уже выброшенных субсидий белым армиям и бесполезности новых.

Достаточно вспомнить сделанное в то время Ллойд-Джорджем заявление, что «он никогда не верил в победу Колчака и Деникина» и что «большевизм, вообще, нельзя уничтожить силой меча».

Внутренний же разброд в белом лагере определил в глазах Антанты достаточно ясно, что белая сила не только утратила свое оружие и плацдарм и потерпела военную катастрофу, — что могло быть объяснено несчастной случайностью, — но, — что значительно хуже, — пережила крах единства духа, утратила идейную дисциплину, без которой всякие новые попытки должны были неизбежно оказаться безуспешными.

Продолжающий беспрерывно прогрессировать процесс эмигрантского разброда и междуусобицы лишь подтверждал предположение о безвозвратности потери эмиграцией единства духа.

Следует ни одной минуты не забывать, что, поддерживая белое дело, союзники руководились прежде всего и главным образом интересами личной наживы, хотя и маскировали подлинные мотивы своей помощи напыщенно благородными заявлениями относительно «своего долга перед элементами русского народа, составляющими белую армию и в свое время оказывавшими им, союзникам, существенную помощь в борьбе с Германией»; но на самом деле помогали они белым ровно до тех пор, пока была надежда, что эти белые достигнут победы, как силой оружия, так и единством своего духа, и возьмут власть в России в свои руки, после чего благородные союзники получают за свою помощь щедрую компенсацию.

Насколько искренни были заверения в чувстве признательности союзников за помощь, оказанную им русскими в войне и вообще в гуманитарно-благородной подкладке их помощи, можно судить, например, по заявлению одного французского партизана, сделанному недавно в французской печати. Этот господин не нашел нужным даже соблюсти элементарную деликатность, раз дело шло о русских; он выразился вполне искренно, что: «судьба одного крестьянина из разоренных войною областей должна интересовать нас (французов) много больше, чем судьба тысячи русских голодающих...»

Относительно же предполагавшегося характера будущей российской белой власти и степени ее приемлемости для союзников, у этих последних не могло существовать опасений по той причине, что сами руководящие круги белой эмиграции неоднократно и весьма предупредительно давали им заверение в своей «благонадежности».

Приводим, как образец, выписку из официальной телеграммы, посланной 2-го января 19 года ген. Деникиным Российскому посланнику в Афинах для передачи союзникам:

Мы согласились с адмиралом Колчаком о чрезвычайном значении сочетания действий армий Востока и Юга в их усилиях достижения общей цели. Вдохновляясь теми же побуждениями, которыми воодушевлены все государственно мыслящие элементы в России, я считаю нужным заявить: *мы боремся за самое бытие России, мы не преследуем никаких реакционных целей, не поддерживаем интересов какой-либо одной политической партии и не покровительствуем никакому отдельному сословию. Мы не предрешаем ни будущего государственного устройства, ни тех путей и способов, коими русский народ объявит свою волю для утверждения великих демократических принципов истинной свободы, равенства и братства. Мы приложим усилия к образованию военных сил, необходимых для борьбы с анархистскими и большевистскими элементами, и утверждению этим путем правильной и спокойной жизни в стране. Исполнение этой задачи предоставит нашей возрожденной Родине, единой и неделимой России, возможность занять свое место среди других народов и укрепить те тесные узы, кои связывают нас с союзными державами.*

Генерал Деникин.

Главнокомандующий В. С. на юге России.

Приведенная телеграмма—одна из первых, трактующих для сведения союзников о том, «что будет»,—включает в себя почти

все элементы «политической благонадежности», могущие вполне успокоить союзников. Тут и заверение в отсутствии «реакционных целей», и полная «беспартийность», и отрицание сословных привилегий. Тут даже спасительное и прозрачно успокоительное сюсюкание о «не предрешении не только «будущего строя России», но даже *«тех путей и способов, коими русский народ объявит свою волю...»* Иначе говоря,—дипломатическое умалчивание *пока, а потом,* — «как изволите приказать, г.г. союзники!?!»

И только проскочившее случайно словечко «неделимая» Россия напрягает внимание, призывает к осторожности и внушает сомнение в искренности предыдущих сладких речей.

В белой печати приобрела широкое применение во всех затруднительных случаях ссылка на «не предрекаемость будущего строя России» и на свободное (в будущем) волеизъявление русского народа.

Врангелевский официоз «Общее Дело» в № 386 от 7 авг. 1921 г. в скандальной статье о Врангеле заявляет прямо:

По своим личным убеждениям ген. Врангель конституционный монархист, но он *никогда и ни при каких обстоятельствах* не будет навязывать своих убеждений другим, а тем более не пойдет за-одно с какой-либо группой, вздумавшей бы провозгласить здесь, на чужбине, тот или иной государственный строй, или попытавшейся бы, по возвращению на родину, навязать этот строй России вопреки воле народа силою штыка.

Наконец, сам Врангель в нашумевшей беседе с гр. Масаиновым (сотр. «Посл. Нов.», Париж) говорит о перспективах и о своей роли:

Если иго большевиков будет свергнуто внутри России без помощи внешнего вмешательства, и я и моя армия окажутся нужными там, я, естественно, передам свою власть новому законному правительству. Если же процесс восстановления будет более долгим и мне опять придется играть активную роль,—я передам свои права Национальному Собранию.

Кажется, совершенно ясно: забудем свою партийную рознь, пойдем вместе к спасению страны.

Все это с внешней стороны кажется прекрасным, но, к сожалению, «демократизм» и «внепартийность» белого вождя, вообще находящиеся под подозрением, подлежат еще большему сомнению, если сопоставить слова генерала с его же делами.

Из области последних:

«Последние Новости» (Париж) рассказывают о Церковном Съезде, созванном в Константинополе летом 21 года:

Открытие съезда являло собою внушительный смотр врангелевским и монархическим силам Константинополя. Зал был полон посольских служащих, гвардейских офицеров и дам этого же круга.

Из речи епископа Вениамина можно было понять только одно, а именно, что Россия должна вернуться к до-петровским временам, когда у нее был «лик», а не бессмысленное европейское «лицо», превратившееся в мартовские дни в «личину», а позднее—в «рыло».

Закончив свою речь, епископ приветствует сидящего за столом президиума «первого русского человека», ген. Врангеля. Публика встает с мест.

«Первый русский человек» отвечает речью, в которой призывает всех объединиться вокруг церкви.

А рядом с «первым человеком» оказались «человеки» с весьма определенными физиономиями.

Характерно присутствие на съезде в качестве представителя от беженцев небезызвестного черносотенца—прис. повер. Измайлова, бывш. редактора погромных листов «На Москву» и «Царь Колокол».

Далее:

В нашумевшем письме сперва 6, а затем 34-х врангелевских офицеров, напечатанном в «Последних Новостях»,—этом человеческом документе, вызвавшем в белом стане немалый переполох,—авторы повествуют о «крымских порядках», под скипетром «беспартийного» и «демократического» генерала.

Офицеры и солдаты без сапог и в рубище замерзали на фронте, а находящиеся в резерве вместо отдыха, в стужу, ночевали под открытым небом, тогда как штабы мирно почивали в особняках. Измученные войска все больше и больше вычеркивали из своих списков дезертиров. Пошли полевые суды и—усердием Кутеповых, Драценко и других—расстрелы.

Что же касается нас, офицеров, то мы, видя свистопляску наших генералов, видя, что они живут только врангелевскими чинами и для этого создают заведомо для нас гибельные бои, хотя бы это и стоило тысячи жертв, мы потеряли не только веру в них, но и всякое уважение. Вот, например, случай с ген. Драценко,

товарищем Шатилова. По ходатайству этого штабного генерала, Врангель назначает Драценко начальником штаба десантного корпуса на Таманский полуостров к командиру корпуса ген. Улагаю. Несмотря на то, что Врангелю отлично было известно, что представляет собою Драценко, назначение последнего все же состоялось. Благодаря Драценко, десант не удастся, гибнет почти весь корпус, лучшие силы (Константиновское юнкерское училище). Улагая отстраняют, а на его место назначают... Драценко. Мы, подписавшиеся, были очевидцами всего этого, видели слезы многих офицеров при этой неудаче, слышали проклятья виновнику — Драценко. А Врангель произвел его в ген.-лейтенанты и назначил командующим второй армией для операции через Днепр у Каховки. Драценко было, очевидно, мало всего этого, и он в заключение совершил позорнейший поступок на наших глазах, а именно: приехавшего к нему с донесением ординарца Таганрогского полка м. ун.-оф. Вас. Поколодного он велел на месте расстрелять, что и было исполнено, за то, что тот, по ошибке, назвал его не «ваше превосходительство», а «господин генерал»! И не взирая на все это, генерал Драценко эвакуировался из Крыма с комфортом в прекрасной каюте и доставлен через Константинополь в Сербию. А на-ряду с этим, ген. Ирманов, гордость военной истории, скромно прижавшись в углу палубы под буркой со своей семьей, под открытым небом ежился от 12 градусного мороза бок-о-бок с нами, страждущим офицерством, и в данное время таскает ведра с водой в Новом Саду.

Что же делал, зная все это, этот «чистый и благородный» ген. Врангель? Где он был в это время? Какой же это главнокомандующий, который не только не видит, что делается у него на глазах, но даже поощряет преступников?

Он утверждал смертные приговоры офицерам за неотдание чести таким палачам, как Кутепов и Драценко, но не находил времени видеть и слышать то, что давно разъедало корни армии и т. д.

Документ этот достаточно красноречив сам по себе, чтобы добавлять к нему что-нибудь...

Тот же Врангель, роняя себя окончательно и отдавая дань обычной мелкой эмигрантской замашке опорачивать все, в чем самому не довелось принимать участие, тот же Врангель отпускает

по адресу Деникина, Колчака и пр. своих предшественников ряд весьма резких критических выпадов.

Что я имел, начиная борьбу? У большевиков—все растущую, крепнущую от побед армию... У меня—наследие Деникина: разрозненные банды, занимавшиеся грабежом и проклинаемые населением.

Чем занимались все эти армии и Колчака, и Деникина, и Юденича? Грабежом, насилием, захватом... И народ русский проклинал все проходившие войска. С одной стороны, на него шли красные—организованные разбойники; с другой—плохо организованные белые разбойники—так уж лучше бы их не было вовсе.

(«Последние Новости».)

Приведенные штрихи общей картины способны только подтвердить высказанное предположение, что в стремлении предстать перед господами союзниками в наиболее привлекательном виде, могущем порадовать их хозяйский взгляд, генералы не гнушались явным притворством и опорачиванием друг друга с целью выдвигания себя на первый план.

Представители менее воинственных белых группировок тоже неоднократно выступали с декларациями относительно своих целей и планов.

Не говоря уже о 33 господах б. членах Учредительного Собрания, высказавших в Париже на съезде в 21 году весьма много приятных для Европы слов и обещаний, глава умеренных, так сказать, антибольшевиков, П. Н. Милюков, неоднократно давал и печатно и устно как Старому, так и Новому Свету, доказательства своей «политической благонадежности».

В Вашингтоне в ноябре 21 года он заявил торжественно, что «хотя в свое время он и разделял идею восстановления в России конституционной монархии, в настоящее время он считает вопрос о восстановлении какой бы то ни было монархии в России абсолютно неосуществимым».

Далее, в программной статье в «Голосе России» в № 728, Милюков заявляет с еще большей определенностью, что:

Борьбу с реставрационными покушениями мы считаем одной из очередных задач русской демократии. Союзу наших реставраторов с европейской реакцией мы должны противопоставить свой собственный союз—русский.

Вот почему мы будем проповедывать самое тесное объединение всех искренних демократических сил Рос-

сии—буржуазных и социалистических—для борьбы со всякими попытками извратить или умалить политическое или социальное содержание мартовской революции.

В таком же роде высказывались неоднократно и другие вожди—помельче,—силясь таким способом создать в необходимых им иностранцах уверенность в приемлемости для последних идеологических устремлений поддерживаемого ими белого движения.

Отвергнув раз навсегда, самым фактом своего эмигрирования и дальнейшей своей политикой, возможность своего, какого бы то ни было, сотрудничества с сов. властью с одной стороны, они, вожди, с другой—подтверждали неоднократно—искренне или неискренне—и свое отречение от идеи реставрации, зная наперед, что вступление на путь, способный привести обратно к восстановлению прежней Великой России с ее империалистической политикой на Востоке, тоже не в интересах господ союзников.

Словом, эта политика—«чего изволите?»—искусно проводилась всеми, тогда еще объединенными в одно целое, белыми группами, за исключением нескольких крайне правых, по недомыслию ли или по бестактности заголосивших вдруг и не к стати что-то о «державном хозяине земли русской».

Одновременно с этим, все без исключения белые группы твердили беспрерывно о близости крушения советской власти, пользуясь этим наивным приемом, вероятно, в целях подогревания симпатий иностранцев, развязывавших свои кошельки в надежде на близкие барыши.

Эти обещания «завтрашнего крушения» своей необоснованностью и частой повторяемостью могут быть отнесены в разряд курьезов. В этом направлении особенно старательно действовала и продолжает по сей день действовать эмигрантская печать. Несколько наиболее характерных примеров ее «авторитетных заверений» считаем не лишним привести ниже:

«По имеющимся у меня агентурным сведениям коммунисты изживают себя, и падение их близко...» (Беседа с Врангелем. «Посл. Нов.», лето, 21 год.)

«Как представители русских демократических партий, объединившихся в частном совещании б. членов Учредительного Собрания, мы считаем долгом заявить: большевики, находящиеся *накануне падения*, и т. д. (Милюков и Авксентьев в Вашингтоне в ноябре 21 г.)

«Крушение большевизма, как власти, приближается неотвратимо и ускоренно». (Петр Струве. «Русская Мысль», 1—2 кн. 21 г.)

«Что бы ни происходило в области международной политики, какие бы договоры большевики ни заключали,—положение остается неизменным: *советская власть должна (?) будет пасть*». («Общее Дело», октябрь 21 г.)

«Я бы определил положение вещей в совдепии, как неустойчивое равновесие, которое во всякую минуту может нарушиться не в пользу большевистской власти и привести к падению ее. Трудно, конечно, предсказывать срок (!), но общая тенденция развития событий—вполне ясна. (Заявление Г. А. Алексинского эстонским журналистам в октябре 21 года.)

«До сих пор они (большевики) шли все в гору и в гору. Но в настоящее время их счастливая звезда, повидимому, закатывается. Можно надеяться, что скоро они будут там, где должны быть». (Статья Бурцева «Конец борьбы», напечатанная в «Общ. Деле»... *за две недели до октябрьского переворота—14-го октября 17 года.*)

Использование, между прочим, белыми кругами столь курьезных приемов убеждения Антанты указывает с полной ясностью, что все без исключения меры для сохранения и укрепления связи между белым лагерем и этой Антантой, а, следовательно, и необходимой для белых зависимости, принимались как вождями белых армий, так и вождями гражданской эмиграции.

Союзников убеждали, им сулили быстрый успех, обещали быть послушными и создать в будущем приятную для всех русскую власть, их обхаживали, как выгодную невесту, и хотя ничего из всех этих лукавств и ухищрений не вышло, хотя и поведение «освободителей» России было далеко не такое, какое они обещали, эти достаточно наивные приемы до поры до времени действовали, и все шло именно так, как того хотелось руководителям русской эмиграции.

Не может быть, однако, сомнения в том, что «хорошее поведение» и «посулы» вождей эмиграции если и играли некоторую роль в деле поддержки Антантой белого движения, то роль эта,

конечно, не была решающей: поддержка эта, оказываемая вследствие причин, более глубоких и сложных, длилась ровно до тех пор, пока это,—как было уже сказано,—представлялось для Антанты выгодным.

Процесс партийного расслоения и затем дальнейшего более мелкого дробления единого целого русской эмиграции, определившийся вскоре после крымской катастрофы,—а также процесс выявления из хаоса переплетающихся идеологических разновидностей и расплывчатых очертаний антибольшевистских программ, строго определенных политических курсов и норм, в связи с резким изменением обстановки в области русского вопроса, вызванным крушением Врангеля,—нарушил установившееся в течение годов равновесие связей и зависимостей, существовавших между русской эмиграцией и Антантой.

Оставляя в стороне вопрос о массовых симпатиях, которые могли питать или не питать те или иные нации к представителям русского народа на чужбине и продолжая рассуждения лишь в области конкретных факторов,—какими в данном случае являются интересы экономические, политические и прочие той или другой страны,—следует сказать, что если до крушения Врангеля зависимость эмиграции от Европы была, если можно так выразиться, зависимостью дружественных услуг, если тогда помощь принималась в надежде возмещения современем таковой, гостеприимством пользовались, предполагая когда-нибудь смочь отплатить тем же, и неизбежные обиды и уколы принимались без заподозривания в них издевательства и желания унижить и оскорбить, то теперь, после этого крушения, упомянутая зависимость превратилась в тяготу и унижение, ибо помощь стала похожей на милостыню, дружеское гостеприимство—на приживальчество, а невольные уколы и обиды уже нельзя было рассматривать иначе, как желание оскорбить, унижить, а главное—избавиться, как можно скорее, от назойливых и обременяющих нахлебников и постояльцев, не указывающих к тому же добровольно срока своего отъезда.

С того дня, когда политика Европы в русском вопросе, покинув русло насильственного военного завоевания и порабощения, вошла в новое—осторожного и по возможности миролюбивого выторговывания барышей и деликатного устремления к незаметному и окончательному порабощению и экономическому закабалению России,—с этого дня остатки белой армии, сотни тысяч неустроенных беженцев, десятки тысяч устроившихся более или менее эмигрантов, пребывающих на чужих территориях, а также выполнение в отношении их принятых на себя обяза-

тальств финансового, продовольственного и филантропического характера, все это вместе взятое превратилось для иностранцев в бесполезную и даже иногда вредную обузу при новом курсе политики в русском вопросе.

Бесполезную—ибо от нее в будущем уже никаких выгод ждать не приходилось, вредную же—в том смысле, что необходимость содержать ее—эмиграцию—на своей территории и оказывать ей обещанную однажды филантропическую поддержку могла создать нежелательный отрицательный фактор в налаживающейся обстановке мирных сношений с советской властью. Упомянутая только что вредность пребывания русской эмиграции в странах Антанты определилась с исключительной выпуклостью в последующий период, когда эта эмиграция, пользуясь гостеприимством Европы, затеяла непрерывную и все разрастающуюся междуусобицу и довела свое политиканство до револьверных выстрелов.

Изменение отношений, как правительственных властей стран Согласия, так и населения последних к массам русской эмиграции, застрявшим безнадежно в Европе, определилось в двух направлениях: в области экономической—в ограничении заработных возможностей, в ограничении правового положения эмиграции, в увеличении налоговых обложений эмигрантов, в стеснении права жительства и свободы передвижения из страны в страну (визы).

Второе—в области политической благонадежности. Что касается последнего, то усиленная фильтрация властями эмиграции, для отделения и удаления за пределы «неблагонадежных», вызвана, с одной стороны, самой эмиграцией, проявившей, как сказано, внутреннее брожение и раздор, клевещущей друг на друга и стремящейся, ни перед чем не останавливаясь, наделать друг другу как можно больше гадостей; с другой же стороны, увеличивающейся с каждым днем тревогой по поводу коммунистической пропаганды, тревогой, основанной более всего на наблюдаемых явных симпатиях европейских рабочих масс к советовластию, и с третьей стороны—дипломатической необходимостью не допускать на своей территории деятельности лиц и групп, способных своей контр-революционной работой повредить гармонии налаживающихся в Европе, столь необходимых, мирных сношений с Россией.

В настоящее время, когда речь идет уже не о том, чтобы кормить, одевать и вооружать русскую эмиграцию в надежде ее руками впоследствии таскать из огня горячие каштаны, в настоящее время, когда для иностранцев в результате трехлетнего кровавого опыта стало ясным, что «... никакой другой

России, кроме революционной, сейчас нет и не может быть...», что «... поскольку они сумеют к ней приспособиться, постольку и она приспособится к ним...», что «... контакт между ними и Россией легко может установиться и без того, чтобы в России как-то вдруг прекратился естественный революционный процесс, создался такой западно-европейский режим, для которого в ней в настоящий момент нет решительно никаких реальных предпосылок...», наконец, что «... революционная Россия не только существует, как определенная международная сила, ... действует на общий ход международной жизни, и чем дальше, тем это воздействие будет сказываться все сильнее...» (Ю. В. Ключников. «Международное положение России». «Смена Вех» № 1)—в настоящее время дипломатических состязаний и испытаний на степень негоциантской предприимчивости недавних вооруженных блюстителей многовекового европейского порядка, русская эмиграция, выброшенная силою вещей на роковое распутье, для всех—лишь обременительный и ныне совершенно бесполезный балласт.

Современной же своей линией поведения в отношении русской эмиграции, о чем более подробно мы будем говорить ниже, Европа не только не локализирует процесс внутреннего разложения этой эмиграции, а, напротив, способствует его интенсивному и губительному для белого лагеря развитию.

4.

Судьба остатков Врангелевской армии и гражданских беженцев с русского юга.

Для русского читателя, естественно, представляет немалый интерес освещение бытовых условий русской эмиграции в настоящее время, уяснения взаимодействия идейных пертурбаций, переживаемых эмиграцией, и этих бытовых условий, а также видоизменений международной политики в области русского вопроса и отражения этих последних на условиях быта русских беженцев.

Следует напомнить, при каких условиях огромное, небывалое, можно сказать, количество русских эмигрантов получило в европейских странах право убежища, более того, на первых порах всякого рода поддержку. Это было в период наибольшего обострения взаимоотношений между новой Россией,—еще рождавшейся в пламени революции,—и старой Европой, только что разгромившей центральный союз и еще опьяненной своей победой.

По мере изжития идеи интервенции и в то же время по мере изменения первоначального европейского мнения о советовластии, как о неэластичном, бесфундаментном и недолговечном ублюдке государственности и обнаружения в нем совершенно новых качеств—жизнеспособности, соответствия национальным пожеланиям и вкусам народа, наконец, при всем его экстремизме—крайней приспособляемости к современной обстановке и окружающей среде,—эта обостренность отношений постепенно ослабевала, и в настоящее время уже наблюдается работа, идущая полным ходом к цели восстановления всякого рода нормальных и деловых сношений между эволюционирующей Россией и, в свою очередь, эволюционирующей в русском вопросе Европой.

Неожиданные открытия эти и последствия их, изменившие существенно международную обстановку в области русского вопроса, не замедлили отразиться на взаимоотношениях между Европой и русской эмиграцией, что дало последней себя почувствовать очень скоро и очень больно.

Избранный нами выше исторический рубеж,—крушение последней белой армии,—послуживший водоразделом для пробудившейся эмигрантской мысли, является также яркой чертой, оттеняющей одну эру эмигрантского бытия от другой—современной.

В период уверенности Европы в неприспособленности и недолговечности сов. власти, русскую эмиграцию, сперва слабо просачивающуюся уже через западные границы, а затем хлынувшую через фронты после первых их колебаний, эта Европа принимала достаточно гостеприимно. Народился ряд учреждений, поставивших себе единственной целью заботу о беженцах, введены были, например, также привилегии, как льготный размен русской валюты на иностранную, и даже в роковом вопросе о визах, до крушения Врангеля, не было множества затруднений, введенных в систему позже. Эмиграция быстро рассасывалась по крупным центрам, оседала и не столько заботилась о завтрашнем дне, твердо веря в скорое возвращение на родину, возвещаемое воинствующей печатью с Бурцевым во главе, сколько проживала остатки своего благосостояния в беззаботном и легкомысленном стремлении позабыть тяжелое прошлое и развлечься.

Но с того момента, когда Европа на горьком опыте познала ошибочность своего убеждения о недолговечности и неустойчивости сов. власти и принуждена была оставить план вооруженного покорения России руками русских лже-патриотов и когда она неожиданно обнаружила симптомы политической и экономической эластичности новой русской власти и сделала

из этого открытия соответствующие практические выводы, ей уже не представляло интереса нянчиться с миллионами русских антибольшевиков,—нахлынувших вслед за крушением армии,—давать им визы для катания по Европе, льготно разменивать им валюту и заботиться о том, чтобы каждый из них имел ежедневно свой обед.

С этого именно момента, как нельзя более ярко, эмиграция начала испытывать свою постоянную и тяжелую зависимость от европейских настроений и от сегодняшних взглядов Европы на русский вопрос.

Реальными проявлениями этой печальной зависимости, с одной стороны, явилась ликвидация всякого рода международной благотворительности, с другой—полицейские репрессии против чересчур активной в своем политиканстве эмиграции, а также против той ее части, которая не проявила способности к самостоятельному существованию и лишь обременяла страны, ее приютившие.

Миф о «благородстве» союзников и вообще цивилизованных европейцев потерпел таким образом окончательный и явный крах.

Только слепым и глупцам оставалось неясным, в каких целях проявляли эти союзники столько трогательной заботливости о русских беженцах, какими побуждениями руководствовались они, и только младенец не видел и не чувствовал теперь того осязаемого перелома, за которым уже, очевидно, не остается места сентиментальности, поскольку вступает в свои права дело.

Перелом этот совершился, процесс ухудшения, так еще недавно покровительственно дружеского, отношения иностранцев к русским белым начал развиваться, и, как следствие его развития, создались для эмиграции те новые, но беспрерывно ухудшающиеся условия быта, к освещению которых мы сейчас обратимся.

Для наглядного уяснения ширины диапазона социальной гаммы эмиграции необходимо наметить основные подразделения всей ее массы на две группы; первая из них—«устроившиеся», т.-е. занимающие более или менее твердое положение, сумевшая так или иначе создать для себя хотя бы относительное материальное благополучие, мало или почти вовсе не занимающаяся политикой, а потому не угрожаемая упомянутыми репрессиями.

Эта группа, в общем, меньшая, большая же—вторая, т.-е. те широкие массы пестрой, безденежной, безработной и часто голодной эмиграции, которая волнуется, ища выхода, поневоле политиканствует и становится вследствие этого объектом все-

возможных правительственных гонений. Здесь, прежде всего, — осколки белых армий, офицеры, не имеющие иной профессии, кроме военной, солдаты, не знающие языка и ремесла, а затем огромное множество рядовых беженцев, этот пестрый хвост, притаившийся за армией неведомо для чего в Европу, голодный, безденежный, безъязычный, не обладающий в большинстве ни энергией, ни специальными знаниями.

Эта вторая из перечисленных категорий — «неустроившихся» эмигрантов — представляет большой для исследования интерес, как более яркая, более многочисленная и более выпукло отражающая все стороны роковой зависимости каждого индивидуума, ее составляющего, и всей массы от чуждой им деловой Европы и часто непонятной для них политики этой Европы в русском вопросе, а также великого множества второстепенных социальных и чисто бытовых причин, корни которых следует искать как в толще исторических наслоений, так и современной психологии народов, переживших войну и раскаты революции.

Поэтому освещением быта этой категории мы займемся в первую очередь, рассмотрев те условия, в которых оказались остатки врангелевской армии и гражданские беженцы с юга России.

Очень характерно, что в белом лагере, где нет недостатка в ученых, литераторах и вообще в людях с пытливым умом, где существует ряд русских издательств и множество русских газет, много говорится и пишется об эмиграции, никогда или почти никогда не возбуждался и не рассматривался вопрос о социальном расслоении эмигрантской массы и об огромности расстояния, отделяющего условия быта одних от условий быта других.

Точно так же не находилось любознательного исследователя многочисленных причин, способствовавших беспримерному ухудшению быта для одних и в то же время беспримерно улучшивших положение других.

Это упорное замалчивание вопросов, которые, вследствие своей непосредственной остроты и близости, казалось бы, не могли остаться незамеченными или забытыми, создает впечатление желания успокоить общество и убедить его в том, что «все это несущественные пустяки» и что «на Шипке все спокойно»...

Такое предположение становится тем более правдоподобным, что на-ряду с замалчиванием этой разницы и причин ее обострения некоторая (большая) часть белой прессы, в порыве «патриотического рвения», принялась публиковать совершенно фантастические сообщения о том, что «все благополучно», и в то же время

другая часть, меньшая, приступила к опубликованию материалов, доказывающих противоположное.

Когда один человек, настойчиво преследующий достижение какой-либо цели на своем пути, не брезгает пользоваться ложью, злоупотреблением доверия и вовлечением в обман, то, поскольку это обнаруживается, общество, оскорбленное в своем нравственном чувстве, негодует и презрительно от него отворачивается.

Когда же человек или малочисленная группа людей, волею судьбы и случая поставленных управлять и руководить десятками миллионов им подобных, в своем стремлении к цели,—часто не только чисто эгоистической, но для этих десятков миллионов явно вредной,—прибегают к тем же приемам, рассматриваемым обществом, как безнравственным, т.-е. лгут, обманно увлекают и злоупотребляют доверием, это же самое общество не только не негодует и не возмущается, а часто с явным удовольствием констатирует в своих вождях наличие качеств, которые называет твердостью, ловкостью управления и политической мудростью.

Повидимому, понятия об индивидуальной этике и этике правительственной—несоизмеримы.

Мы помним, как белая пресса, захлебываясь, повествовала о демократичности белого движения, о прогрессивности белого управления и о победоносности и рыцарстве белого воинства и об идиллической чистоте правительственных нравов в белой России от Краснова до Врангеля.

Если бы белые победили красных, то, весьма вероятно, эта ложь осталась бы ложью неоглашенной, хотя и обнаруженной, и мы на собственной спине имели бы случай проверить демократичность белой власти, рыцарство белой армии и прогрессивность белого управления.

Но победили не белые, а красные, и все тайное стало явным.

Достаточно было бы привести несколько документальных ссылок на примеры, напомнить кое-о-чем, в истинности чего не может быть сомнений, чтобы для каждого стала очевидной та пропасть, которая лежала постоянно между белым словом и белым делом.

Но мы не будем обращаться к новым примерам из опасения повторить то, что уже известно русскому читателю, тем более, что для нас это расхождение белого слова с делом интересно постольку, поскольку мы наблюдаем его теперь, в период, наиболее приближенный к нашим дням, и в отношении быта остатков белых армий, застрявших в различных концах Европы и могущих по справедливости быть названными наиболее неустроившимся и бедствующим слоем русской эмиграции.

Эмигрантская пресса правого крыла неизменно и настойчиво убеждала эмигрантское общественное мнение и главным образом, конечно, «неверующих» в том, что, как влиятельные круги эмиграции, так и «сочувствующая» Европа сумела создать для этих несчастных (для остатков армий) благоприятные условия жизни.

Но в той же мере, в какой лживы были утверждения эмигрантской прессы относительно демократичности белого движения, рыцарства белого воинства и прогрессивности белой власти, лживыми являлись и являются заверения о благополучном житье остатков врангелевских войск на Балканах.

Здесь уже уместны будут примеры, ибо несколько выдержек из документов и статей, напечатанных в *белой прессе* и касающегося, как прошлого, так и настоящего белых армий, способны лучше всего подтвердить вышесказанное.

Вспомните, как живописалась доблесть белых походов в белых газетах того времени... Но вот и обратная сторона, обнаруживающаяся только в наши дни.

А. Валентинов в газ. «Посл. Новости» в сентябре 21 года, в статье «Три года», пишет:

Борьба за освобождение Кавказа... Помните это освобождение?

Помните эти кошмарные осенние бои за обладание Севастополем, залитым кровью, разоренным до тла, заплатившим сторицей за свое «освобождение» в июле?

Помните «освобождение» Майкопа с резней на улицах, устроенной ген. Покровским? Помните этот кошмар, когда среди бела дня отцов рубили шашками на глазах детей и мужей расстреливали на глазах жен? Помните Темнолесскую? Помните эти леденяще-молчаливые вереницы пленных, без единого слова, без единой мольбы в воспаленных от тифозной горячки глазах, отправляемых на кладбище...

Дальше—помните переметные сумы шкуринцев, набитые до отказа «царскими» и «керенками»?

Помните «бессмертный» рейд Мамонтова, отправившегося на Москву, но уже по дороге изнемогшего под бременем пудов золота и серебра, полученных «от благодарного населения»?

Помните кошмарное отступление, разорение деревень, сел, городов, взрывы мостов, погромы ни в чем неповинного населения, разгул тыла, кокаин, шампанское накануне сдачи городов и в конечном итоге Одесса, Херсон, Николаев, Ростов, Новороссийский мол....

Дальше? Дальше, в сущности, логический эпилог— Крым... Новый вождь, прославившийся своим письмом на имя бывшего главнокомандующего... Звон фанфар и литавр... «Ура!»... «шапками»... «Совдепия накануне гибели»... «Ленин повесился!»... «Троцкий бежал!»... Во всем вчерашнем виновен «Мойше!»... Выход из Крыма. Первые победы и вслед за ними страшный ясный облик неизбежной катастрофы.

В те дни, когда все это имело место, разве смели говорить правду даже за кордоном, как это делают теперь? Не смели и не говорили... Лгали из любви к искусству, из жажды подслужиться так же беспардонно и неумеренно, как лгут сейчас, изображая быт врангелевских остатков образчиком беженского благосостояния.

А между тем, и эта вторичная ложь вскрывается в наши дни, как и первая:

... В лагере голодно, ибо нельзя быть сытым на выдаваемый французами паек: полстакана консервов, полфунта хлеба, столовую ложку фасоли и пол-ложки сахара, и это ощущение вечной пустоты в желудке— нестерпимо. Когда на станции разгружают вагоны с капустой—прилипшие к вагонному полу листья тщательно отдираются и съедаются, как лакомство, часто даже сырыми. Кусок хлеба ценится на вес золота. На склады с продовольствием иногда делают налеты из-за горсти муки...

Кроме этого, нет простой вещи — огня, на котором можно было бы приготовить какое-нибудь варево. Подбирается каждая щепка, каждый сучек. Но когда ничего не остается—начинают таскать ящики из-под снарядов. Они ломаются с неуклонностью каждую ночь, несмотря на угрозы. Наконец, французы стреляют по растаскивающим топливо и убивают несколько человек. Во время одного такого ночного набега, когда из трех шедших за дровами были ранены двое—подхорунжий и вахмистр Егорьевского полка—и не будучи в состоянии бежать, доползли под выстрелами до канавы — часовые разбили им головы прикладами.

В довершение всех бед—в лагере не было даже хорошей воды. В лагере холера—десятки смертей в день. (А. Масаинов. «Недавно в лагере», «Последние Новости».)

А. Рослов в тех же «Последних Новостях» пишет:

«В Русском плену».

Еще зимой, в декабре и январе, когда прибывшие из Крыма беженцы несколько оправились после ужасов и тягостей эвакуации, а вводимый ген. Кутеповым режим уже дал себя почувствовать, начались между галлиполиейцами толки, как бы выбраться из-под «заботливой» опеки начальства. Легальных к этому путей не было. Попытки перебраться через перешеек, охраняемый греческими войсками, или переправиться через Дарданеллы, окончились для многих смельчаков очень печально. Больше 400 человек томилось в подземельи главной галлиполийской гауптвахты, ожидая суда за побег из армии, «находящейся в состоянии войны с Сов. Россией» (формулировка обвинительных актов).

«Уходили наименее стойкие, зачастую корыстные элементы, отпадали отжившие, омертвевшие части». Так характеризует ген. Врангель покидающих ряды его армии («Обращение к маршалам Франции»). Между тем, среди толпы переселенцев попадались офицеры со знаками Кубанского похода на груди. Это—те, которые первыми пришли на зов ген. Корнилова, с ним совершили легендарный поход, а после героического периода армии не почтили на лаврах, осевши в многочисленных штабах, а продолжали борьбу до конца в первых рядах. Это—те, благодаря кому ген. Врангеля до сих пор называют «вождем» героев, а сам он, указывая на их подвиги, все еще пользуется внимательностью иностранцев.

На улицах города были случаи ареста «дезертиров»; были случаи, когда особенно усердные начальники собирались даже на пристани арестовать своих подчиненных, ожидающих переправы на пароход. Нужно было видеть волнение ожидавших, боявшихся оказаться сверх объявленной тысячи, нужно было видеть радость тех, кто очутился на пароходе, чтобы понять, как рвутся из армии на волю, к жизни трудовой и тяжелой, но свободной!

Наконец, чтобы уяснить себе с полной очевидностью кошмарную картину нравов, господствующих в официальных врангелевских учреждениях в Софии, достаточно ознакомиться с приводимой ниже выдержкой из известного письма 34 офицеров,

перепечатанного в № 829 газ. «Голос России» (Берлин) в ноябре 21 года.

Кто дал ген. Врангелю право назначать от своего имени ген. Потоцкого, окружившего себя таким громадным штабом адъютантов и сыщиков, что на эти деньги можно содержать много десятков инвалидов-офицеров?

Мы спрашиваем ген. Врангеля, известно ли ему, что адъютанты Потоцкого берут взятки?

М. Н. Рунге, вдова офицера, просила у адъютанта Потоцкого, ротмистра Данич, обмундирование для раненого сына, вольноопределяющегося, и получила отказ. Когда же Рунге заявила Даничу, что может его поблагодарить и при нас вручила ему 100 динаров, то немедленно получила наряд на полное обмундирование.

Известно ли ген. Врангелю, что ген. Потоцкий собирает деньги на русскую армию и на эти деньги содержит около себя целый ряд гнусных сыщиков, бывших жандармов вроде полк. Стреха, который с нищих дерет шкуру, беря взятки с офицеров даже водкой, а на тех, кто этого не делает, доносит Потоцкому—они большевики, кадеты, эс-эры? Известно ли ген. Врангелю, что этот Стреха был выгнан из полка судом чести за грязные дела и до гражданской войны не был никуда принят? В европейскую войну он командовал гуртом скота (33 корпуса), проворовался, был судим и спасся благодаря революции. Теперь Стреха назначен Потоцким в качестве коменданта беженцев для политической борьбы с офицерами и дошел до того, что запретил все газеты, кроме «Нового Времени».

Мы спрашиваем ген. Врангеля, на каком основании ген. Барбович находится у власти в Сербии и «устраивает» остатки голодных людей на пограничную службу к сербам? Над всеми офицерами не из Галлиполи Барбович и Потоцкий издеваются, чинят всякие препятствия их поступлению, называя их дезертирами. А сербские власти поставили условием приема—согласие военного агента.

Это—тот Барбович, который под Каховкой закончил свою боевую деятельность тем, что на наших глазах повесил двух беременных женщин, Лию Готлиб и Анастасию Звереву, рядом с корнетом в форме—И. Н. Удовиченко, как будто бы участников шпионажа, что, как на следующий день выяснилось, была... ошибка.

Мы спрашиваем, неужели Врангель, Шатилов и др. думают, что офицерство в массе настолько глупо, что не видит, что все эти крики о необходимости сохранить армию были только для того, чтобы около больного истерзанного тела этой армии устроить себя тепло, а угнетенному и забитому офицерству бросить с сытого стола ненужную кость.

Е. П. Анч в «Воле России», август 21 года, пишет:

«Русские монархисты в Сербии».

Вся власть над русскими фактически сосредоточена в руках жандармов. Палеолог—бывший губернатор, Скаржинский—бывший правитель канцелярии министерства иностранных дел, ген. Батюшин—офицер,—если память мне не изменяет,—заведывавший контрразведкой при штабе Петроградского округа. Всем им оказывает серьезную помощь военный агент Врангеля—ген. Потоцкий.

Эта группа людей, пользуясь своими связями, стала во главе эмигрантской жизни и захватила в ней руководящую роль, воспользовавшись чрезвычайно лояльным отношением сербов к русским. Так, например, Палеолог, через своих уполномоченных, был единственным распорядителем денежных сумм, отпускавшихся на помощь русским беженцам, пока сначала не установили над его деятельностью контроля, а потом не передали этого дела целиком в ведение Державной комиссии. Скаржинский и Батюшин—это главнейшие помощники Палеолога, направляющие его деятельность.

И Скаржинский и Батюшин были в исключительном доверии у сербов и инспирировали сербское общественное мнение по русскому вопросу, популяризируя идею возможности замещения русского престола сербскими принцами.

Сербы, которые считают своим другом ген. Батюшина и оказывают ему покровительство, должны знать, что ген. Батюшин получил печальную известность по делу о русских сахарозаводчиках и банковских дельцах, которые умышленно понижали ценность русского рубля, разоряли денежное хозяйство России и, экспортируя за границу русский сахар, продавали его немцам. Благодаря Рубинштейнам, Доброму и К^о и благодаря ген. Батюшину, при содействии которого они избежали виселицы, немецкие солдаты ели русский сахар в то

время, как русская армия часто неделями не знала, что такое сахар...

Ген. Батюшин был арестован при царе, сидел в тюрьме при временном правительстве и при ген. Деникине. Казнокрад и вымогатель, квалифицированный по суду, вечный арестант, известный всей России, как предатель, он теперь в Сербии говорит от имени этой России!

Сербы должны знать, что и Скаржинский и Батюшин если захотят говорить от имени России, то они могут говорить только от России предателей, от России жандармских генералов и немецких агентов, от России, опозоренной и окровавленной еврейскими погромами...

Скаржинский и Батюшин своей деятельностью в Сербии дают этому блестящее доказательство.

Передо мной лежит донос, написанный одним из лидеров земунских черносотенцев Барашевым по поводу постановки учебно-воспитательного дела в детском доме союза городов.

— Известно ли, что в детском доме русский язык преподает иностранец, ставящий вместо отметок *шести-конечную звездочку*, до сих пор нигде не применявшуюся, кроме совдепии?—глубокомысленно спрашивает этот погромщик, именующий себя инженером.

По этому доносу следствие длилось два месяца. Его цель заключалась в том, чтобы подорвать работу городского союза...

Какой-то шарлатан, именующий себя профессором оккультизма Бостуничем, в своих лекциях заявляет:

— Ген. Романовский был жидо-масон 32-го посвящения или

— Антихрист родился...Он живет в Париже и охраняется 30 юнкерами выпуска Керенского.

Но всех художеств черносотенно-монархической своры не перечесать, да в этом и нет надобности: и того, что сказано — достаточно, чтобы определить весь характер их деятельности.

Эта деятельность—позор русского имени. Она совпадает с жандармской же службой русской знати в роли комиссаров государственных имений—должности административно-полицейского типа. В сербском обществе и печати много шуму наделал дефицит в 13 миллионов крон, получившийся в одном из таких имений после управления им графом Бобринским. На тех же ролях подвизаются кн. Гагарин и ген. Абрам Драгомиров.

После всего сказанного ясно, что быт, как остатков армий, так и гражданских беженцев, не разделяющих гнусно монархических взглядов и приемов их случайных вождей, сложился весьма тяжело и не только в отношении моральном, но и в смысле физическом.

Засилие эмигрантской рутины сказалось здесь с исключительной силой.

Неразделение монархической веры почитается вождями за преступление и влечет немедленную кару.

Например, «Новое Время» сообщает:

Большинство русской колонии в гор. Белая Церковь в Сербии «свергло» председателя колонии Челнокова, брата б. московского городского головы. Причины восстания беженцев против своего главы не лишены интереса.

17-го июля в годовщину памяти умученного злодеями государя императора, г. Челноков на приглашение офицерского общества присоединиться к торжественному поминовению усопшего монарха ответил отказом, заявив, что панихида по государе есть «дело частное», а он—лицо «официальное».

22 июля он тоже отказался совместно помолиться о долголетию государыни императрицы и демонстративно отсутствовал на молебне. Наконец, когда возник вопрос о присоединении общего собрания колонии к резолюции Рейхенгалльского съезда, г. Челноков решил не допускать такого «срама», чтобы колония, им представляемая, постановляла «черносотенные» резолюции.

«Воля России» описывает характерный инцидент, имевший место в 21 году в колонии «Пишель» (Юго-Славия).

На-днях состоялось общее собрание русской колонии. Председатель колонии г. Нечаев, открыв собрание, сказал:

— «Кандидатами в председатели собрания—г.г. А, Б, В».

Это возмутило коменданта колонии ген. Чеснокова.

— Позвольте, почему вы говорите о господах?..

— Как же я должен сказать?

— Вы обязаны были сказать: генерал такой-то, полковник ген. штаба такой-то, поручик такой-то...

— Здесь нет генералов и рядовых, здесь—все беженцы. Поднялся неопикуемый шум. Чесноков, усевшись на председательский стол, закричал:

— А ну, шпаки, сократитесь!.. Мы сами поведем собрание!

Оскорбленные колонисты послали протест по поводу действий коменданта.

«Голос России» в корреспонденции из Константинополя «Порядки в врангелевских общежитиях» дает яркую картину самоуправств отставных генералов.

Генералы считают долгом всячески проявлять свою власть. Вот образец такого издевательства:

В летней даче русского посольства на Босфоре, в Буюк-Дере, находится теперь общежитие для беженцев. За какие-то провинности комендант общежития ген. Кириллов постановил изгнать из общежития Горшко с семьей, Петрова, полк. Федорова и полковника Ешевского. Распоряжение было приведено в исполнение ночью, когда особая военная команда явилась выбрасывать несчастных опальных. Беженцы попросили 15 минут на сборы, каковые милостиво были даны.

С женой Горшко—истерика. Сбежавшиеся соседи запротестовали против времени и способа выселения. Конвой по истечении 15 минут вытащил Горшко за ноги из комнаты. Слезы, истерики, обмороки...

Собирание подписей под жалобой ген. Врангелю вызвало новый приказ коменданта—ген. Кириллова: «Коллективные заявления запрещаю. Предупреждаю, что подписавшиеся под протестом и заявлением рискуют навлечь на себя взыскания»...

Газ. «Накануне» в № 22 в «Письме из Болгарии» дает характеристику деятельности русских эмигрантских вождей в Болгарии.

В Болгарии сейчас около 20.000 русских беженцев. Среди них третья часть «старожилов», то-есть попавшие в Болгарию в дни первых эвакуаций. Остальные накоплялись постепенно через Константинополь и через Белград. Конечно, прежде всех «утвердились» здесь прилежные спасителя России, махровые черносотенцы, скромно именовавшиеся «обществом спасения России». Во главе этого общества стояли одесские деятели «Союза Русского народа»: проф. Богаевский, Янишевский и Медведев.

Имея влиятельное покровительство бывш. военного представителя Деникина и бывш. русского агента Петряева, до сих пор считавшего себя почему-то полномочным представителем России, «спасители» эти действительно стали играть заметную роль. Это общество стало выдавать аттестаты благонадежности, стало и доно-

сечь. Открыли собственную газету «Россия» и организовали собственную контр-разведку.

Самое любопытное во всем этом это, несомненно, то, что сам ген. Врангель как будто ничего не знает, не видит и не угадывает. Как будто он пребывает вне времени и пространства. До самого последнего времени, до своего выселения из Югославии он только и делал, что толковал о «преемственности своей власти», требовал выдачи ему посольских сумм, грозил бессильным кулаком и бряцал оружием. Это, конечно, было бы не столько страшно, сколько смешно, если бы не отражалось на быте остатков армии и беженцев, все ухудшая и осложняя его.

Касаясь военной неумолимости этого генерала, «Воля России» (№ 899) в «Письме из Сербии» в конце 21 года пишет:

Здесь в последние дни началась бешеная подготовка к мобилизации русских беженцев.

Из ставки в Карловцах, где сидит «сам» Врангель, шлют всюду приказы за приказами. К 1-му марта приказано заготовить списки всех русских офицеров: 1) тех, кто дает подписку слепо идти за Врангелем, 2) тех, кто этой подписки не даст. Последним грозят пока что, по свержении большевиков, не впускать в Россию и по примеру же большевиков лишить русского подданства. От сведущих людей идут слухи о предполагающихся еще более тяжелых репрессиях, а также и о принудительной мобилизации этих уклонившихся, но уже в качестве нижних чинов.

Цель этой мобилизации, якобы, переброска войска на Дальний Восток, на помощь тамошним черносотенцам.

Но всем отлично известно, что армия ни для какой непосредственной борьбы с большевиками не предназначена. Заветная мысль ее руководителей, еще со времен последних месяцев Крыма—«сохраниться до момента падения большевиков», с тем, конечно, чтобы потом начать борьбу за власть с демократией. К тому же и сама армия не способна ни к каким серьезным военным действиям. Ее состав—или, действительно, черносотенцы и не мечтающие сейчас о прямой борьбе, а поджидающие разложения большевиков, или загнанные голодом, агентами Врангеля и здешней атмосферой в ее ряды несчастные и больные беженцы. Пока что, армия служит ширмой и средством для руководящих кругов выманивать деньги и делать высокую политику... Но для русских беженцев, проживающих в Сербии, атмосфера, ею

созданная, невыносима, и бежать отсюда хотя бы в ад и то в пору...

В качестве примеров мы пользуемся исключительно газетным материалом, — полагаем достаточно ярким и авторитетным, — для обрисовки быта остатков южных белых армий и беженцев на территории балканских государств, т. к. лично наблюдать этот быт нам не довелось. Из той же белой прессы мы можем почерпнуть множество данных и материалов, вполне подтверждающих ту неблагоприятную для русской эмиграции эволюцию иностранных правительств, которая началась тотчас же после крушения Врангеля, непрерывно прогрессирует и не завершилась еще и по сей день.

Даже в «Общем Деле» мы находим неоднократные указания на эту эволюцию.

Положение помощи беженцамъ.

Константинополь, 6 июля (собств. корр.).

Положение беженцев в Константинополе близится к полной катастрофе, особенно после официального заявления французскими властями о прекращении выдачи с 15 июля с. г. пайка в гражданских лагерях. Выбрасывается на произвол судьбы вновь около 7.000 голодных ртов; между тем, проявление частной инициативы все более суживается в виду полного паралича экономической жизни страны. (1921 г.)

От 8 июля:

Русские общежития.

Константинополь (собств. корр.).

В виду недостаточности средств у правительственной власти, еще в апреле было предложено русским общественным организациям взять в свое ведение попечение о всех общежитиях константинопольского района.

Таким образом беженская часть вновь оказалась перед необходимостью удержать в своем ведении общежития и, в виду неопределенности положения вопроса о получении средств от правительственных или общественных организаций, вынуждены перейти к введению в общежитиях оплаты самими беженцами стоимости их содержания.

Начало платежности будет введено, как обязательная для них норма, и только в порядке исключения

от платы могут быть освобождены лица, совершенно неимущие и нетрудоспособные. Что же касается лиц трудоспособных, то, согласно приказу главнокомандующего, они должны будут покинуть общежитие.

Там же от 10 июля:

Борьба с недоеданием.

Всеросс. земск. союз расширяет питание в Галлиполи, доводя число получающих питание с 1.500 чел. до 3.000, в виду увеличения заболеваемости на почве недоедания.

«Своб. Слово» № 32 21 г.

Союзные власти заявили о прекращении бесплатного детского питания беженцев с 1 мая. Часть детей, снятых с пайка, переходит на продовольствование Американского Кр. Креста.

«Русское Эхо» (Шанхай) 18 июля 21 г.

Турецкие власти незаконно выселили из частного дома общежитие земского союза. До 80 обитателей силой выброшены на улицу. Союзные власти бездействуют.

Чем дальше, тем шло все хуже. Кольцо сжималось вокруг застрявших на Балканах русских, и настал день, когда эмигрантские газеты с негодованием сообщили о распоряжении союзной комиссии в Константинополе, требующей еженедельного медицинского освидетельствования, наравне с зарегистрированными проститутками, всех женщин, русских беженок, служащих в кафэ, ресторанах и столовых...

И рядом с этим вопиющим материалом, напечатанным белой же прессой, врангелевский официоз «Общ. Дело», отрабатывая генеральские субсидии, старался убедить общество, что «все обстоит благополучно» и обозрение лагерей остатков белой армии производит «самое благоприятное впечатление».

В № «Общ. Дела» от 8 июля 21 г. мы находим следующее:

Убедились.

Константинополь, 6 июля (собств. корр.).

Лагери Лемнос и Галлиполи недавно посетил вместе с генералом Артифексовым представитель Бельгии, уполномоченный Лиги Наций.

Он был прямо изумлен тем порядком, дисциплиной и бодростью духа, которые ему пришлось наблюдать.

Самое благоприятное впечатление из своей поездки вынес также и уполномоченный Земского Союза г. Емельянов.

В № 357 той же газеты константинопольский корреспондент уверяет, что:

— Я был поражен удивительной организованностью, порядком и дисциплиной, царящими в Галлиполи. Не преувеличивая, должен сказать, что я в первый раз в жизни (!) вижу части, настолько проникнутые воинским духом и сознанием долга перед родиной...

В лагере повсюду удивительная чистота, несмотря на недостаток в белье и платье, люди стараются быть опрятными, а женщины из ничего шьют себе платья и стараются быть даже изящными и кокетливыми. Общее впечатление у меня самое отрадное, и я постараюсь рассеять те злостные (!) вымыслы, которые распространяются за границей.

Я обошел все госпитали и лазареты и мог установить, что при нормальных условиях, при казарменной жизни, случаи заболеваний гораздо чаще (!).

Отношения в Галлиполи русских с французскими властями великолепные (!). Кроме хорошего, даже восторженного, я ничего не слышал.

Кому была нужна, кроме Бурцева, эта ложь? Кого способны были порадовать эти «опровержения», а на самом деле—противоречия? Для чьего удовлетворения прикрывались язвы эмигрантского быта, вызванные изменением отношения Европы к эмиграции?

Непостижимо!...

Ведь «Общее Дело» и К^о именуют себя патриотами, ведь на своих же столбцах они описывали факты, читая о которых вспыхивала гневно кровь и сжимались кулаки...

Что же они, г.г. Бурцевы, Пасманики, Яблоновские и пр., не понимают, что ли, что каждый шаг болгарского, румынского, турецкого и всякого другого полицейского, с усмешкой подступающего к русскому гражданину-беженцу, чтобы выбросить его из квартиры, отнять у него кусок хлеба, поставить его на унижительную работу, оскорбить его, его жену или дочь,—каждый этот шаг продиктован той самой Антантой-победительницей, перед которой они так бессовестно и низко лакействуют и пороги прихожей которой они так униженно обивают за субсидиями!?

Результаты же такого поведения «патриотических» кругов эмиграции—налицо.

Они показывают наглядно Европе отсутствие в этих кругах чувства национального достоинства и здоровой национальной гордости, о которых они так шумят.

Они убеждают Европу в безнаказанности и отсутствии сопротивления со стороны эмигрантских вождей, всему, что бы ни вздумалось проделать иностранцам над их соотечественниками; а вследствие этого, описанное низкое и недостойное поведение «патриотов», вождей русской эмиграции, способствует развитию процесса преследований и всяческого ухудшения быта менее счастливой широкой беженской массы.

5.

Остатки белых армий в окраинных государствах.

Общая численность русских эмигрантов источниками неофициальными исчисляется, согласно зарубежной печати, в 2.000.000 человек.

Согласно официальным данным, русская беженская масса за границей на 1 марта 1921 г. распределилась по странам следующим образом:

Польша	400.000	чел.	
Германия	300.000	»	
Турция	90.000	»	
Франция	65.000	»	
Ю.-Славия	35.000	»	
Финляндия	25.000	»	
Эстония	20.000	»	
Латвия	15.000	»	
Англия	15.000	»	
Италия	15.000	»	
Болгария	9.000	»	
Румыния	8.000	»	
Африка	7.000	»	(Египет и Алжир).
Чехо-Словакия	5.000	»	
Австрия	5.000	»	
Венгрия	5.000	»	
Швейцария	4.000	»	
Греция	4.000	»	

А всего. 1.027.000 чел.

Не считая Китая, Японии, Монголии, Манджурии и Америки.

Дату, к которой приурочены эти статистические данные, можно признать вполне удовлетворительной и в настоящее время, так как к 1 марта 21 г. эвакуация белых театров была закончена, точно так же, как и самая ликвидация активных белых армий. Из этого источника новых беженцев больше не поступало. Одновременно к лету 21 г. почти прекратилось просачивание через границы России гражданских лиц, добровольно переходивших на эмигрантское положение.

Вследствие всего этого, общую цифру беженцев в Европе и Африке, указанную на 1 марта 21 г. в 1.027.000 чел., можно считать к нашим дням ни в коем случае не преуменьшенной, а скорее преувеличенной.

(Большое количество русских эмигрантов находится в Китае, меньшее—в Японии и еще меньшее—в Скандинавских странах. Общая сумма, вместе с указанной выше-официальной,—таким образом приближается к 2.000.000 чел., т.-е. именно к тому количеству, в котором исчисляет русскую эмиграцию русская зарубежная пресса.)

После 1 марта 21 г. распределение эмиграции претерпело ряд количественных видоизменений в тех или других странах, под влиянием тех или иных условий, и, кроме того, она численно уменьшилась, что и дает нам основание считать цифру, упомянутую выше, в настоящее время скорее преувеличенной.

Перемещение масс и уменьшение их общей численности находит себе объяснение в целом ряде политических причин, как, например, заключение мирных договоров с Сов. Россией, и также мероприятий сов. власти (амнистии, предоставление права въезда) и в то же время, конечно, в естественной тяге обратно, явившейся результатом перелома, происшедшего в мировоззрении эмигрантских масс под влиянием перечисленных в свое время событий.

С особенной яркостью это количественное уменьшение эмиграции наблюдается в окраинных республиках в Польше, Финляндии, Латвии и Эстонии, причиной чему, с одной стороны, наиболее ярко проявляющаяся «неустроенность» местной эмиграции и наличие осевших остатков белых армий, с другой же—прочность уже налаженных нормальных сношений между Сов. Россией и этими республиками.

Весьма характерна та зависимость, которая установилась произвольно между степенью интенсивности реэмиграции русских беженцев и длительностью пребывания в состоянии мира Сов. России с той или другой окраинной республикой.

Мир с Эстонией был первым миром, подписанным сов. правительством. Акт этот датирован 28 января 1920 г. Результаты

этого договора: если на 1 марта 21 г. в Эстонии числилось 20.000 чел., то по данным русского эмигрантского комитета в Ревеле к 1 января 1922 г. их уже значилось только около 14.000 чел. (13.000).

Сопоставляя эти данные, убеждаемся, что за 1 год пребывания Эстонии в состоянии мира с Россией количество эмигрантов на территории первой сократилось на 30%.

Мир с Финляндией заключен значительно позже, а именно — летом 20 года, и, главное, до сих пор мирное сношение не налажилось, как это имело место с Эстонией (так, например, почтовое сношение с Финляндией возобновилось только 8 июля 22 г.). В Финляндии числилось на 1 июня 21 г. — 4.000 русских беженцев. На 1 января 22 г. по данным финляндского статистического бюро русских эмигрантов состоит 3.800 чел., т.-е. за один год (предполагая первую цифру относящейся к началу 21 г.) количество русских эмигрантов в Финляндии сократилось всего только на 5%.

Кроме указанной выше зависимости степени интенсивности реэмиграции, существует еще ряд второстепенных, среди которых следует поставить на первый план социальный состав эмигрантской массы. Например, реэмиграция из Финляндии слаба отчасти потому, что в состав русских беженцев в Финляндии не входят б. белые солдаты, так как на территории Финляндии белых армий не было, и в то же время вследствие крайне тщательной фильтрации русских, допускаемых в пределы Финляндии, на территории последней оказалась в качестве эмигрантов лишь крупная русская буржуазия, генералитет и аристократия, которым в Сов. России, ни при каких условиях, делать нечего и которые о возврате не помышляют.

Обратное явление наблюдается в Эстонии, где реэмиграция весьма интенсивна: состав беженской массы там включает на $\frac{1}{3}$, если не больше, остатки армии Юденича, голодной и безработной, в остальных же $\frac{2}{3}$ представляет собою среднеобывательскую массу, среднее чиновничество, офицерство, мещанство и мелкое купечество, без особых связей в Европе, без языков и денег, способных открыть им путь в эту Европу.

Количественно эмиграция уменьшилась прежде всего в окраинных государствах под влиянием установления мира с Сов. Россией, но кроме того, официальные цифры, уже приведенные нами в отношении эмиграции в каждой из западно-европейских стран в отдельности, нельзя уже признавать точными, так как и на западе, — вдали от России, — эмигрантская масса не остается неподвижной, но, подчиняясь социальным и экономическим законам, перемещается в поисках лучших условий, как материальных, так и нравственных.

Говоря об этих непрерывных перемещениях, достаточно указать, например, на Турцию, где по статистическим данным всего 90.000 русских беженцев, тогда как в конце 1920 г. в одном только Константинополе было свыше 100.000 эвакуировавшихся вместе с Врангелем. Очевидно, эта масса добровольно или принудительно рассосалась, увеличив вследствие этого первоначальное количество беженцев в других странах.

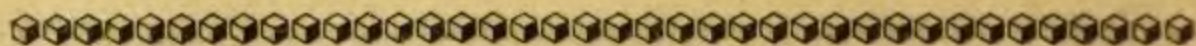
В Юго-Славии на 1 марта 21 г. числилось, например, 35.000 русских эмигрантов. В настоящее время их, несомненно, там меньше, так как остатки армии Врангеля перекочевали в Болгарию, увеличив, конечно, показанную в 9.000 чел. численность эмиграции в этом королевстве.

В самое последнее время резко изменилось количество русской эмиграции во Франции и в Германии.

Увеличивающаяся материальная нужда русских беженцев во Франции в связи с прекращением всякого рода благотворительной поддержки, с одной стороны, трудность приискания заработка и высота валюты, с другой же стороны, накопление русских в Германии, их деятельность, открывшая дорогу к заработкам для многих соотечественников, организация общественной взаимопомощи (чего почти не наблюдается во Франции) и, главное, падение курса германской марки и относительная дешевизна жизни,—все это вместе взятое дало толчок для переселения русской эмиграции с запада на восток, из-под неба столь еще недавно гостеприимной Франции под небо столь еще недавно враждебной Германии. Переселение это в первые месяцы 22 г. носило почти повальный характер; к нему следует присоединить такой же почти наплыв русских беженцев из окраинных государств, где жизнь сравнительно дорога и где положение русских, как в смысле приискания труда, так и в смысле политических условий осложняется с каждым днем.

Усиленный наплыв русских эмигрантов в Германию вызовет, несомненно, рано или поздно перепроизводство русских сил, и станет момент острейшей безработицы, точно так же, как после относительной дешевизны жизни в Германии в начале 22 года, связанной тесно с падением валюты, наступит период жестокой дороговизны, когда это падение дойдет до известного предела и когда определится длительный, явно катастрофический, а не эпизодический характер финансового кризиса.

В настоящее время в одном только Берлине насчитывается до 300.000 русских эмигрантов, русская же колония в Париже редет и тает с каждым днем, замыкаясь в тесном кружке крупной, неуязвимой современностью, буржуазии и уцелевшей аристократии.

И поскольку замирает русский Париж, превращаясь в археологический музей русской реакции, постольку с каждым днем оживает русский Берлин. Приспосабливающийся, идущий в ногу с требованиями века, устремляющий теперь свой взгляд уже не на обнадеживавший и обманувший Запад, а на реальный, воскресающий и манящий Восток.

Это переселение эмиграции, продолжающееся по сей день, обещает продолжаться и впредь, тем более, что равнодействующая всех направлений, по которым это переселение совершается, и всех сил, к этому переселению побуждающих, обращена на Восток, т.-е. в сторону окончательного и естественного исхода русских беженцев к себе на родину.

Ускорить или замедлить процесс этого перемещения масс может множество самых разнородных причин; прекратиться же вовсе он уже не в состоянии, так как нет и не может быть факторов ни моральных, ни физических, которые в сумме дали бы силу, способную противостоять этому стихийному, можно сказать, инстинктивному движению.

Чтобы составить себе вполне ясное и отвечающее действительности представление о характере бытовых условий, в которых находятся в настоящее время широкие массы русской эмиграции в Европе, надо, конечно, исследовать быт не тех сравнительно немногочисленных влиятельных или же просто состоятельных эмигрантских кругов, которые плотно осели в Париже, Риме, Лондоне и в Скандинавских странах, которые не заинтересованы вопросом дороговизны или дешевизны жизни, которые вполне акклиматизировались в европейских столицах и которые либо вовсе не касаются политики, — как дела грязного и изрядно наскучившего, — либо касаются ее постольку, поскольку стараются влиять на эмиграцию и играть политическую роль из своего прекрасного замка.

Надо подвергнуть исследованию правовое, экономическое и политическое положение большинства, т.-е. широких эмигрантских масс, разобраться в их настроениях сегодняшнего дня, определить их надежды, их пожелания, установить степень их настоящего сопротивления советовасти, как системе государственной. Только таким путем можно уяснить себе быт и настроения масс в полном смысле слова, а не отдельных единиц.

Для успешного разрешения принятой задачи следует нащупать какие-то определенные эмигрантские слои, способные вследствие своих материальных условий, настроений и численности служить той пробой, исследование которой дает результаты, могущие быть отнесенными ко всей массе. Такой эмигрантский слой

следует, конечно, искать в атмосфере условий, обостряющих все характерные особенности, как эмигрантского мирозерцания, так и эмигрантского быта, т.-е., естественно, не там, где эмигранты насчитываются десятками и живут в виллах, тратя спасенное за границей состояние, а там, где эмиграция исчисляется десятками и сотнями тысяч; где она наиболее прижата в смысле необходимости и трудности добывания заработка, где она находится в наибольшем отдалении от своих благодушствующих вождей, где она острее всего испытывает тяжесть своей вечной зависимости от местных властей и где она более всего подвержена влияниям извне, т.-е. с родины, толкающим ее на новый путь, путь переоценки и самокритики.

Всем этим условиям отвечает русская эмиграция в окраинных государствах.

Действительно, как мы увидим ниже, нигде так остро не стоит вопрос о заработках, как в окраинных республиках, нигде так не давит эмиграцию местная власть, как правительства окраинных государств, изнемогающих от экономических затруднений и живущих под вечным страхом красного соседа—призрака коммунизма.

Более всего,—вследствие причин географических и политических,—эта именно эмиграция подвержена ветрам, дующим из России, и, вместе с тем, более всего эта эмиграция в окраинах предоставлена самой себе, ибо все ее вожди без исключения предпочитают окраинам Западную Европу, где они больше на виду, где им комфортабельнее жить и, кроме того, где они в большей безопасности на случай, если, действительно, этот пугающий красный призрак вздумает сделать шаг на запад.

Русская эмигрантская масса в окраинных республиках включает в свой состав, как уже было сказано, не малое количество бывших чинов белых армий.

Это—остатки войск Бермонта, Савинкова, Юденича и Балаховича...

Как первые, так вторые, третьи и четвертые были покинуты своими начальниками, как только выяснился крах военных экспедиций. Что касается этих экспедиций, то они велись, как известно, с позорным легкомыслием, без всякой заботы об успехе общего дела и без элементарной предусмотрительности на случай неудачи. Экспедициями этими, как теперь выяснено, руководили лица ограниченные, эгоистичные и, часто, преступные в своей деятельности. Появившиеся в последнее время за рубежом печатные материалы по вопросу о белых походах на западно-русской границе рисуют вполне определенную картину быта и нравов вождей.

Личного обаяния этих вождей уже давно не существует—ход событий развенчал их окончательно, остались лишь громкие имена, но не осталось за этими именами фигур!

Не лишне будет, говоря о судьбе брошенных остатков белых армий, привести несколько документальных примеров деятельности их вождей.

В Ковенской газете «Эхо» от 18 января 22 года Н. Тандерфельд рассказывает, например, о деятельности Савинкова:

«Для удержания в своих руках власти он прибегал к двум своим излюбленным способам: 1) вылавливанию всех недовольных при помощи целой сети провокаторов и агентов собственной разведки и передачи их польской охранке и 2) потаканию самым низким и дурным инстинктам тех, кого он считал людьми, наиболее ему преданными. Он говорил (см. стр. 35 воспоминаний атамана Искры): «Наши неудачи происходят не от слабости или трусости. Они происходят от измены некоторых частей, продавшихся жидам. Я убедился, что жида—наши злые гении, и когда мы пойдем вперед, то жида, пойманного в стане большевиков, *не щадите*».

А результаты?... Результаты?..

Вот через одно из крупных еврейских селений, недалеко от Кожан-Городка, проходили воспитанные Савинковым отряды.

Евреи собрали крупную сумму денег золотом и романовскими деньгами, и депутация от селения во главе с раввином понесла эту сумму первому эшелону Савинковских отрядов, проходивших через это селение. Эти деньги были уплачены, как выкуп, как страховая премия от очередного погрома. Савинковцы взяли деньги и, пока они пьянствовали на них, погрома в этот день не было. Но через день...

Через день по селению проходил второй эшелон воспитанников Савинкова, и они учинили над селением погром, перед ужасами которого побледнели ужасы погромов старого времени... По улицам обильно текла кровь... И в потоке смешивалась кровь умиравших девочек, с кровью защищавших их своими слабыми силами дряхлых стариков...»

Другой «герой», Булак-Балахович, впоследствии принятый Савинковым под свое высокое покровительство, тот самый Булак-Балахович, которого после крушения Юденича неожиданно увидели в Польше во главе «еврейского полка», не только не отставал от прочих «освободителей», но даже перегнал их.

В статье «Кто виноват?» В. Л. Горн в ревельской газете «Свобода России» описывает вступление Балаховича в Псков.

«Спустя недолго после занятия Пскова эстонцами, в городе раздались крики «ура», и появилась небольшая колонна русских сил во главе с Булак-Балаховичем. Быстро собралась огромная толпа, все искренно и радостно встретили своих солдат

Утра следующего дня я никогда не забуду. Опять бежал народ, снова все в движении, но не было на лицах веселых, радостных улыбок. За толпой народа, возвышаясь над ней, впереди белело и качалось что-то. Только подойдя ближе, я увидел, что на фонаре висел какой-то человек в одном белье, а перед ним—толпа, в которой было много детей... Дул ветер, и труп качался в петле... Я молча бросился на тротуар. Там стояли какие-то люди, и один из них, обращаясь ко мне, сказал: «Зачем это? Кому это нужно? Ведь так даже большевики не делали... А дети—зачем такое зрелище?»

А дальше пошло все в том же духе, но много хуже и отвратительнее. Вешали буквально каждый день, в центре города, на фонарях, на глазах у всех... Жертву вели к фонарю, заставляли делать себе петлю, глумились, били ее, и обреченный умирал—днем на глазах детей и женщин...»

В той же «Свободе России» № 11—1919 г. П. Богданов добавляет:

«Массы первоначально присматривались, выжидали, а затем отвернулись. Отвернулись потому, что «белые не лучше, а, пожалуй, и хуже красных»...»

Роль Бермонта-Авалова в белой драме сев.-запада и его деятельность в Латвии общеизвестны, личность этого генерала—одного из героев белого движения на окраинах—характеризует кратко С. Оношкевич-Яцына в «Общ. Деле» от 21 окт. 21 г.

«Кто такой и откуда появился вышеупомянутый Авалов-Бермонт, никто в точности не знает. Ходили, да и сейчас еще ходят, самые разнообразные слухи о нем.

Одно, во всяком случае, достоверно, что он—не то, за что себя выдает.

Едва ли кому-либо, кроме заинтересованных, известно, что Бермонт был ширмой, за которой пряталась группа лиц, имевших совершенно определенные цели, совершенно противоположные официально заявленным армией.

Сотрудниками его были чрезвычайно ограниченные люди, старавшиеся, насколько было сил, провалить дело добровольческой армии, главным образом, конечно, по чрезвычайной своей тупости.

Сам Бермонт, конечно, все же играл лишь роль пассивную, подписывающую. Он ограничивался, главным образом, лишь тем, что даже в самые критические моменты для армии пьянствовал, танцевал на блюде лезгинку и ухаживал за женщинами. А окружающие, кто мог, набивали себе карманы. В Берлине можно найти ресторан и другие предприятия, основанные на присвоенные незаконно деньги».

Мы сделали это отступление в область историческую, лишь с целью напомнить типы деятелей и характер их деятельности в деле белой борьбы на западной границе России. Это напоминание кажется нам полезным в виду того, что последующая деятельность и мероприятия этих вождей, касавшиеся устройства и обеспечения увлеченных ими в авантюры и разбитых по их вине армий, мероприятия, имевшие столь печальное влияние на судьбу белых солдат, естественно, вытекают из индивидуальных качеств белых вождей, из их отношения к принятой на себя важнейшей задаче «освобождения России», из их установившихся взглядов как на население областей, на территории которых приходилось оперировать, так и на подчиненную им солдатскую массу.

Имели ли основание ожидать белые солдаты гуманного отношения к себе со стороны своих начальников, запятнавших себя исключительной жестокостью в отношении мирного населения?

Могли ли рассчитывать они на добросовестность и благопорядочность своих начальников, когда перед их глазами все белые походы протекали под знаком безудержного, явного и бессовестного грабежа интендантств и населения?

Могли ли, наконец, белые солдаты ожидать от своих начальников рыцарской готовности разделить с ними все тяготы и лишения последствий поражения, когда эти начальники с первых же шагов зарекомендовали себя эгоистами, предателями общего белого дела, «господами» в самом гнусном архаическом смысле этого слова?

И всю эту горькую чашу несчастий и разочарований пришлось выпить до дна солдатам белых армий!..

Бермонт-Авалов попросту бросил свои войска,—к счастью, немногочисленные,—как только убедился в тщетности дальней-

ших военных попыток под дулами орудий англо-французской эскадры.

Савинков и Балахович согласились интернировать свои армии за польской проволокой с покорностью и готовностью, которой, однако, они не проявили, когда дело коснулось их личной высылки из Польши.

На что же обрекли они свои армии?

Книга атамана Искры «То, что было» дает понятие о современном положении савинковских белых солдат, покинутых в Польше. Выдержки из нее помещает Н. Таненфельд в газ. «Эхо»:

«Холодные, промерзающие насквозь бараки...

Кругом колючая проволока, а за ней—польские солдаты на часах.

Внутри барачных теснота, душно; двор, огороженный проволокой, при каждом бараке так мал, что выходить подышать свежим воздухом заключенные могут только поочереды, группами человек по 30, а в бараке свыше 300 человек.

Лишенные свободы, воздуха, света, там коченели в заледеневших бараках и выносили тяготы каторжного режима русские люди...

А в первоклассной «Брюллевской» гостинице в Варшаве, в апартаментах с окнами, выходящими в великолепный сад, где плавают в пруде стройные белые и черные лебеди, находились те, кто, шантажируя именем Пилсудского, захватили в свои руки все денежные средства отрядов и удерживали таким способом власть над чинами отрядов и после их расформирования в лагерях.

Апартамент № 35 «Брюллевской» гостиницы...

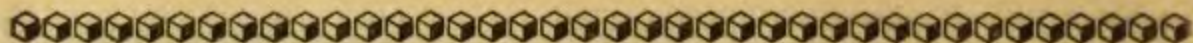
Большая светлая комната с длинным столом посередине, который обставлен кругом стульями.

Вдоль стен полукругом стоят: четыре начальника отделов Русского Политического Комитета в Польше, три генерала (профессор Симонский, граф Пален и Булак-Балахович) и представители ген. Врангеля (б. камергер Горлов и ген. Махров).

Разговоры шли вполголоса: ждали выхода друга маршала Пилсудского—Савинкова.

Проходит 10—15 минут; наконец, дверь в соседнюю комнату открывается, и друг начальника польского государства появляется.

По примеру прежнего времени, он обходит присутствующих и ласкает каждого несколькими приветственными словами.

Приветствия окончены; он занимает председательское место, и вслед за ним все размещаются. По левую руку председателя сидит представитель «правителя юга России», по правую руку—публицист г. Философов; за отдельным столиком—начальник одной из канцелярий, А. М. Сполдовский.

Председатель открывает заседание, и мягко начинают литься речи ораторов на высокие темы, приличествующие значению «Великой, воссоздаваемой совместными усилиями Русского Политического Комитета и Врангеля, России».

Эти речи повторялись неуклонно два раза в неделю; работа кипела; председатель неуклонно занимался (по его словам) и день и ночь для пользы интернированных...

А интернированные?

Они также неуклонно леденели в своих бараках, лишенных и воздуха и света, и имели вместо свободы... газету «Свободу»...

Они изливали в письмах свои печали, и письма эти были полны такой тоски, что сердце надрывалось. Они просили помочь им заняться каким-нибудь делом, составить из них трудовые артели и отправить в любую часть света на какие угодно работы. Жалоба была у всех только одна: на присвоение Савинковым заработанных ими их трудовых грошей. За год этих трудовых грошей накопилось несколько десятков миллионов пол. марок.

В ответ на эти жалобы сметливый Савинков придумал выход из создавшегося неловкого положения и взамен ежемесячного жалованья он выдал к праздникам всем офицерам отрядов по 50 польских марок «внеочередного довольствия».

50 польских марок!..

Чины отрядов говорили, что эффект от этой выдачи был не меньше того, который получился бы от рассылки к праздникам по одной старой газете на человека».

Но наиболее печальную картину представляют собою условия, в которых оказались чины сев.-западной армии Юденича, оставшиеся после ликвидации сев.-зап. правительства на территории эстонской республики.

Положение осколков этой белой армии ухудшилось, помимо всего остального, еще вследствие того, что действовала она против сов. войск совместно с эстонскими войсками, а не самостоятельно, как, например, врангелевские. И эта совместность

обязывала. Если сев.-западное правительство пользовалось покровительством Англии и армия его оперировала при помощи англичан и, косвенно, ради их интересов, то и эстонское правительство находилось всецело в зависимости и под влиянием англичан, приказавших ему дать исходную базу для выступления сев.-зап. белых сил и поддержать их собственными войсками.

Подчиняясь воле своей высокой покровительницы, Эстония дала эту базу и поддерживала русскую белую армию, поскольку та двигалась вперед, а также поскольку эта ее деятельность (а, следовательно, и поддержка этой деятельности) отвечала интересам главенствующей в этом предприятии Англии. Но когда разбитая сов. войсками армия Юденича начала отступать к границам Эстонии, и когда определилось, что дальнейшая поддержка ее и возобновление наступательных попыток не входят в планы англичан, эстонцы (побуждаемые к этому отчасти и поведением самого русского белого начальства) резко изменили свое отношение к сев.-зап. армии, уже не опасаясь этим нарушить гармонию своих взаимоотношений с могущественной Великобританией.

Вследствие этого разбитая сев.-западная армия, откатившаяся до эстонской границы и перешедшая ее, оказалась между молотом и наковальней: с фронта ее теснили наступающие большевики, в тылу же у нее была теперь уже явно враждебная Эстония, все стремления которой (продиктованные свыше) в это время заключались уже не в борьбе совместно с белыми армиями за свержение в России большевиков, а в сохранении своих этнографических границ и установлении с Сов. Россией добрососедских отношений (по поводу последнего эстонским правительством был сделан запрос в Англии, и последняя ответила своим согласием).

Все раздражение эстонцев против руководителей сев.-зап. армии, вызванное бестактностью и реакционностью этих последних, вся тревога по поводу дальнейшей судьбы Эстонии, все недоверие к «демократизму» Юденича и К^о нашли полное отражение в меморандуме эстонского правительства Верховному Совету от 16 декабря 1919 года, выдержки из которого приводим ниже:

«... Нужно признаться, что командиры русской армии скоро показали свою неспособность к поддержанию порядка и поднятию боеспособности их армии, сообразно обстоятельствам. Также не сумели они создать и поддержать в тылу армии твердый государственный порядок.

Несостоятельность сев.-зап. армии, как боеспособной силы, и неспособность ее командиров, как государственных организаторов, выяснились с наибольшей

очевидностью в момент окончательного крушения сев.-зап. армии после ее последних операций против Петрограда.

Кроме того, командование сев.-зап. армии назначало на ответственные посты реакционеров, провозглашавших по отношению окраинных государств и их народов восстановление Великой России. Вследствие этого даже русские солдаты стали выказывать враждебные тенденции по отношению Эстонии...

... Теперь, когда русская сев.-зап. армия, деморализованная и дезорганизованная, отступила в панике до границы Эстонской республики, было бы безумным самоубийством, по мнению раздраженного общества и эстонской армии, разрешить таким враждебным массам перейти границы Эстонской республики, а тем более, собраться в тылу эстонской армии.

... Эстонским правительством издан приказ, по которому все воинские части русской сев.-зап. армии, дезертирующие с противобольшевистского фронта и спасающиеся на эстонскую территорию, были бы обезоружены. Личный состав разоруженных войск рассматривается, как гражданские иностранцы...

Разоруженные отряды русской сев.-зап. армии были сосредоточены в окрестностях Нарвского фронта и размещены в деревнях и имениях, где они могут устроиться в гигиенических условиях... эстонские военные и гражданские власти делают для них все, что они находят возможным и нужным делать...

... Не исключена возможность предоставления им заработка... и т. п.».

Из числа приведенных выше документальных выдержек интересны, как первые, подтверждающие недоверие, раздражение и тревогу, которые испытывало эстонское правительство в отношении сев.-зап. вождей, и вполне отвечающие действительности, так и вторые, обрисовывающие внешние контуры взаимоотношений между эстонцами и сев.-зап. армией после ее крушения, умышленно эстонцами в этом меморандуме искаженные и явно лживые.

Следует, однако, не забывать, что сами русские власти своим поведением, своими необоснованными панрусскими тенденциями, своей армейской заносчивостью и непрерывным бестактным раздражением в эстонцах их национального чувства, еще в дни мощи сев.-зап. армии, посеяли ту горькую жатву, которую им пришлось пожать вскоре. Но к этому следует прибавить, что

расплачивались за вышеперечисленные грехи белой русской власти в Эстонии не те, кто их совершал, а, как это всегда бывает, те, кто дальше всего стояли от политики и всякого рода интриг.

Исключительную беспринципность, трусость и отсутствие рыцарского чувства проявило белое командование сев.-зап. армии, покинувшее последнюю тотчас же, как только определилось ее положение между эстонской наковальней и советским молотом.

Все, что было не только влиятельного и видного, но просто только приближенного к штабам и управлениям огромных тылов, бежало без оглядки, захватив, что только можно было унести или ликвидировать, заручилось визами, внедрилось со своими семействами и инвентарем на английские пароходы и во главе с главнокомандующим ген. Юденичем и главой правительства Лианозовым поспешило покинуть Эстонию и брошенную на ее границе разбитую армию.

Все же, что было на фронтах, в окопах и в самых ближних тылах, застряло безнадежно в Эстонии с того момента, как распалась вершина военно-правительственного аппарата белого сев.-запада. Солдаты и младшие офицеры, далекие от штабов и управлений, перенесшие весь ужас поражения и отступления на чужую территорию, не получили ни ликвидационных сумм, отпущенных англичанами, ни обмундирования, ни продовольствия, об «огромных запасах» которого упоминалось также в цитированном нами меморандуме эстонского правительства Верховному Совету.

В то время, как первые, обогатившись, либо благополучно уехали, либо с цинизмом, доходящим до грации, обосновались тут же в Ревеле, возглавляя увеселительные и прочие открытые ими учреждения, вторые попали в «гигиенические условия», о которых говорит эстонский меморандум, то-есть в леса под Нарвой, огороженные колючей проволокой и охраняемые эстонскими часовыми.

В этом загоне до 15.000 русских солдат—жертв ген. Юденича—было заключено «в карантине». Тиф достиг здесь чудовищных размеров, переболели все, умерло около половины. Жили, как звери, в самодельных землянках, питались—ниже всякой критики.

Но обо всем этом эстонское правительство, конечно, умолчало в своем меморандуме, точно так же, как умолчало о результатах «гигиенического интернирования», т.-е. о численном сокращении «разоруженных частей русской сев.-зап. армии» наполовину.

Умолчало оно также и о характере и условиях той работы, которую оно нашло возможным предложить остаткам русской белой армии.

Не было примера, чтобы армия была построена так уродливо и явно нежизнеспособно, как это было в белой армии северо-запада. Мало того, что в качестве командного состава очутились здесь отбросы старой армии,—от тупого армейского штабс-капитана или полуграмотного, но мечтающего о наполеоновской карьере прапорщика из вольноопределяющихся, вроде прославившегося Балаховича, до опустившихся гвардейцев типа пресловутого ген. Родзянки,—о феноменальной глупости которого и склонности к алкоголю ходили в армии легенды,—либо недоскакавших по разным причинам до южного фронта или умышленно застрявших под Петроградом в крошечной армии, где все-таки меньше была конкуренция в Наполеоны: мало этого, высшее начальство состояло тоже из лиц либо абсолютно бездарных, либо карьеристов, либо просто «охотников за военной дичью».

Личность самого Юденича достаточно ярко охарактеризована Г. Кирдецовым в его книге «У ворот Петрограда».

«... Он был человек с ограниченным умом и такой же ограниченной волей. Он минутами не постигал самых простых вещей и поддавался влиянию первого встречного полковника из своего штаба. Но этот диктатор обладал одним качеством: он был одинаково упорен и гибок в одно и то же время, тщеславен и скромн, откровенен и скрытен, правдив и лжив, точно две души в нем сидели. Относительно же политических убеждений его в те дни можно было сказать, что это был типичнейший «чего изволите»: он одинаково «приял» бы и царя и республику, была бы лишь гарантия служить, получать чины и жалованье. Если бы он остался в Сов. России, его в конце концов, вероятно, использовал бы Троцкий».

Вокруг Юденича собралась компания генералов, подобных ему самому, как это всегда бывает. Тут были: Балахович, Владимир (Новогребельский), Янов, Краснов, Глазенап, Ветренко и много других. Нет ничего удивительного, что плеяда начальников, пропитанных насквозь духом эгоизма и карьеризма, тупых в деле политики, серых в области государственного строительства и притом не желающих обуздать свой великодержавный норов, не только допустила обрастание армейского тыла диким мясом всякого реакционного, трусливого, глумливого, пролазничавшего и просто вороватого сброда, но своими действиями восстановила против себя эстонские военные и государственные

бездарности в самом остром и грозном ее проявлении. И как при всякой безработице, не замедлила народиться жестокая и бесстыдная эксплуатация рабочей силы единичных русских местными мелкими предпринимателями.

Постепенно, под влиянием этой безудержной и наглой эксплуатации,—не привлекавшей, однако, внимания местных властей, ибо речь шла о русских, а не об эстонцах,—разрозненные остатки белых армий начали объединяться в трудовые артели. Такого рода тяготение к объединению, как к способу защиты труда от эксплуатации, можно наблюдать с особенной яркостью в настоящее время опять-таки в Эстонии.

В образовавшихся трудовых артелях на-ряду с солдатами весьма многочисленно и младшее офицерство, не нашедшее применения в области интеллигентного труда и принужденное обратиться к физическому.

Следует сказать, что быт и условия труда в этих артелях весьма тяжелы, разработки лесные и торфяные производятся этими артелями обычно в глухих местностях, питание недостаточно, хотя оплата труда относительно прилична. Жить же часто приходится либо под открытым небом, либо в шалашах.

Тяга обратно на родину, естественно, тем сильнее, чем тяжелее условия быта и труда для эмигранта, а потому тяга в Россию среди остатков белых армий достигает весьма высокой степени, несмотря на всепротивоположные заверения эмигрантской прессы.

Но белые армии, ныне распавшиеся и вовсе постепенно исчезающие с лица земли, в свое время увлекли за собой огромное количество беженцев, разница между которыми и солдатами белых армий заключается в том, что в то время, как большинство вторых шло в армии поневоле, часто без сочувствия делу—по мобилизации, очутилось на чужбине не добровольно и, как насильственно привлеченные, уже приобрело право возврата на родину, первые—беженцы—уходили добровольно, оказались в эмиграции по собственному желанию, верили в белое дело и ждали от него чего-то.

Эта рядовая беженская масса, весьма многочисленная и весьма в своем быте несчастная, заслуживает большего внимания.

6.

Беженская масса в окраинных республиках.

Одной из характерных особенностей русской эмигрантской массы в Европе, взятой в целом,—в социальном составе своем весьма разнообразной,—является то обстоятельство, что огром-

ное большинство ее членов не занимается своей профессией, добывая себе заработок делом, до этого вовсе им чуждым.

Есть, правда, меньшинство, могущее быть причисленным к разряду «устроившихся», это—те, которые явились в эмиграцию во всеоружии специальных знаний, знакомые с местными языками, наконец, с опытом и силами испытанных уже борцов с жизнью. Но, повторяем,—это меньшинство, причем меньшинство, состоящее из «эмигрантских верхушек», и притом верхушек, оказавшихся в устроившемся положении не только вследствие своих данных, но также вследствие удачно сложившегося ряда обстоятельств, ибо, как увидим ниже, наряду с неквалифицированной и неприспособленной к борьбе с жизнью на чужбине эмиграцией, в широких массах наблюдается большое количество людей высокоинтеллигентных профессий и специалистов, влачащих равно печальное, как и первые, существование.

Это огромное большинство эмигрантов, выброшенных из привычного русла многолетних профессий, не владеющих местными языками и не обладающих данными, необходимыми для успешного приспособления к новой неблагоприятной обстановке, это огромное большинство «неустроившихся», повторяем, весьма пестро и разнообразно.

Здесь, рядом с пушечным мясом белых генералов, покинутым за ненадобностью в колющих клетках концентрационных лагерей или в чащах окраинных лесов, например,—студенты в качестве носильщиков, капитаны-официанты, инженеры-газетчики, адвокаты-скупщики, доктора-дровосеки, чиновники-рассыльные, журналисты-чистильщики сапог и огромное, безбрежное море спекулянтов всех профессий, возрастов и положений, спекулянтов мелких, полуголодных, полуоборванных и трясущихся на холоду уличных тротуаров в ожидании насущной деловой встречи...

Несомненно, что бытовые условия этого слоя русской эмиграции весьма тяжелы, и они все ухудшаются по мере того, как другая часть эмиграции, либо ловкая, либо более сильная в борьбе с жизнью, устраивается, занимая места, оседает и отъедается. «Неустроившаяся» эмиграция постепенно отделяется от «устроившейся» все более глубоким оврагом, и по мере того, как вторая, оседая и пуская корни в почву чуждой страны, успокаивается, примиряется со своим положением и устраивается на более или менее продолжительный срок, первая волнуется, колеблется, ищет выхода и вступает на опасный путь ретроспективной критики и переоценки. Вследствие этого, для правительств стран Европы эта «неустроившаяся» эмиграция, помимо всего прочего, в политическом отношении является элементом наиболее неприятным.

Отсюда и вытекает тот репрессивный метод, который применяется в отношении русских беженцев главным образом в окраинных республиках.

В то же время, когда в отношении явно неустроившейся эмиграции, гранищей панели городов, способствующей развитию спекуляции и обременяющей благотворительные учреждения, правительства этих республик применяют без стеснения и объяснения принцип полицейской экзекуции, они—правительства эти—вероятно, под давлением неперебродившего еще молодого шовинизма масс, создали ряд профилактических административных мер против возможности внедрения в различные области государственной жизни специалистов из эмиграции.

Как примеры, относящиеся к окраинным государствам, укажем на запрещение адвокатской практики русским адвокатам, на принуждение русских врачей-эмигрантов вновь сдавать экзамены при местных университетах для получения права на врачебную практику, и, наконец—уже как на курьез—на запрещение, например, в Ревеле включать в программы концертов и кабаре более 50% номеров, исполняемых русскими артистами.

Группа перечисленных мероприятий, направленных против русских специалистов, осуществлена правительством, в данном случае Эстонии, несомненно в угоду неумеренно шовинистическим кругам, которые в окраинных республиках вообще достаточно сильны.

Приведем несколько примеров яркого проявления этого неумного шовинизма, способных дать представление о характере создающегося в связи с этим положения для русского национального меньшинства в некоторых государствах Запада.

Ревельская газета «Tallina Teataja» от 3 января 22 г. помещает статью «Обрусевший Ревель».

«Если местные русские и немцы горюют о том, что в Эстонии господствует определенная национальная нетерпимость, то им можно прямо поставить на вид, что у нас национальное самосознание находится в самом младенческом возрасте и, стало быть, не может быть и речи о какой-нибудь нетерпимости в этой области. Пусть нам укажут, в каком ином государстве наряду с государственным языком слышно столько иностранных языков, как у нас. Ревель кишит русскими артистами, ежедневно выступающими в ресторанах и кабаре, точно мы живем по-прежнему в «могучей» России. Во всех этих кабаре только и слышны русские номера, русское паясничество. Даже в «Эстонии» (Государственный эстонский театр. В. Б.) приглашают русских

артистов для выступлений на русском языке. В нашу армию принимаются офицеры, считающие как бы делом чести повсюду говорить по-русски. Комнату правления общества «Эстония» украшают портреты Льва Толстого и Максима Горького во весь рост. Залы театра во время эстонских концертов пустуют, между тем, как посещение русских концертов считается делом чести...

Разве что-либо подобное было бы допустимо в Финляндии или в Германии?

Мы же преспокойно допускаем обрусение Ревеля. Необходимо больше национального самосознания и самостоятельности».

В своей ссылке на Финляндию и на Германию автор цитируемой статьи совершенно неправ: ни в Финляндии, ни в Германии, ни дальше на запад подобных точек зрения и реального проведения их в жизнь, как это делается в Эстонии, не наблюдается. Объяснение этому надо искать, как нам кажется, в том, что нации, имеющие и имевшие раньше свою собственную культуру, не опасаются вытеснения последней приходом чужой и не борются,—как это делает Эстония,—с «опасным нашествием иностранцев» изгнанием из национальных театров портретов «чужих» Толстого и Горького, тем более, что для некоторых пока нет возможности заменить их собственными.

Газетная агитация шовинизма, естественно, приносит свои плоды.

В Ревеле, например, в начале 22 г. был возбужден, раздуваем и отчасти проведен в жизнь проект скрыть православного собора Александра Невского, двух православных часовен и памятника Петру Великому.

Правда, несмотря на весь поднятый вокруг этого «гениального плана» эстонских националистов шум, приведена была в исполнение только меньшая его часть, а именно—скрыта была одна часовня, из второй же убраны были русские иконы, и какие-то незнакомцы проявляли свое «национальное самосознание», вымазывая еженощно стены часовни дегтем,—памятник же Петру и собор пока уцелели.

«Waba Maa», местная газета, пишет по этому поводу:

«Скрытие памятника Петру городская управа тоже считает желательным. Препятствия к осуществлению этого последнего проекта по-прежнему коренятся в недостатке средств, равно как и в вопросе, что водворить на пьедестале памятника, к скрытию и уничтожению которого нет причин.

Признано возможным временно украсить пьедестал какой-либо каменной вазой, вокруг которой летом могли бы быть посажены цветы. Поэтому желательно, чтобы наши художники уже в ближайшем будущем создали нечто оригинальное, чем впоследствии можно было бы украсить пьедестал памятника.

Снятие фигуры с пьедестала не представляет особой трудности: один предприниматель предлагает на свой счет произвести эту работу, между тем, как другой согласен доставить его на место, которое укажет городская управа. Как только явится возможность скрыть памятник Петру Великому, городская управа сразу же приступит к работам.

Редакция газеты со своей стороны добавляет, что, судя по письмам, десятками поступающим в редакцию, проведение в жизнь проекта скрытия не может представить особые трудности, раз скрытие в принципе решено, так как многие заявили редакции о своем желании безвозмездно содействовать этому.

Многими выражаются пожелания, чтобы памятник был убран еще до праздника самостоятельности Эстонии, т.-е. до 24 февраля».

Однако, скрытие памятника не состоялось к высокаторжественному дню—предполагаем, по причине отсутствия соответствующей «каменной вазы», долженствующей заменить фигуру русского преобразователя, впредь до рождения преобразователя эстонского происхождения; однако, нашлись нетерпеливые люди, пожелавшие ускорить события:

Газета «Peawaleht» сообщает, что

«...около полуночи 23 февраля полицейский, стоявший на Петровской площади, обнаружил пьяного, лежавшего на земле и не желавшего вставать. Пока полицейский занимался с пьяным, к памятнику Петра подъехали 7 подвод, нагруженных веревками и различными приспособлениями для снятия монумента с пьедестала.

Все явившиеся были задержаны и препровождены в участок вместе с подводами, для составления протокола».

Та же газета жалуется, что

«...в нашей военной школе господствует чужой дух, так как учебные силы там составляют прежние русские генералы; устав офицерского союза уже вторично возвращается обратно, не получая утверждения, ибо он

представляет собою копию устава офицерских союзов царского времени; даже наименование войсковых частей, равно как и порядок офицерского ранга и т. д., оставлены по-прежнему русскими. В свое время, когда создавалась эстонская армия, организация по русскому образцу была естественной и понятной, теперь же это надлежит изменить, обратив наше внимание на демократические, старые культурой, государства Европы».

Тот же шовинизм наблюдается в Латвии и Литве, где гонения на все русское дошли до запрещения печатания театральных афиш на русском языке и русских вывесок.

В Польше руссофобство достигло чрезвычайных размеров.

Профессор Р. (псевдоним) в IV томе «Архива Русской Революции» рассказывает о своих мытарствах в Польше после его бегства из России.

В Минске...(стр. 224).

«...Накупив всякой всячины, мы пошли домой. У самой гостиницы нас нагнал патруль польских солдат. Один из них размахнулся и с криком «жид» ударил меня по шее. Бабка попробовала его устыдить, но он подошел к ней вплотную и, осыпая ее площадной бранью, начал на нее замахиваться кулаком.

Так приветствовала свободная Польша русского ученого, всю жизнь не устававшего возмущаться порабощением польского народа».

Это, конечно, только мелкий штрих общей картины.

И советская и зарубежная пресса много и справедливо писали о той политике беззастенчивого империализма, на путь которой вступила «свободная Польша» с первых же дней своей независимости.

Система национальных и религиозных притеснений, практикуемых в «свободной Польше», едва ли не превышает своей интенсивностью религиозную и национальную нетерпимость эпохи русского самодержавия.

А. Ф. Керенский справедливо замечает по этому поводу в «Воле России»:

«Долгие десятилетия рабства мечтала Польша о свободе.

И сбылось заветное обетование—Польша свободна.

Но не одни поляки стремились воскресить распятую Польшу. Вместе с ними была Россия, тоже в цепях царизма задыхавшаяся, народная освобождающаяся Россия.

Вся традиция русской революции проникнута волей к освобождению Польши.

И ничего не осталось от возвышенных вдохновенных мечтаний провозвестников польской свободы. *Плач и стоны доносятся до нас со всех концов Холмской Руси, Подляшья, Полесья, Галиции, Волыни, Белоруссии.* Задыхаются и изнемогают от произвола, насилия и издевательства русские крестьянские массы, повинные только в том, что они *не поляки, не католики.*

Как будто лишь для того и понадобилась свобода Польше, чтобы воскресить в южно-русских областях всю жуть средневековья.

Румыния тоже не отстает от своих соседей.

Ф. Штейнам рассказывает во II Томе «Архива Русской Революции» в статье «Отступление от Одессы» о том, как гостеприимно встречали румыны русских беженцев, искавших убежища за Дунаем.

«...Стреляли румыны (3 бат. 32 рум. пехотного полка) отнюдь не в воздух, а целясь весьма метко в людей. Сперва все попрятались, но вскоре стали выбегать на улицу отдельные люди, направляясь на гать, где была дорога, по которой вчера вошли в Румынию.

Примеру этих людей стали следовать другие, и вскоре по гати двинулась громадная обезумевшая от ужаса толпа людей—мужчин, женщин и детей—желая спастись от огня румын, которым, очевидно, доставляло удовольствие обстреливать несчастных, беззащитных, травимых то в одну, то в другую сторону людей.

...Трескотня румынских пулеметов, стоны раненых и умирающих, отдельные выкрики людей, желающих навести в толпе порядок, истерики женщин и плач детей—все это слилось в какую-то дикую и кошмарную симфонию, которая у всех, кто ее слышал и кому было суждено пережить это ужасное утро, навсегда останется в ушах...(стр. 95).

При желании можно было бы привести еще множество подобных этим примеров враждебного к русским беженцам отношения иностранцев, отношения, доходящего, как видно, до ничем не оправдываемой жестокости, но даже наиболее мягкие формы этой общей современной враждебности к русскому эмигранту ставят часто непреодолимые препятствия на пути наиболее приспособленных и снабженных знаниями, и, вместе с другими причинами, о которых будет упомянуто, создают для них, а тем более,

для широких беженских масс, исключительно тяжелые условия быта и труда.

В вопросе о приискании труда в области своей профессии, ограничения властей ведут к тому, что, во-первых, выбивают беженца из его профессионального русла, а во-вторых—очень часто—вообще принуждают его, отказавшись от профессий интеллигентных, в которых он мог бы с большой пользой приложить свои силы,—искать средств к существованию в труде физическом.

Вследствие этого, кадры эксплуатируемых русских беженцев, образовавшиеся из остатков белых армий, умножаются эмигрантами интеллигентных профессий, не находящих в местных условиях применения своему труду по специальности.

В то же время это принудительное выбивание из профессионального русла умножило кадры мелких спекулянтов, аферистов и просто попрошайек, понизило нравственный уровень эмигрантской массы, точно так же, как и ухудшило условия ее быта.

Наконец, следует указать на целый ряд фактов чисто бытового порядка, обрушивающихся на всю русскую эмиграцию вообще, но с исключительной болезненностью отражающихся именно на «неустроившихся» ее слоях, насчитывающих наибольшее количество представителей в окраинных государствах.

Одно из первых мест в этом ряду занимает система жилищных утеснений.

Эти утеснения, выражающиеся в умышленной несправедливости квартир русским гражданам, в выселении из квартир русских эмигрантов, заподозренных в сочувствии большевикам, во всякого рода ограничениях, чинимых русским беженцам, которых почему-либо невозможно выселить вовсе, наблюдается не только в окраинных государствах.

Так, например, в Германии, где вообще русским живется сравнительно легко, совсем недавно последовало распоряжение властей о невыдаче разрешений русским эмигрантам на въезд в Берлин, если они не смогут представить доказательств, что имеют в Берлине квартиру или же родственников, обязывающихся дать им кров.

Затем идет вопрос о налогах.

В этом направлении выработаны специальные нормы, распространяющиеся исключительно на русских эмигрантов.

Все виды государственных обложений для русских повышены, этим путем достигается известная фильтрация: отделяются состоятельные лица—«устроившиеся»—выгодные плательщики налогов,—от несостоятельных—«неустроившихся». И, таким образом, тотчас же определяется, кто может быть

рассматриваем как «дорогой гость» и кто—как «нежелательный иностранец».

Коснувшись вопроса о податях, уплачиваемых русской эмиграцией в увеличенном размере правительствам гостеприимно их приютивших стран, уместно будет отметить одну весьма характерную особенность эмигрантской психологии, а именно: стремление многих эмигрантов, покинувших родину, порвать с ней окончательно и переменить русское подданство на какое угодно другое.

По этому поводу П. Лавров пишет в «П. Правде» в марте с. г. в «Письме из Эстонии».

«В качестве одной из доходных статей своего потрясенного и грозно шатающегося бюджета эстонское правительство решило воспользоваться русскими эмигрантами, которых судьба навязала ему на шею, выкидывать же которых за восточную или западную границу теперь не представляется удобным.

Поход выжимания из русских эмигрантов последних грошей правительство «демократической» республики повело в двух направлениях: принудительном и добровольном. Принудительный способ заключается в том, что в отношении русских граждан приведена была в действие специальная статья паспортного закона, а именно: в то время, как эстонцы получают постоянные паспорта бесплатно, русским эмигрантам выдаются виды на жительство по полугодиям, при уплате за каждое полугодие 520 эстонских марок.

(О значительности этой суммы для небогатого эмигранта можно судить по тому, что местный эмигрантский комитет выдает пособия нуждающимся не свыше 500 марок в полугодие. Как раз на паспорт!)

Неуплата в срок этой суммы за право жительства влечет за собою штраф до 3.000 марок, заявление же о несостоятельности эмигранта—либо взыскание всей суммы принудительным порядком, либо высылку, в этих случаях признающуюся закономерной. До сих пор эта сумма взыскивалась только с главы семьи, совсем же недавно последовало разъяснение министерства внутренних дел о взыскании 520 марок в полугодие не только с главы семьи, но и с каждого ее члена.

Что касается второго способа выжимания грошей из эмигрантского кармана в государственную кассу, то в этом случае дело обстоит тоньше и хитрее со стороны

психологической, но еще циничнее и бессовестнее в смысле деловом.

Надо указать на одну весьма некрасивую, но характерную для русской эмиграции черту, это стремление, если только возможно и как можно скорее, отвязаться, несмотря на свой патриотизм, от своего гражданства, отвязаться от своей страны, от своего народа, своей национальной истории и перейти в какое угодно иностранное подданство.

В Эстонии это стремление определилось весьма ярко, и эстонское правительство не замедлило его использовать. Был объявлен порядок подачи прошений о переходе русских в эстонское подданство, и были указаны кассы, в которые следовало вносить одновременно с подачей прошения 2.000 эстонских марок с каждого лица. Главная же пружина всей этой махинации заключалась в примечании, предупреждающем, что деньги эти *ни в коем случае* возврату не подлежат, даже если подавший прошение в подданство принят не будет.

В эту, явно и нагло расставленную, мышеловку налезло множество русских мышей. В подданство Эстонской республики попало, правда, всего десятка два, но по 2.000 марок внесли все . . .

Был даже случай, когда с эмигранта, словчившегося подать прошение, внеся «в рассрочку» всего 1.000 марок, требовали через полицию вторую тысячу, хотя в ходатайстве ему уже было отказано».

Что же касается лиц, которые по той или иной причине (обычно—без всякого объяснения причин) признавались местными властями «нежелательными иностранцами», то в отношении их применялось и применяется средство, несложностью своей и наивной грацией напоминающее живо «незабвенные» дни отечественного полицейского произвола.

До конца 21 года правительствами новорожденных республик практиковался до наглости простой способ расправы, а именно—арестовывание эмигрантов ночью на квартирах, заключение их в тюрьмы и затем немедленные высылки их этапом на русскую территорию, иначе говоря, «за проволоку», без заботы о дальнейшей их судьбе.

Только в конце 21 года «республиканские правительства», не без давления общественного мнения Запада, оставили этот средневековый прием и перешли к другому, а именно—к административной высылке «нежелательных иностранцев», —по-прежнему без предъявления обвинений—за пределы республики

в двухнедельный срок, с предупреждением, что в случае невыезда добровольно эмигрант будет арестован и интернирован в концентрационном лагере, впредь до исхлопотания им себе визы для выезда в другое государство.

Эта последняя лазейка, оставляемая для «нежелательного иностранца», в сущности говоря, почти что и не лазейка вовсе, до того затруднительно обстоит для русских дело с визами.

Виза, существовавшая и прежде, но почти не игравшая никакой осязаемой роли, превратилась не только в величину осязаемую, но самостоятельную, и по характеру своей деятельности способную причинить множество затруднений и неприятностей, — под влиянием сперва войны, а позже русской революции.

Создавая во время войны затруднения в передвижениях через границы, державы остерегались враждебной для них разведочной деятельности противника, теперь же им пришлось усугубить эти строгости из опасения коммунистической пропаганды, что для них страшнее всякого военного шпионажа. И естественно, что в деле получения визы русским эмигрантом выдвинутыми оказались исключительные затруднения, потому что в ком, как не в русском гражданине, нынче видеть агента сов. власти и тайного коммунистического агитатора? . . .

Не так еще давно, в 20 и начале 21 г.г. существовал в Европе обычный для всех консульств порядок выдачи виз русским гражданам лишь по получении положительного ответа из правительственного центра, к которому, в каждом отдельном случае, тот или иной консул обязан был обращаться по ходатайству желающего выехать эмигранта.

Это, конечно, с одной стороны, была история бесконечно длинная, с другой же — почти всегда безнадежная в смысле результатов: без больших связей в центрах и без солидных там поручителей дальние визы, как во Францию, Италию и Англию, получить было совершенно невозможно. Объяснение этому найти не трудно. В свое время Франция, например, легко впустила большое количество русских эмигрантов, эвакуировавшихся с русского юга, — в Париже в 21 году было до 80.000 русских; — теперь же, вследствие изменившихся политических условий, она старается исправить свою ошибку и избавиться от обременительных гостей — она всячески содействует выезду русских и обставляет в то же время чрезвычайными трудностями их въезд.

Однако, постепенно, современем, и в некоторых частях Европы, лежащих ближе к востоку, обнаружился некоторый сдвиг и в этом смысле.

Первая Германия,—деловая, коммерческая и не преувеличенно подозрительная,—облегчила выдачу виз, предоставив своим консулам делать это без сношения каждый раз с центром. Ее примеру последовали и окраины, кроме Финляндии, въезд в которую для русских весьма труден. Наконец, определилась возможность въезда в Америку, когда Сенат объявил процентную норму для эмиграции вообще (упоминалось в ней и о русских) и условия въезда (состояние здоровья, профессия, степень трудоспособности и т. д.). Однако, несмотря на эти послабления, просачивание русских беженцев в Новый Свет весьма незначительно по причине дороговизны пути, с одной стороны, и опасений перед совершенно незнакомым языком, условиями труда и быта—с другой.

Как общее же правило, следует принять, что в деле получения права передвижения из государства в государство для русских граждан существуют совершенно специальные ограничения, не распространяющиеся на граждан прочих национальностей, таким образом русские эмигранты, по счастью избежавшие изоляции, интернированы в широком смысле этого слова в границах той или другой страны. Если же вспомнить о тех репрессивных мерах, к которым весьма часто прибегают правительственные власти в отношении «нежелательных иностранцев» русского происхождения, то станет ясным, насколько тесно охватывает кольцо административных преследований и специальных ограничительных мероприятий русского беженца и насколько стеснен он в смысле использования предоставляющихся ему, как каждому человеку, возможностей.

Совершенно естественно, что зажатая в это роковое кольцо эмиграция постаралась создать законную силу, способную бороться с столь невыносимым положением. Появились специально эмигрантские общественные органы, ставящие себе целью не только поддержку материально нуждающейся эмиграции, но и правовую ее защиту.

Образовалась, с 20 года начиная, целая сеть эмигрантских комитетов в окраинных государствах, особенно густая и интенсивно развитая в пропорции прямой к степени бесправности местной эмиграции и ее материальной неустроенности.

Средства для существования этих организаций получались из различных источников, среди которых надо отметить главные: Российское Британское Благотворительное О-во в Лондоне, Американский Красный Крест, Датский, Шведский и Французский Сенаты, Американская Администрация помощи, Главный Комитет помощи беженцам (Лондон), Земский Союз и несколько частных лиц («Св. Сл.», № 62).

Хотя некоторые из этих комитетов, как, например, комитет в Эстонии, развили относительно интенсивную деятельность и установили дружественные контакты, как с иностранными благотворительными организациями, так и с местными властями, результаты их работы оказываются все же весьма незначительными.

В деле материальной помощи нуждающимся виною тому — непрерывное уменьшение субсидий, связанное с общим обеднением русской эмиграции и зарубежных организаций, в деле же правовой защиты беженцев — предвзятое, ничем непреодолимое недоброжелательное и подозрительное отношение к русским.

Достаточно привести, как пример, цифры, касающиеся русского эмигрантского комитета в Эстонии за один год (1920), чтобы убедиться, насколько слабы результаты его деятельности.

За этот срок комитетом:

Зарегистрировано ищущих заработка	1.205	чел.
Спрос труда (артельно и единично)	500	»
Предоставлено работы	438	»
(т.-е. 36,4%).		
Поддержано ходатайств на право жительства	2.538	»
Выдано национальных удостоверений	2.074	»
Выдано удостоверений на выезд за границу (?)	309	»
Выхлопотано право остаться в Эстонии (спасено от высылки. В. Б.)	150	»

Повидимому, сознание бессилия этого комитета и неумение его помочь эмигранту в беде проникло уже в глубину беженских масс, ибо, при общем количестве русских эмигрантов в Эстонии, достигающем 14.000 чел., из которых огромное большинство нуждающихся и притесняемых и добрая треть безработных, следует признать приведенные цифры весьма мизерными.

Денежных пособий тот же комитет в отчетный год выдал 389.885 эст. мар., тогда как при общем бюджете около 4.000.000 эст. мар. на содержание комитета и его отделений израсходовано за год 1.262.000 эст. мар.

Все это вместе взятое говорит за то, что неимущей и за свою несостоятельность притесняемой части русской эмиграции на окраинах, главным образом, не приходится искать выхода из создавшегося положения через свои собственные общественные организации. По многим причинам эти последние либо слабы, либо вовсе бессильны, существуют же они главным образом для того, чтобы создать декорум общественной благо-

творительности и правовой защиты, а также для того, чтобы дать возможность безбедно существовать немногочисленным лицам, близко к ним стоящим и руководящим их деятельностью.

7.

«Устроившийся» слой русской эмиграции.

Социальный слой русской эмиграции «устроившейся», победившей невзгоды, нашедшей для себя труд и хлеб и уже обрастающей жирком благосостояния, отделенный от другого—«неустроившейся», безработной и голодной,—непроходимой пропастью непонимания и какого-то презрительного, снисходительного отношения—продукта персонального и коллективного эмигрантского эгоизма,—этот слой в своем составе весьма разнообразен, источники его благосостояния и способы достижения последнего также далеко не одинаковы.

Наиболее обеспеченное и обособленное от остальной эмигрантской массы место занимает, конечно, буржуазия, но эта буржуазия представляет интерес для нашего исследования лишь в той своей части (состав ее так же неоднороден), в которой она—продукт последних лет и освещение процесса ее недавнего зарождения, созревания, а также настоящих ее настроений и условий быта, способна дополнить своеобразными штрихами картину общеземигрантского быта и настроений.

В самом деле, бесполезно было бы искать интересных для нас, а главное—самобытных, вызванных к жизни современностью, штрихов, в духовной и физической жизни крупной русской буржуазии за границей, ибо, в сущности, ее неправильно даже и называть эмиграцией.

Это—те, которые, располагая солидными денежными средствами, даже не бежали, а просто уехали с родины в самом начале октябрьской революции или даже до нее, и сделали это без всякого политического плана (вообще, им чуждого), без всякого намерения вести активную борьбу или примкнуть к группам, ее ведущим.

Несомненно, они могут сочувствовать или не сочувствовать той или иной партийной тактике эмиграции, но это сочувствие или несочувствие никогда в кругах крупной буржуазии не принимает конкретных форм. Мы не видим представителей этой буржуазии в рядах белых борцов, один раз только они выступили более или менее активно.

Это было во время торгово-промышленного съезда в Париже, летом 21 года. Но что это было за жалкое выступление г.г. Рябу-

шинских, Денисовых и К-о—мертвецов, заговоривших вдруг из-под крышки гроба. Вынеся 17 резолюций, 17 раз ударив по пустому месту, они разъехались с сознанием исполненного долга и снова затихли.

Да и в самом деле, их ли дело политика и что за забота до политики им, а в особенности теперь, когда вполне выяснилось, что не только 17-ю резолюциями, но даже 117-ю не вернуть потерянных привилегий и достатков, тогда как все политические устремления этой группы исчерпываются удовлетворением вопроса о возврате капиталов и связанных с ними прав и привилегий.

Исключительный интерес для разностороннего исследования представляет другой слой русской буржуазии за границей, слой еще свежий, продолжающий утолщаться, местами тесно с политикой связанный и этой самой политикой,—как это ни странно,—на свет рожденный . . .

Последняя Европейская война, как и всякая предыдущая, в результате острого и совершенно исключительного напряжения огромного большинства экономических отраслей страны, повышения спекулятивного ажиотажа и множества других причин, тесно связанных с снабжением и питанием армии, с закрытием некоторых границ, с приспособлением мирной промышленности на военный лад и с проложением новых экономических путей с Запада на Восток в обход европейскому центру,—вызвала довольно заметное перемещение в области среднего промышленного капитала, а вместе с нарождением новых видов промышленности и новых финансистов-промышленников, появление также новых скороспелых капиталистов из среды лиц, близко стоявших к хозяйственному аппарату армии.

Точно так же гражданская война в России породила на путях притока в белый лагерь союзного золота ряд новых промышленных капиталов, около же резервуара скопления этих средств, иностранных и отечественных, внутри самой белой армии, т.-е. в тылах, около интендантств и вообще вблизи казенных сундуков, появились группы новых скороспелых финансистов, сумевших «не пропустить своего счастья» . . .

Они, эти скороспелые богачи, естественно, покинули армию одними из первых, едва только обнаружили симптомы ее близкого крушения. Они, покинув армию одновременно с высшими чинами последней, поспешили пробраться за границу,—использовав существовавшие еще тогда у этой заграницы в отношении русских симпатии,—и либо пристроили свои легкие капиталы для их дальнейшего произрастания, либо так же легко проживают эти последние в невиданных и соблазнительных европейских столицах.

В дореволюционное время большинство описателей войн, даже претендовавшие на звание историков, придерживались почему-то обычно одностороннего метода изображения только лицевой стороны этих войн: сражений, диспозиций, побед, отступлений и т. д. Почти всегда совершенно оставлялась в потемках обратная сторона—великое множество беззаконий, преступлений, насилий и всякого рода злоупотреблений, которые являются неизбежными—в большей или меньшей мере—спутниками всякой воюющей армии.

Нам могут на это возразить, что описание грабежей, взяточничества, расхищения, притеснения населения и прочих актов, совершаемых разнузданными тылами армий, роняет престиж этих армий, компрометирует вождей, тем самым подрывая дисциплину, и, наконец, что целью историка является зафиксирование для грядущих поколений лишь военной доблести их предков, а не чисто бытовой и часто неопрятной изнанки.

Конечно, если стремиться только к казенной, свыше продиктованной цели, ложно понимаемой патриотической пользы—этот взгляд может быть и справедлив, но если описывать войну, какой бы она ни была и в чью бы пользу она ни окончилась, вообще, как проявление величайшего и отвратительнейшего беззакония в мире, нет нужды выставлять напоказ потомству только блестящую лицевую декорацию и скрывать от их взглядов грязный и отталкивающий фон.

Ни дисциплина, ни престиж армии, ни репутация вождей от этой беспристрастной оценки не пострадают, напротив: она откроет для этих потомков путь к справедливой критике и оценке, признанию доблести, где она есть, и гнусности, где таковая наблюдается . . .

Будущие историки Европейской войны (с русской, по крайней мере, стороны) вряд ли захотят скрыть от потомков оборотную сторону этой блестящей и печальной эпопеи, что же касается бытоописания гражданской войны в России (не претендующего на историю), то, к счастью, в немногих его опытах, с полной определенностью наблюдается стремление авторов повествовать не только о подвигах, но и о преступлениях, не только о доблести, но и о низости.

Белые тылы, в самом широком смысле этого слова, т.е. охватывающем не только аппарат военного снабжения и штабы, а также аппарат гражданский, административный, являвшийся вместе с белой армией на смену свергаемых красных советов, сложный механизм финансового питания белой экспедиции, располагавший ряд своих преемников в европейских центрах и насчитывавший целую сеть учреждений и агентов, функцио-

нировавших вне русской территории,—вся эта сложнейшая и огромнейшая машина белых тылов работала на редкость скверно и недобросовестно, гораздо даже хуже и недобросовестнее, чем в период предыдущей войны.

Не было прежде всего у всех этих тыловых деятелей веры в конечный успех; им, стоящим около органов белой власти, лучше, чем кому-нибудь, была очевидна рыхлость и нежизнеспособность материала, из которого был создан искусственно белый колосс. Достаточно было им быть беспристрастными и справедливыми в собственной оценке самих себя и окружающих им подобных (сделать это в глубине души и тайно от других способен самый ограниченный и опустившийся человек), чтобы не оставлять места иллюзиям по поводу конечного результата белой экспедиции . . . А раз не было такой уверенности, то и не было преграды страха будущего эгоистическим и низменным инстинктам деятелей белых тылов—оставалось одно: пока не поздно, пока еще все не рухнуло, ухватить пожирнее кусок, чтобы было с чем бежать, когда настанет время.

И ухватили . . .

Среди всех этих разнообразных индивидуумов, составлявших бесконечно глубокие и многочисленные белые тылы, не было сознания служебной дисциплины, служебного долга, опасения за дальнейшую карьеру и за собственную репутацию. Дисциплины вообще нельзя было ожидать в тылах армии, на фронте которой сражались командиры, «освобождавшие» родину лишь до параллели своих имений, предоставляя вести полки дальше лицам, располагающим поместьями в более северных широтах и обращавших свою профессиональную военную энергию на искоренение из своих крестьян большевистского духа. Если и был, быть может, призрак чисто внешней эпизодической дисциплины, витавшей в сумраке шомполов и виселиц, здоровой дисциплины—сознательно и добровольно поддерживаемой зависимости миллионов звеньев, составляющих армию и ее тыл—не было и не могло быть в атмосфере глухого непонимания, несочувствия и слишком обширного диапазона политических перспектив, рисовавшихся группам и отдельным лицам.

Отсутствие опасения за будущую свою карьеру вытекало, как уже говорилось, из неуверенности деятелей белых тылов в конечном успехе их дела. Более того,—уверенности в неудачном его окончании.

Ведь сам Врангель в известной беседе с А. Масаиновым («Посл. Нов.») сказал, между прочим:

« . . . Уже в тот тяжелый момент, когда я находился здесь, в Константинополе, в изгнании и получил из

ставки свое назначение, я, принимая власть, знал заранее, что дело наше проиграно».

Можно ли было ждать от людей, прошедших превосходную школу бюрократического эгоизма царской эпохи, сознания служебного долга и самопожертвования при условии заведомой безнадёжности дела, которому они служили. Им далеко было до Леонида при Фермопилах, они не легли костями, а предпочли, захватив жирный кусок, искать мирного пристанища за рубежом.

Кому, кому, как не этим дельцам, прошедшим, повторяем, в огромном большинстве случаев, тыловую школу предыдущей войны, было знать доподлинно цену деньгам, власть богатства, простор всего мира, открытого для капитала, каким бы путем последний ни был приобретен?

И что были для них служебная репутация и человеческая репутация вообще? Они все это могли покрыть козырным тузом—темным золотом! И покрывали...

Говорить и убеждать в том, что в тылах белой армии были огромные злоупотребления, было разграбление казенного имущества, расхищение имущества, доставлявшегося иностранцами, и, наконец, простой грабеж в занимаемых областях—считаем излишним. Сомневающимся отсылаем к многочисленным напечатанным уже показаниям свидетелей.

Но для образца характера тыловой работы г.г. интендантов и штабных белых армий—этих позднейших представителей эмигрантской нео-буржуазии—считаем нелишним привести пару фактических примеров, заимствуя таковые из книги Г. Кирдецова «У ворот Петрограда» и из других источников:

«... получено было (для сев.-зап. армии) 28.800 шинелей, 39.124 френча, 39.055 брюк, 109.810 пар ботинок, 98.251 пар кальсон, 62.773 пары носков... и хотя по предположениям ген. Янова (главного интенданта) (точных сведений он, по его заявлению, получить не мог) бойцов в армии в начале октября 1919 г. было около 18.000 человек, оказалось, что 50% армии остались без обмундирования и даже без сапог, хотя количество последних в 6 раз превышало численность армии (стр. 296)».

Как было уже упомянуто, после ликвидации неудачного похода на Петроград и во время расформирования сев.-зап. армии английским правительством была отпущена ген. Юденичу некоторая, весьма крупная, сумма для выдачи чинам этой армии, так называемого, «путевого довольствия» (якобы для следования на другой белый театр военных действий).

Эти «ликвидационные фунты» явились поводом для множества злоупотреблений.

Начать с того, что:

«... все расчеты с чинами армии производились в эстонских марках. Между тем, Юденичу средства на ликвидацию были оставлены в чеках на иностранную валюту. Естественно, что... при размене и колебаниях курса могли быть скрыты крупные злоупотребления (стр. 310)».

Далее:

«Выдача путевых происходила, как общее правило, только в Ревеле,—требовали и получали на семью многие, чьи семьи вовсе не находились на их иждивении (будучи в Сов. России или за границей)... (стр. 309).

Фактически в первую очередь получили прогонные служащие тыловых учреждений, ибо, находясь ближе к ликвидационной комиссии или же служа в ней, они легче могли о себе позаботиться, чем работавшие в лесу или лишенные права передвижения строевые офицеры или солдаты (стр. 310)».

Еще один случай:

Ревизионно-контрольной комиссии были доставлены чистые листы с удостоверениями несуществующей на них собственноручной подписи-печати и подписями Командира Авиационной Базы Корнета Блау и делопроизводителя последней Силина, а также и ряд удостоверений и аттестатов с теми же подписями.

По собранным сведениям подпись Силина была подложна; аттестаты же и прочие документы фабриковались с целью получения расчета за лиц, ушедших еще в январе в Сов. Россию (стр. 308)».

Огромное большинство этих тыловых преступлений, обнаруженных на всех белых фронтах, осталось безнаказанным, но были и такие, которые,—к национальному стыду нашему,—стали предметом рассмотрения иностранных судов.

В газ. «Эхо» (№ 20—1922, г. Ковно) мы находим описание подобного случая.

Английский суд и русское воровство.

Английский военный суд приговорил в каторжные работы: на 1½ года—заведывающего кассой финансовой части при ген. Врангеле штабс-капитана Лошакова

и трех чинов охраны кассы, похитивших 24.000 лир и симулировавших ограбление; на 6 месяцев — барона Тимрота, похитившего в американском Красном Кресте 1.400 лир беженских денег, доверенных ему, как переводчику; на 1½ года — барона Мейендорфа, уже раз осужденного русским судом за кражу 5.000 лир из саквояжа соседей по комнате.

Перед уводом подсудимых, английский судья обратился к растратчикам с длинной проповедью, указывая на то, что их преступления равносильны посягательствам против матери: русская казна находится ныне в ужасном положении. Ограбление ее составляет тяжчайший грех. По отбытии наказания в каторжных тюрьмах Мальты, подсудимые должны искупить преступление и возратить ограбленные у голодающих беженцев суммы.

Наконец, Г. Н. Раковский в своей книге «В лагере белых» дает безжалостную характеристику порядкам в тылу Доброй армии:

«В тылу Деникина господствовала безудержная вакханалия наживы и карьеризма, справлялись оргии спекулянтов, расхищали и грабили все. Достаточно сказать, что англичане вынуждены были самолично доставлять обмундирование отдельным воинским частям, чтобы его не раскрали и не продали по дороге. Богатейший хлебный район сильно страдал от недостатка хлеба. Имея в своем распоряжении угольный район мирового значения, неистощимые запасы нефти из-за недостатка топлива не могли пустить в ход ни транспорта, ни промышленности.

Ужасающий подбор личного состава администрации превращал на местах в издевательство все высокие слова о законности и праве. Старые земские начальники, ожившие пристава, отбросы старого царского правительства, облеченные полномочиями, наезжали на места и кормились, пытаясь восстановить власть старых помещиков, которые при помощи местных властей и войск возмещали себе прежние убытки и мстили крестьянам. Шел систематический грабеж. В последнее время это никого не удивляло. Тащили солдаты, грабили офицеры, грабили многие генералы.

Из безбрежного мутного моря бесконечно глубокого белого тыла с его разветвлениями и соприкасающимися с ним кругами выловлено неводом правосудия сравнительно, конечно, ничтожное количество темных дельцов, подавляющее же большинство

их, после эвакуации, просочилось через ближайшие границы, расплодилось по всем странам света и осело в крупных центрах с целью «завоевывать жизнь».

«Завоевывание» это проявлялось различным образом: частью «завоеватели» пустились в шумную и веселую жизнь, создавая в специально для них открываемых предприимчивыми иностранцами ресторанах исключительный спрос на русскую водку и русскую икру, демонстрируя свое национальное лицо московскими кулебяками под небом Парижа, московскими скандалами с битьем берлинских зеркал и московской пьяной кичливостью, густо одобренной пьяными слезами, пьяными угрозами и пьяной похвальбой о том, как «у нас в полку»...

Эти представители новоявленного темного капитала, удачливые конквистадоры белогвардейских золотых россыпей, создали в свое время в Париже и Берлине русской эмиграции репутацию *grand-senieur*'ов. Они так же щедро и беззаботно сыпали легкими валютами на все стороны, что Париж на несколько месяцев полюбил вновь «этих славных русских» той нежной любовью, какой прежде, вообще, любили русских приезжих за границей, т.-е. за деньги и за безалаберность.

Берлин же, еще быстрее и прочнее завоеванный русскими эмигрантами, в угоду вкусам и потребностям последних, умножил до такой степени число своих притонов, кабачков и кафе-концертов с русскими названиями, русскими водками, растегаями и кулебяками, что совсем стал похож на старый до-военный Берлин, на некоторых улицах которого, как известно, русский приезжий чувствовал себя почти так же, как где-нибудь на Гороховой или на Тверской-Ямской...

Однако, эта часть новорожденной эмигрантской буржуазии, начавшая свою деятельность бешеными завоеваниями европейских лупанариев, вскоре настолько облегчила свои карманы, что постепенно из разрядов «устроившихся» начала перемещаться в разряд «неустроившихся», на смену ей пришел другой слой недавних тыловых героев, столь же ловких в деле обогащения, не менее легкомысленных в деле растратывания.

Это—те, которые оказались в эмиграции с более или менее крупными капиталами, пустили их в ход, вошли пайщиками в предприятия или открыли собственные дела. Таких, правда, меньше, нежели первых, но последним уже не угрожает финансовая катастрофа подобно тем; они уже пустили корни в чужую почву, и плоды их деятельности начинают определяться.

Чтобы судить о характере деятельности этих нео-капиталистов и о ее результатах, следует безусловно выделить из их числа тех, которые, вложив свои капиталы в старые местные предприятия, правда, не наращивают франк на франк и марку

на марку, но, не соприкасаясь с политикой, продолжают изо дня в день обычную коммерческую работу.

Напротив, другая группа нео-капиталистов бывших белых тыловигов и штабистов в погоне за верной и быстрой наживой нырнула в совершенно новую область коммерции, которую в то время причины политического свойства делали запретной для иностранных дельцов, иначе говоря, вступали в деловые коммерческие сношения с представителями Внешторга за границей в то время, когда подобные операции еще не совершались огромным большинством иностранных купцов.

Нас не интересует, конечно, деловая сторона этих сношений, значительно более заслуживает внимания сторона моральная, а также характер влияния, оказываемого подобного рода политико-экономической деятельностью на идеологическую сторону белого дела и на умы окружающих эмигрантских масс.

Итак, недавние активные борцы против советов в настоящее время стали вести дела с этими советами; по характеру этих дел они тем самым начали укреплять власть советов и из дел этих извлекать для себя материальную пользу.

Этим только подтверждается высказанное нами ниже утверждение о характере причин, двинувших большинство как в эмиграцию, так и на арену активной борьбы с большевиками. Мы говорим, что в большинстве эти причины «шкурные»... И точно: г.г. белые борцы, рьяно орудовавшие в штабах и тылах белых армий, укрепляя и направляя острие последних в грудь сов. России, делали так до тех пор, пока такого рода деятельность сулила им чины, ордена, а главное—деньги, деньги и деньги... Когда же занавес опустился, о чинах смешно стало и говорить, ордена уподобились котильонным звездам и остались на руках только деньги, приток которых к тому времени прекратился; недавние белые борцы явились к представителям сов. власти с предложением начать коммерческие операции, могущие возобновить течение в их карманы золотого ручья, хотя бы и из другого источника.

О нравственной стороне деятельности этой категории «анти-большевиков» говорить не приходится, надо лишь констатировать, что они, в качестве недавних борцов, и в настоящее время сочувствующих белому движению, нанесли своей трансформацией жестокий удар идеологии последнего. Надо знать, что все эти бело-красные коммерсанты, особенное скопление которых наблюдается в окраинных государствах в самой гуще «неустроившейся» эмиграции,—независимо от своих операций с сов. властью, вне здания Внешторга ругают эту власть на чем свет стоит, пророчат ей скорую гибель и призывают на нее все несчастья.

Делается это, конечно, в наивном стремлении кому-то втереть очки, кого-то ввести в заблуждение, кому-то внушить доверие к своим противосоветским убеждениям. Это, несомненно, прием страуса, т. к. эмиграция слишком тесна, чтобы не знать друг друга вдоль и поперек—это та же русская провинция, перенесенная за родной рубеж,—ничто не тайна в этом уездном болоте под иностранным небом, и наивно прятать голову в песок детского вымысла, когда все туловище на виду.

Какое доверие может быть у рядового эмигранта к его бывшим руководителям, когда он на деле наблюдает характер их «убеждений», как легко и просто, ради собственных выгод, они, отказавшись от «общего идейного дела», перебежали в противоположный лагерь и притом еще стыдятся этого, скрывают и лгут?

Развитие процесса подобной шкурной «смены вех», усиление лагеря двуликих антибольшевиков не только ослабляет численно белые силы, но, что важнее, способствует разъеданию ржавчиной беспринципности, неверия и доминирующего эгоизма, ее идеологической сердцевины. Нарождение, выявление и затем разоблачение сперва отдельных лиц, а затем целых группировок, в свое время игравших роль в белом движении, а ныне потерявших политическую устойчивость и охотно, хотя и под прозрачным покрывалом тайны, склоняющихся в сторону красных,—не есть ли это лучшее и наглядное,—для каждого отдельного эмигранта, пребывающего в ослеплении и оглушении блестящим фейерверком «патриотических» речей и статей,—доказательство отсутствия под этой внешней мишурой здорового и мало-мальски ценного содержания, замененного в действительности выветрившимися остатками когда-то живой идеи, тесно переплетающимися между собою эгоизмом, лицемерием, глупой хвастливостью и стихийным человеконенавистничеством!...

Представителей этого рода капитала,—как прожигающих жизнь, так и наживающих тем или иным способом свои средства,—можно наблюдать не малое количество в столицах Европы. Биография каждого из них досконально известна эмиграции: полковник С.—командовал белым полком, теперь содержит шикарный кафэ-шантан; полковник Х.—был корпусным интендантом, сейчас оперный антрепренер; генерал-майор М.—начальник дивизии—купил дом и дачу; капитан Л.—бывш. ремонтер, содержит казино; полковник У.—заведывал хлебопекарнями, ныне владелец загородного лупанария; полковник Ф.—ничем не заведывал, но просто утащил хороший куш, что всем доподлинно известно; полковник Ц.—нажил при ликвидации армии, и еще, и еще, и еще...

Целая галлерея портретов белых генералов, капитанов и бесчисленное множество полковников, присвоивших казенные деньги, продававших кому-то целые составы с продовольствием, обогатившихся на дровах, муке, снарядах, солдатских штанах и даже на лазаретных принадлежностях, поснимавших свои эпюлеты для скромных буржуазных котелков солидных собственников «шикарных и благоустроенных предприятий»...

А рядом—другие многочисленные чины штабов, когда-то победоносных армий, бывшие камер-юнкера царского двора, блестящие командиры гвардейских полков, титулованные дамы и почтенные промышленные посредники между Деникиным, Врангелем и союзниками—ныне терпеливо дожидаящиеся очереди в приемной представителя Внешторга, храня на лицах выражение трогательного смирения, граничащего с почитательностью и самой неподдельной лойальностью «к существующей власти»...

Вся эта компания—клубок червей, незримо подтачивающих последние устои белой идеологии, раздувающие в глубинах сознания масс искру сомнения, толкающие к переоценке, самокритике и, наконец, разочарованию. Но все эти печальные результаты—печальные плоды деловой работы нео-капиталистов; что им за дело до этих моральных последствий их «борьбы за личное благополучие», что им за дело до широкой эмиграции, которая в свое время так доверчиво пошла за ними и которую они сами теперь толкнули на горький путь разочарований; что им за дело, наконец, до белого движения, как такового, которое они теперь своей работой разрушают...

Они играли в белой масти, пока та была козырной, теперь же переменили свои карты на красные.

В заключение печальной повести о героях белого тыла следует сказать, что эти слои русской эмиграции, конечно, забронированы своими капиталами и связями от всякого рода «обще-эмигрантских неприятностей».

Однако, добрая половина «устроившейся» эмиграции состоит не из денежной аристократии, не из тыловых героев, не из двуликих бело-красных коммерсантов и не из чиновных содержателей эмигрантских ресторанов; добрая половина «устроившейся» эмиграции состоит все-таки из рядовых эмигрантов, явившихся в эмиграцию, часто без средств и связей, но с достаточным запасом специальных знаний, способностей, инициативы, энергии, умения и желания приспособляться к местным условиям.

Люди с одаренными и гибкими натурами, рано ли, поздно ли, легко ли, трудно ли,—сумели устроиться. Энергия, знание и добрая воля, как всегда, победили...

Мы наблюдаем в столицах Запада множество наших соотечественников-эмигрантов, уже пустивших корни, внедрившихся в деловую жизнь чужих государств, работающих, крепнущих материально и даже совершенствующихся. Мы видим эмигрантов, явившихся почти без средств, но путем приложения энергии и инициативы достигающих успехов в основанных ими предприятиях. Словом, мы наблюдаем какой-то эмигрантский слой, проявивший действительную жизнеспособность и волю к борьбе, не по линии наименьшего сопротивления, а по естественному, намеченному заранее,—хотя бы и тяжелому,—пути. Этот слой создал себе с трудом, естественно, наилучшие бытовые условия на чужбине.

В смысле добывания и охраны труда, он озаботился организацией специальных бюро, трудовых артелей, технических контор, объединивших русских беженцев.

В смысле правовой защиты этот слой эмиграции облегчил свое настоящее положение тем, что выступает во всех случаях не в качестве единичного субъекта, а в качестве объединения, и притом не казенного,—как, например, эмигрантские комитеты,—а трудового, товарищеского, т.-е. выполняющего своими выступлениями не казенную формальность, а товарищеский долг.

Наконец, в смысле административного притеснения этот слой деловой и устроившейся эмиграции меньше всего подвергается таковому по двум причинам: во-первых, он не представляет собою материального обременения для государства, а, напротив, своею деятельностью приносит ему пользу; во-вторых, исповедуя ту или иную политическую религию, он упорно держится в стороне от активной политической работы, в которую так охотно лезут русские эмигранты вообще.

Условия быта последней из перечисленных эмигрантских категорий, конечно, всецело зависят от индивидуальной работоспособности и одаренности упомянутыми качествами каждого из ее членов. Как люди деловые и явно не политиканствующие, они не являются объектом недовольства местного населения и, в то же время, как культурные работники, они часто встречают со стороны властей доброжелательное отношение в деле разрешения некоторых острых вопросов эмигрантского быта.

Словом, люди деловые, энергичные и снабженные знаниями в эмиграции, как и везде, побеждают в житейской борьбе мало подвижных, нерешительных, неразвитых и инертных.

Богатые или обогатившиеся в бурные дни революции и гражданской войны давят тяжестью своих капиталов и тех и других, но, натурально, сила этой тяжести испытывается вторыми больше, нежели первыми.

Таким образом положение неустроившегося большинства ухудшается непрерывно под влиянием двух причин, находящихся в тесной зависимости с рядом факторов международной политики и социальной жизни народов. С одной стороны, ухудшению содействует все продолжающаяся перемена в отрицательную сторону отношений к эмигрантскому большинству правительств европейских стран, с другой стороны, «устроившаяся» эмиграция всех оттенков, по мере своего прочного обоснования и закрепления за собою позиций, повинувшись социальному неизменному закону борьбы за труд и хлеб, увеличивая и упрочивая свое благополучие, уменьшает и расшатывает остатки мизерного благополучия других, не сумевших войти в битву с жизнью достаточно вооруженными.

Поэтому наиболее яркие проявления тенденции в переоценке и самокритике, поисков новых путей и идеалов наблюдаются именно в последней широкой, материально необеспеченной, прижимаемой властями и жизнью, разочарованной в своих чаяниях массе.

Толкование бесконечно сложной и болезненной проблемы примирения и возвращения в Россию русской эмиграции может быть развиваемо и подкрепляемо ссылками на психологические черты, общие именно для этой широкой эмигрантской массы, и обосновываемо примерами идеологических эволюций отдельных членов и групп именно этих широких слоев, содержащих в себе наибольшее количество либо уже бродящего, либо условиями обстановки подготовленного к брожению материала.

Но прежде, чем приступить к разбору возможностей и вероятности примирения эмиграции с советской властью и ее возвращения в Россию, следует нарисовать хотя бы в общих чертах схему настроений и точек зрения этой эмиграции на наиболее острые вопросы русской действительности, а также природу и деятельность одного весьма влиятельного в деле разрешения примирительной проблемы фактора, а именно—разброда идейного, который переживает в наше время русская эмиграция в Европе.

8.

Идея реставрации и русские эмигранты.

Вопрос о характере будущей русской власти для слоев русской эмиграции, сохраняющих веру в сокрушение власти советов и продолжающих признавать целесообразность такого переворота, должен, казалось бы, явиться вопросом первой важности, ибо эта часть эмиграции, а главным образом ее руководя-

ищие верхи, продолжая борьбу *против* советской власти, естественно, должны иметь вполне ясное представление о том, за какую власть эта борьба происходит.

В то же время вопрос о характере желательной и приемлемой для эмиграции государственной власти в России не может не занимать умы той части ее, которая, отойдя от идеологов непримиримости, не принимая участия в активной борьбе белых с красными и, через разочарования, подойдя вплотную к проблеме примирения и возвращения, готова разрешить последнюю не столько в плоскости идеологической, сколько в плоскости реального приспособления к вновь создавшимся внешними условиям.

Следует не забывать, что в эмигрантском слое,—воспринимающем успешно или уже воспринявшем проповедь «сменовеховства»,—признание советской власти в качестве идеальной и вполне отвечающей личным пожеланиям каждого государственной системы—лишь единичное явление, так как прекращение сопротивления, примирение и признание того или иного режима отвечающим современным интересам народа еще не обозначает возведения принципов этого режима в степень индивидуального идеала.

Весьма вероятно, что и у «примирившихся» или «примиряющихся» в глубине сознания могут жить теории и планы, проведение в жизнь которых они по многим причинам осуществить не имеют в виду (быть может, даже признавая такое осуществление вредным для государства и нации в настоящее время), пропагандировать которые они не собираются, но которые остаются при них навсегда или на долго, как неотъемлемые составные элементы их мирозерцания.

Конечно, у этой последней категории эмигрантов вопрос о «будущей власти», точнее, о «желательной для них власти» в России неизменно остается в области абстрактной и никаких конкретных форм проявления не получает, но мы находим полезным, предполагая говорить, в частности, по вопросу об отношении русских эмигрантов к идее реставрации, осветить все точки зрения этой эмиграции на вопрос о желательной русской государственной власти, независимо от характера и причин их появления, а также от реальных результатов их деятельности.

Представление о «будущей власти в России», даже для той части эмиграции, которая боролась активно и продолжает бороться всеми мерами, ей доступными, с сов. властью, весьма смутно. Смутность эта усугубляется, с одной стороны, многочисленностью точек зрения на этот вопрос различных политических группировок, не задумывающихся вступать в активную оппозицию

и борьбу с инакомыслящими, с другой же стороны—тем обстоятельством, что защитники некоторых из этих точек зрения—главным образом, крайне реакционных—с целью подсластить пилюлю, в горечи которой они не сомневаются, избегают называть вещи своими именами, затушевывают подлинное содержание своих теоретических форм, не говорят прямо, к чему стремятся, и уклоняются от ясного и определенного ответа на основной вопрос.

Все это вместе взятое вносит путаницу в представление о формах государственного управления, рекомендуемого той или другой группой, смешивает в сознании широких масс понятие о рубежах, отделяющих одну группировку от другой, и сбивает с толку политически незрелую, подвергаемую множеству влияний изнутри и извне общественную эмигрантскую мысль.

Не так еще давно существовал в широкой эмиграции старый, верный (хотя и не испытанный) рецепт от всех болезней—Учредительное Собрание. И в это Учредительное Собрание верили и за него боролись в первый—активный—период белого движения, не трудясь, а, быть может, и страшась, заглянуть, «что собственно скрывалось за этой декорацией»?

Но так было принято, и борьба велась под знаменем и во имя Учредительного Собрания.

Смысл идейной борьбы за Учредительное Собрание ослаб, а затем вовсе был сведен на-нет не столько неудачами в этой борьбе и выяснившейся ее безнадежностью, сколько тем, что добрая половина объявивших себя сразу борцами за народовластие оказалась на самом деле врагом этого народовластия и, разоблачившись, подорвала доверие к идейности упомянутой борьбы, поселила непонимание, озлобление и рознь внутри самой эмиграции и способствовала созданию той смутности представления о желательном «будущем строе» в России, которая наблюдается по сей день.

Вскоре выяснилось, что «Учредительное Собрание»—не более, как ярлык, за которым подразумевается самое разнообразное содержимое, выяснилось, что об Учредительном Собрании заговорили теперь люди, прошлое которых вовсе не совмещалось с понятием о народовластии, выяснилось, вообще, что говорить—одно, а думать и делать—совсем другое, и, наконец, определилось с несомненной очевидностью, что среди множества разнообразных эмигрантских точек зрения на «будущую власть в России» есть действительно одна твердая и ярко выявленная, отрицающая всякое лицемерие, отбрасывающая всякие ярлыки, коротко, ясно и откровенно заявляющая о своих целях и пожеланиях.

Это были монархисты, открыто выступившие с пропагандой идеи реставрации вскоре после эвакуации Крыма.

В неописуемом сумбуре политических группировок эмиграции, в тумане лицемерия, лжи и мещанской трусости, в клубке переплетающихся идеологий новых толков и самостоятельных организаций можно указать на монархистов, как на единственную группировку, твердо знающую, чего она хочет и к чему стремится, откровенно и коротко об этом заявляющую.

Провозглашение идеи реставрации, совершившееся, как сказано, вскоре после крушения Врангеля, т.е. в то как раз время, когда началось идейное брожение в недрах эмигрантских масс, и притом явившееся первым и пока единственным конкретно выраженным пожеланием относительно «будущего государственного строя России»,—не могло не повлиять на умы широких беженских масс.

Каково же было это влияние, какие отклики встретило в эмиграции появление призрака монархии, как отнеслась эмиграция к рецепту спасения России через реставрацию царской власти?

Ответы на эти вопросы настолько несложны, что могут быть даны без всяких предпосылок и дополнительных рассуждений и притом в краткой и окончательной форме:

Пропаганда реставрации при всей внезапности своего возникновения оказала относительно весьма слабое влияние на эмигрантские умы, встретила отклики явно недоброжелательные и отношение не столько даже явно враждебное, сколько насмешливо-презрительное.

Где же следует искать причины этого отрицательного отношения эмигрантских масс к реакционной проповеди и проектам вождей правого крыла, проповеди, которая, казалось бы, могла встретить благоприятную почву в умах эмиграции, в общем, настроенной скорее регрессивно, чем прогрессивно?

Причин этих несколько, и рассматривать их следует в зависимости от их элементарности и очевидности присутствия в них поводов к возникновению и развитию оппозиционных сил, а также в порядке их непосредственного воздействия на эмигрантское сознание.

Каковы бы ни были, абстрактные хотя бы, рассуждения о пользе, необходимости и желательности восстановления в России «в будущем» монархического строя, в сознании не только эмигранта, но всякого русского человека, пережившего эпоху царизма, эта мысль тотчас же и прежде всего преломится сквозь призму воспоминаний, вызовет на арену сегодняшнего дня призрак свергнутой династии и бесконечную цепь индивидуаль-

ных и исторических воспоминаний, тесно связанных с бытом и деятельностью представителей этой династии.

Надо констатировать, что в памяти широких масс русской интеллигенции, судя по ее представителям, оказавшимся в эмиграции, свергнутая династия не оставила и тени симпатии, сожаления или благоговения перед трагическим ее концом.

Последние десятилетия и в особенности годы монархической власти в России способствовали как быстроте и легкости ее крушения в мартовские дни, так и тому, что, рухнув и превратившись в прах, она не оставила после себя искренних печальников, самоотверженных защитников, рыцарски преданных идеологов реставрации!

Напротив, почти все те, что сейчас состоят в эмигрантском монархическом лагере, чужды идейности, как чужды и рыцарства,—это те, которые содействовали своим прошлым падению монархии и которые, в минуты ее гибели, не поддержали ее, будучи ею облагодетельствованы, дали ей рухнуть так позорно легко и так бесславно быстро; что же касается русской эмигрантской интеллигенции, которой, конечно, большинство, в сравнении с явно монархическим меньшинством, то ее отношение к памяти бывшей династии, правда, отнюдь не озлобленное или склонное к возбуждению чувства мести, но если не глубоко безразличное, то скорее презрительное и пренебрежительно-сострадательное. Самая природа этих чувств—пассивных и имеющих своим источником скорее сердце, нежели разум,—исключает возможность образования твердого идейного монархического базиса для дальнейшего прагматического развития идеи реставрации.

Никаких глубоких и плодоносных корней не оставила в сознании масс свергнутая династия ни в смысле своего исторического бытия и деятельности, способных заставить кого-либо пожелать возврата прошлого, ни в смысле индивидуального поведения отдельных ее членов и позиций, занятых ими после изгнания из России и могущих снискать чье-либо расположение и уважение.

Вследствие этого, благоприятной почвы для развития и пропагандирования идеи монархической легитимации в среде широкой эмигрантской интеллигенции не наблюдается.

Нельзя, правда, обойти вниманием немногочисленную группу монархистов-легитимистов, обосновавшихся на Балканах, но говорить об их деятельности мы будем только в смысле чисто информационном, т. к. ткань идеологической подкладки их работы настолько прозрачна, жидка, а главное не способна к обновлению и уплотнению за счет оппонентов, что вдаваться в ее детальный разбор мы считаем излишним.

Заслуживает также внимания вопрос: не имеется ли в эмиграции благоприятной почвы для развития идеи реставрации, не ограниченной тесными рамками легитимизма, но понимаемой широко в смысле реставрации в России монархического строя, хотя бы и не самодержавного, а заключенного в пределы конституционализма?

Дабы ответить исчерпывающе на этот вопрос в соответствии с наблюдениями, произведенными над настроениями различных эмигрантских слоев,—так как фактическими статистическими данными по этому предмету располагать, конечно, невозможно,—следует осветить ряд причин, оказывающих давление на эмигрантскую психику и путем абстракции приводящих массы, в большинстве, к отрицанию идеи реставрации в целом.

Следует прежде всего отметить, что русская эмиграция, в целом недальновидная и непредусмотрительная,—что она доказала в период активной борьбы с советами,—в настоящем вопросе проявила в достаточной мере как предусмотрительность, так и стремление быть дальновидной.

Проявились ли эти качества теперь, внезапно, под влиянием горького опыта предыдущих лет или выявлению их способствовала непосредственная личная заинтересованность каждого отдельного члена эмиграции в характере перспектив, открывающихся в связи с затронутым вопросом, но только качества эти,—стремление к дальновидности и предусмотрительности, мысль и забота о будущем,—налицо. Они определились в качестве свойств общественного характера, послуживших источником для абстракции, приведшей к отрицанию эмиграцией идеи реставрации.

На первый план следует поставить вполне естественную тревогу эмигрантских масс по поводу нескрываемой озлобленности и жажды мести тех кругов, которые пропагандируют монархические идеи и располагают большим количеством шансов в случае осуществления этой идеи оказаться у вершины государственного управления. В этом смысле играет роль не только бешенство правой части эмигрантской прессы, призывающей к погромам, террору и расправе со всеми прикосновенными к советовластию, весьма способствует распространению подобной тревоге воспоминание о не столь отдаленных днях белой оккупации и о той жестокой системе подчинения свой власти населения и расправе с ним, которая так широко практиковалась в белых армиях на всех фронтах и во всех занимаемых областях и о которой в наше время уже достаточно известно.

Не существует и не может быть при настоящем состоянии умов руководящих кругов эмиграции никаких гарантий в том,

что чувства озлобленности и жажда мести не будут проявлены в широком масштабе по адресу населения России, если бы идеологам реставрации удалось достигнуть своих целей.

Тревога масс в этом смысле вполне понятна и естественна, особенно, если вспомнить пережитый ими страх перед красным террором и их состояние постоянной встревоженности и неуверенности в своем человеческом и гражданском праве, в которой они находятся на чужбине.

Тревога в этом смысле вполне обоснована, если напомним печальные и позорные страницы эпохи белого завоевания России, бесчисленные погромы, истребление деникинцами советских служащих или, например, «героя» похода на Петроград генерала Владимирова (Новогребельского), организовавшего специальную автомобильную коллону, долженствовавшую войти во взятый Петроград в ночь накануне торжественного вступления Юденича и произвести предварительную расправу, согласно заранее составленному списку («У ворот Петрограда» Г. Кирдецова).

В сознании рядовых эмигрантов, наслышанных и бывших очевидцами неразборчивости методов белого карания, нет уверенности, что эта карающая рука нового «хозяина земли русской» или его приближенных не опустится на голову ни в чем неповинного и к политике непричастного беженца.

К этой естественной тревоге и недоверию к «будущей» монархической власти примешивается сомнение, возникающее, несмотря на все заверения прессы монархического лагеря, в подлинном согласии русского народа, — настоящего, населяющего Россию, а не европейские столицы, — принять возвращающегося на престол претендента и вручить ему верховную власть над собою.

Совершенно ясно, что недостаточно обладать силой, способной возвести претендента на престол, надо располагать силой, исходящей изнутри самого народа и основанной на его доброй воле, чтобы поддержать и утвердить этого нового властелина на занятом им престоле. История дает пример использования грубой силы первого порядка и результаты, к которым привел временный успех последней, не подкрепляемый силой второго порядка — народной. Достаточно вспомнить императора Максимилиана I, посаженного насильственным путем волею Наполеона III на престол революционной Мексики, не нашедшего поддержки ни в одном народном слое и погибшего на третьем же году своего царствования.

Опасения этого рода: не только неуверенность, но глубокое сомнение в том, что русский народ теперь, после пяти лет революционного бытия, отдался бы добровольно под власть нового

деспота-претендента—имеют, безусловно, веское основание и не напрасно поселились в глубине эмигрантского мировоззрения. Идеологи реставрации, со своей стороны, наблюдая эту, опасную для них, неуверенность масс, пытаются локализовать расшатывающее действие изучения исторических примеров и собственных умозаключений попыткой ввести свою теорию о неизбежности восстановления в России монархии в научное русло незыблемого закона круговорота форм правления человечества. Но на этот предмет существует много возражений. Например, Г. Гельмольт в его «Истории человечества» достаточно ясно и убедительно утверждает, что:

«... Нельзя согласиться с мнимой обязательностью определенного круговорота форм правления, как нормальных, так и вырождающихся,—с тем, что государственная жизнь будто бы неизменно идет от монархии через тиранию к аристократии и от последней через олигократию к демократии, а затем—от демократии через охлократию и анархию снова к деспотизму. Нет сомнения, что так *может быть* и во многих случаях так действительно происходило, но *возможное отнюдь не обязательно*».

А раз, что существует хоть один шанс за то, что «возможное не обязательно»—эмиграция колеблется, сомневается и не соглашается—категорически и решительно не соглашается—стать под знамена нового претендента, потому что чувствует в будущем новую грозу народного недовольства, восстания и неминуемую жестокую революцию со всеми ее ужасами, т.-е. все то, от чего, в страхе, бежала она на чужбину, чтобы дожидаться успокоения.

Кроме этого, нет в широких массах эмиграции, подвергаемых давлению монархической пропаганды, также уверенности, что, во-первых, новый монарх, рекомендуемый той или другой группой реставраторов, буде ему удалось бы взойти на русский престол, безусловно оправдает возлагаемые вообще сторонниками реставрации на него надежды в смысле возврата прав, привилегий и имуществ, дарованных прежними монархами. Во-вторых же, нет уверенности, что кандидат одной монархической группы, достигнув цели, не обратится против инакомыслящих антибольшевистских же группировок с политическими репрессиями и ограничениями правового и материального свойства.

Опасения в этом смысле тем более основательны, что уже теперь, когда конечная цель реставраторов бесконечно от них далека, между ними, стоящими на общей антибольшевистской платформе, не только нет единомыслия, но, напротив, налицо непрерывная междуусобица и обоюдное озлобление.

Суммируя вышеперечисленные причины не только осторожного, но явно отрицательного отношения широкой эмиграции к идее, пропагандируемой сторонниками монархической реставрации, легко заметить грань, отделяющую большую часть эмиграции, отрицающую реставраторские попытки, от меньшей части, ведущей агитацию в пользу восстановления монархии, организовавшей целую сеть своих ячеек и агентур по всей Европе, располагающей материальными средствами и сохраняющей контакт со своими претендентами и членами свергнутой династии.

Следовательно, сообщая ниже чисто информационный материал о судьбах и ролях, играемых ныне членами этой династии в Европе, и их связях с эмиграцией, мы будем иметь в виду только меньшую часть эмиграции, численно незначительную в сравнении с большинством, ту, которая уже признала необходимость восстановления монархии в России и борется активно и явно за это.

Наиболее явной формой этого контакта между бывш. царским домом и эмигрантами-монархистами является связь между старой бывш. императрицей Марией Федоровной, проживающей в Копенгагене, и эмигрантскими группами, либо расположенными в районе остатков Врангелевской армии, либо из этого района вышедшими и передвинувшимися на северо-запад, в Германию.

Направление связи этой, вполне определившейся и методически действующей, может быть изображено, географически, линией, возникающей в Копенгагене, на севере, продолжающейся на юг, в Берлин, а затем из Мюнхена, из Баварии—на юго-восток в Юго-Славию и завершающейся на Балканах и на берегах Мраморного моря. По всей этой географической линии русского монархического фронта в Европе, обращенного лицом на Восток, располагаются силы реставраторов, причем наиболее твердо положение левого фланга в Копенгагене, где резидентствует бывш. старая царица, опирающаяся на гостеприимство датского королевского дома, и находится источник материальных средств для всего монархического лагеря.

Довольно твердо положение фронта реставрации в Баварии, вследствие тесного контакта с местными монархическими группами, а также вследствие относительного единомыслия (крайне правого) тамошних русских монархистов.

Слабее в Берлине, особенно после убийства Набокова, и вовсе неустойчиво на Балканах, как вследствие разнородности самой монархической массы, так и в смысле явно отрицательного и враждебного даже отношения широкой эмиграции.

Источником денежных средств и опорой, по крайней мере, для легитимистов является Копенгаген, приютивший остатки русской Вандеи, во главе с выжившей из ума развенчанной старухой-императрицей.

О жизни и деятельности Марии Федоровны и других членов б. династии можно почерпнуть сведения из эмигрантской печати, как монархического, так и анти-монархического толка. Запас этих сведений, сообщаемых последней, несомненно, обширнее сообщаемых первой.

Из печати монархической мы узнаем лишь, что старая царица все еще жива, что живет она в Копенгагене, что, несмотря на отсутствие в течение трех лет сведений о ее сыне Михаиле Александровиче, она упорно верит, что он жив и скрывается, и, наконец, что она согласилась признать законным претендентом на русский престол бывш. великого князя Дмитрия Павловича.

Вот и все, что сообщает пресса «верноподданническая»... Кроме этого, наблюдается еще множество публикаций и верноподданнических телеграмм, по разным поводам посылаемых Марии Федоровне, и сообщений о молебнах по высокаторжественным дням.

Печать анти-монархическая дает больший материал для освещения судьбы и деятельности как бывш. царицы, так и ее родственников.

Из эмигрантской же прессы мы узнаем с полной определенностью о несомненном старческом маразме, постигшем б. царицу и выразившемся рядом, очевидно, патологических и часто курьезных проявлений. Мы узнаем, например, что развенчанная царица, имевшая несчастье пережить своих сыновей, живя в качестве гостьи датского королевского дома, упорно не хочет примириться со своим положением частного лица. Она окружила себя двором, представляющим копию б. русского двора в миниатюре. У нее имеются свои церемониймейстеры, гофмаршалы, гофмейстеры и прочие придворные чины; на содержание этого двора расходуются большие суммы из личных средств Николая II, находившихся в заграничных банках и переданных его матери, а также из средств ее дочерей Ольги и Ксении, живущих сейчас при ней.

Мы узнаем, что жизнь при копенгагенском дворе стремится сохранить все признаки прежней придворной жизни.

Мы узнаем, что б. царица дает аудиенции б. русским генералам и офицерам, желающим представиться своей царице, дипломатическим агентам, которых удастся залучить с визитом к игрушечному двору, наконец, видным деятелям прежней России, находящимся в эмиграции.

Наконец, мы узнаем, что Марией Федоровной организован «союз верных», в который входят б. офицеры, сумевшие доказать свою «верность династии и давшие клятву сохранить ее и впредь». Представителем этого союза в Европе является пресловутый Марков II, резидентствующий в Мюнхене и ведущий на средства старой царицы широкую агитационную работу в среде б. русского офицерства.

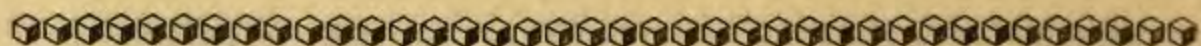
Из этой же анти-монархической белой прессы мы узнаем кое-что о судьбе и деятельности прочих членов б. династии, т.-е., точнее, только о судьбе, ибо деятельности в прямом и серьезном смысле этого слова нет никакой.

Наиболее «деятелен» из всех других, пожалуй, Дмитрий Павлович. По своему положению первого и наиболее признаваемого претендента он разъезжает по Европе, наносит никому ненужные и неинтересные визиты, произносит перед скучающими слушателями никчемные речи, участвует в «патриотических» банкетах и настолько вошел в свою роль претендента на русский престол, что даже, — неизвестно для чего, — прикатил в Гаагу во время конференции.

Это — единственный «деловой» член б. династии, что же касается остальных, то о них эмигрантская печать вспоминает как-то вскользь, сообщая, что Николай Николаевич (б. верховный главнокомандующий) живет в Италии около Генуи, Борис и Андрей Владимировичи высланы из Парижа за скандалы и дебоши, Кирилл Владимирович ушел вовсе от политики и живет со своей семьей, как частное лицо; настолько ушел от политики, что на предложение выставить свою кандидатуру в претенденты, сделанное ему в 21 году, заявил, что «у него нет денег на подобные вздорные замыслы».

Судя по последним сведениям, поступающим из заграницы, в 22 году Кирилл утратил ту житейскую мудрость, которая отличала его от его родственников в 21 году. Он принял участие в бесцельной и нелепой комедии попечения о вакантном российском троне и явился одним из деятельных и видных актеров эмигрантской монархической сцены. Очевидно, существует ряд каких-то неизвестных для нас причин, имевших силу сдвинуть б. вел. кн. с его благоразумной первоначальной политики невмешательства. Во всяком случае, эта перемена позиции не может способствовать украшению духовного облика Кирилла в памяти его современников, для которых до 22 года он был величиной, хотя и незначительной, но и менее его родичей отмеченной печатью тупой реакционности и бессильно пошлого политиканства.

Надо сказать, что вообще б. династия мало занимает эмигрантскую печать, а следовательно, мало занимает и саму эми-

грацию. Последняя определенно отказывается группироваться вокруг той или иной особы, метящей на русский престол.

Она—эмиграция—охотно предоставляет эту честь немногочисленным кучкам политических авантюристов, неуравновешенных фантазеров и выживших из ума генералов, и из этих последних составляются те замкнутые недосыгаемые для здравого смысла веяния современности и логики круги, в центре каждого из которых мы находим того или иного кандидата в русские монархи.

Весьма характерно, что среди явных и активных русских реставраторских кругов в Европе мы не находим видных деятелей старого режима и бывш. русских сановников. Они насчитываются единицами, тогда как главная их масса—аристократия, бывшие государственные деятели, политики правого крыла, бывшие придворные чины, крупный генералитет—предпочитает оставаться в стороне и не только не защищает идею реставрации, но даже в вопросе о свержении советов высказывается с необыкновенной сдержанностью.

Не может ли служить такая позиция деятелей эпохи русской монархии, в отношении вопроса реставрации, достаточно ярким доказательством убежденности этих кругов в тщетности монархических потуг части русской эмиграции и не только в бесплодности для России, но в явной вредности для самой эмиграции всей этой шумихи? Весьма вероятно, что многолетняя «государственная мудрость», почерпнутая, как следствие постоянного соприкосновения с самыми верхами старорежимного управления Россией, и доскональная осведомленность относительно моральных сил, способностей и характерных свойств духовной организации тех избранных общественных кругов, на которое это управление опиралось, привела, ныне, эти круги бывшей русской знати к убеждению в тщетности реставрационных попыток, ибо кому же, как не им, знать, способен ли новый насильно посаженный монарх удержать в своих слабых руках революционированный народ и способны ли они,—опора бывшей монархии,—оказать ему в этом деле поддержку?

Так или иначе, но эти круги русского общества, когда-то столь влиятельные и видные, ныне, потеряв всякое значение и, отчасти добровольно, отклонив всякую роль в «борьбе за Россию», пребывают в состоянии полной инертности и абсолютной оторванности от широких слоев эмиграции.

В таком же состоянии оторванности от эмигрантских масс, но в большем, конечно, масштабе находятся и активные монархические круги, группирующиеся вокруг претендентов и пытающиеся вести пропаганду в их пользу.

Мы уже упоминали о претендентах; добавим еще, что, кроме Дмитрия Павловича и Кирилла Владимировича, в число последних надо включить Николая Николаевича и... сербского королевича, которого тоже прочат на русский престол, вероятно, в знак признательности за оказанное Сербией гостеприимство Врангелевской армии.

Чем руководствуются те или иные группы, объединяясь вокруг того или иного претендента, ответить трудно. Но, имея в виду свойства характеров, мировоззрения, привычки и многолетний опыт элементов русского общества, ратующих сейчас в эмиграции за монархию, можно предположить в вопросе о выборе претендента на первом плане личную заинтересованность и личную, более или менее дальновидную, политику, но отнюдь не факторы идейного свойства.

Есть, впрочем, какие-то неопределенные и расплывчатые круги монархической эмиграции, действующие в направлениях и целях, совершенно недоступных пониманию,—настолько эти последние нелепы и курьезны. Так, например, существуют круги, выдвигающие в качестве претендентки дочь Николая II—Анастасию, которая якобы жива и находится в Англии.

Часть эмигрантской прессы,—склонная к сенсациям, хотя бы и маловероятным,—в свое время сообщила и прилежно муссировала слух о том, что будто бы дочь Николая II, избегнувшая смерти, была унесена одним из крестьян в деревню, затем долгое время находилась в семье Распутина, живущей в Тобольской губернии, а потом, оправившись от ран и нервного потрясения, будто бы была увезена в Японию, а оттуда в Англию.

Опираясь на эти сведения, неведомо откуда почерпнутые и никем не проверенные, вырос миф о «законнейшей претендентке», нашлись горячие головы, заручившиеся для Анастасии признанием старой царицы, и, наконец, вылезли на свет Божий заплесневевшие шептуны, радостно зашептавшие и засюсюкавшие, закатывая глаза и воздевая их к небеси, о том, что «дух старца Распутина проявился, чтобы спасти Россию и вывести ее из тьмы неверия и разврата»...

Мы привели этот последний пример, как образчик промозглости, тупости и несокрушимой консервативности монархически настроенной эмиграции. Останавливаться более подробно на этих вопросах находим излишним, для полноты же освещения вопроса об идее реставрации и русских эмигрантах коснемся отношений Европы к кругам эмиграции, пропагандирующим эту идею, и к самому плану восстановления в России монархии.

Никто не станет возражать против, теперь для всех очевидного, факта, что Европа, борясь с русской революцией ради

сохранения самой себя от революционной опасности, в то же время, как в острый период революции, так и в наши дни, стремилась извлечь для себя лично как можно больше реальной пользы из этой революции и всех последствий, с нею сопряженных.

Совершенно так же неоспоримо, что сперва, как будто бы и борясь с советами в России, а затем как будто бы и сопротивляясь их признанию, Европа делала все это и будет делать, до тех пор, пока она либо не убедится в слишком дорого ей обходящейся борьбе с чужой народной волей—бросит эту борьбу, примирившись с фактом, либо не сумеет оказать хотя бы минимальное влияние в смысле создания власти, действительно для нее приемлемой. Из этого ясно, что Европа весьма значительно заинтересована в характере «будущей власти» в России.

Выше мы уже говорили о той системе заверений, к которой прибегали руководители белого движения с целью уверить Европу в приемлемости для нее «будущей русской власти» . . . Европа молчала и, казалось, верила. . . Но свое дело она делала в то же время, как находила нужным и полезным . . .

Сейчас уже в эмиграции никто и ни в чем не заверяет Европу! . . Все обещания произнесены, и ни одно пока не исполнено!

И Европа, старая, хитрая и мудрая по-своему, «работает» в русском вопросе уже без помещиков и шептунов, работает уже не столько для того, чтобы сделать по-своему, сколько для того, чтобы, соблюдая свое внешнее достоинство, приспособиться к этому красному чудовищу, грядущему с востока, чудовищу, которое силой сокрушить невозможно, невозможно обойти и дипломатической хитростью.

Представляет ли для Европы выгоды реставрация монархии в России?

Судя по тому глубокому безразличию, которое неизменно проявляла все время Европа к русским монархическим кругам эмиграции, и по тому строгому, безжалостному методу расправы, к которому она прибегла, когда активность реставраторов преступила предел допущенного, Европа либо вовсе не заинтересована в вопросе восстановления монархии в России, либо не верит в возможность осуществления такового руками эмигрантских монархистов, пребывающих на ее территории.

Последнее предположение наиболее вероятно, ибо Европа знает, из кого состоят круги эмигрантских реставраторов, знает их силы и способности, знает, с кем имеет дело, по горькому опыту многолетнего сотрудничества. Если же прибавить к этому, что Европа, уже вследствие наглядно увеличивающейся силы, а, следовательно, и жизнеспособности сов. России, принуждена быть очень осторожной в своих шагах и постоянно сохранять

возможность отступления, становится совершенно ясным, что иначе, как отрицательно и опасливо, не может относиться Европа,—экономически расшатанная, обескровленная войной и дрожащая перед признаками революции,—к трагическому и нелепому фарсу русской реставрации, разыгрываемому за счет выжившей из ума старухи неважными лицедеями и просто наемными статистами эмигрантской сцены.

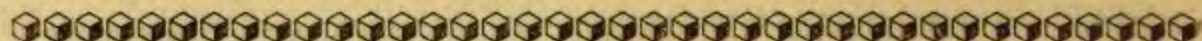
Несерьезность работы эмигрантских монархистов очевидна для каждого, кто имеет возможность соприкасаться с ними и хотя бы только ознакомиться с их деятельностью по их органам печати; отсталость и несовременность тактики реставраторов из эмигрантского лагеря уже заслужила соответствующую оценку в широких эмигрантских кругах: большинство им не верит, большинство смеется над ними, большинство негодует против них и дивится их неразумному упрямству.

Для всех очевидна жалкая роль не только претендентов-однодневков, не только немногих столпов русского монархизма, поддерживающих их, но и тех малочисленных, введенных в заблуждение кругов эмиграции, которые еще по сей день сохранили веру в целесообразность и просто в возможность реставрации в России.

Но, так или иначе, даже обескровленное, осмеянное, лишенное доверия и отвергнутое большинством эмиграции, монархическое движение выполнило и продолжает выполнять свою печальную миссию в русской эмиграции. Оно является силой, способствующей новому дроблению и расколу, ибо оно создает какую-то новую—убогую, но все же—идеологию и устанавливает новые точки зрения.

С этой стороны, рассмотренная идея реставрации,—на расцвете увядающая в эмиграции,—заслуживает отрицания, а осуществление ее—борьбы, не только со стороны идеологов народовластия и подлинного демократизма, но и со стороны самих участников белого дела, обессиленного и обреченного на бесславную ликвидацию, главным образом, по вине отсутствия внутри его единства взглядов и воли.

События последних дней на Дальнем Востоке, в Владивостоке, дали прекрасный и наглядный пример практического воплощения эмигрантских монархических теорий, столь старательно в течение трех лет развиваемых на Западе Европы. Плод, неожиданно принесенный монархической смоковницей, оказался незрел и на вкус весьма горек . . .

Русская эмиграция, конечно, часть ее только, так страстно так мучительно сладко мечтала о царе, хотя бы о царе эмигрантском, лишь бы это был монарх . . . И вот мечта сбылась: во Владивостоке объявился монарх, правда, не Романовской, вообще, не русской, а немецкой крови—из династии Дидерихсов, но зато не эмигрантский царь, на которого соглашались монархические мании, а царь, почти что всамделишный—с «территорией» и «народом» . . . Правда, монарх Дидерихс со своей монархией напоминает ходячую прибаутку по поводу украинской директории: «В вагоне—директория, а под вагоном—территория . . .», но так или иначе у монарха Дидерихса есть и территория и кой-какой народ. Не может быть также сомнения в правах упомянутого монарха на преемственную русскую императорскую власть: первые же действия Дидерихса тому подтверждение. Мы уже читали о порядках, введенных в Приморской монархии, о расстрелах неблагонадежных рабочих и о золотых миллионах, ассигнованных Копенгагеном Дальнему Востоку.

Предугадать события в данном случае не трудно и, как сейчас, мы являемся свидетелями холодного и безразличного отношения Антанты к русскому монархическому опыту Дидерихса, так мы увидим вскоре и заключительную сцену черносотенного водевиля, разыгранного на Востоке по нотам, сочиненным эмигрантскими монархистами на Западе. Крах же практического опыта послужит лучшим доказательством несостоятельности и нежизнеспособности отныне и до века монархической теории в ее приложении к России.

9.

Еврейский вопрос и белое движение.

В процессе доказательства реакционности белого движения,—в самом широком, не ограниченном конкретными фактическими рамками, смысле этого понятия,—позволительно прибегнуть к методу дедуктивного мышления, т.-е., в данном случае, доказывать реакционный характер воззрений белого лагеря на тот или иной острый вопрос русской действительности, включаемый, как составная часть, в целое эмигрантского мировоззрения и затем уже, на основании этих частичных выводов, переходить к общему выводу относительно природы белой идеологии.

В нашу задачу не входит специальное изучение идеологических свойств белого движения, но, говоря об эмигрантских настроениях, уместно коснуться неизменно животрепещущего

и острого вопроса взаимоотношений между русским еврейством и белым лагерем, шире—о еврейском вопросе и белом движении.

Мы прибегаем, между прочим, к выяснению этого вопроса, как к способу дедуктивного доказательства реакционной сущности белого движения, главным образом потому, что нигде, как в еврейском вопросе, так выпукло не выражаются и не могут не выразиться национальный антагонизм, религиозная нетерпимость и наглое глумление силы над правом,—этих свойств, которые мы привыкли видеть и осуждать в руководителях, деятелях и сторонниках самодержавной государственной политики.

В предыдущей главе мы говорили об отношении эмигрантов к идее реставрации и признавали его, как безусловно отрицательное. С точки зрения дедуктивного метода доказательства, такой взгляд на восстановление монархии может быть рассмотрен, как фактор отрицательного свойства, способный ослабить ценность утверждения реакционности белого движения, но мы, говоря о реставрации, умышленно перечислили целый ряд психологических причин, порожденных влиянием извне и исключаящих для эмиграции возможность в вопросе о восстановлении монархии руководствоваться оценкой идеи реставрации, как абстрактной политической теории, и заставляющих, неминуемо, рассматривать таковую, как конкретное осуществление теоретических планов, притом такое осуществление, в котором всем и каждому надлежит принять посильное участие, при полной неопределенности конечного результата, как в смысле персональном, так и в государственном масштабе.

Еврейский вопрос, в противоположность вопросу о «будущем строе», помимо совершенно иной своей природы, будучи искусственно вздуваемым, муссируемым и заостряемым в течение долгих лет самодержавным режимом в России, ныне, когда этого режима нет, когда эмиграция потеряла даже самую Россию, мог бы потерять всякое значение вообще, сойти на-нет, уцелеть лишь в форме проблемы теоретической, не сопровождающейся практическими проявлениями. Но уже то обстоятельство, что этого не случилось, что еврейский вопрос в русской эмиграции не потерял своего бывшего смысла и остроты, что он остался действующим и раздражающим началом, болезненным и спорным фактором социальной жизни этой эмиграции, доказывает, что причины его прежней нелепой заостренности и болезненности располагались не только в плоскости программы государственного режима, но, что даже, когда этот режим перестал существовать, кто-то и для чего-то перенес их за границу, в эмиграцию, и снова выдвинул на-ряду с самыми животрепещущими вопросами дня.

Очевидно, дело было не в системе, а в лицах, обслуживающих эту систему. Система уничтожена, но лица живы, они переселились в эмиграцию и продолжают свое дело.

Руководящие и влиятельные круги эмиграции, как уже упоминалось, состоят главным образом из лиц, выдвинувшихся не во время эмиграции, а еще до нее, игравших общественные или политические роли, во время империи, а потому принесших с собой в эмиграцию очень много специфических свойств дореволюционной России.

Принесли они, между прочим, и антисемитизм.

В виду того, что налицо, с одной стороны, антисемитская пропаганда верхов, с другой же стороны—общеземлигратский антисемитизм, рассмотрение вопроса приходится разделить надвое: во-первых—*цели, которые преследуют некоторые руководящие эмигрантские группы*, ведя в массах антисемитскую пропаганду, во-вторых—*причины происхождения благоприятности почвы*, на которую эта пропаганда падает.

В том состоянии замученности, отчаяния, безнадежности и нервной задерганности, в том состоянии явной истеричности, доводящей людей до вспышек массового психоза, в котором находится русская широкая эмиграция в Европе, теперь, когда борьбы уже нет, когда вскрылись обманы, когда заветные цели исчезли из поля зрения, естественно, возникло в массах стремление разыскать и покарать виновников всех бед и катастроф.

И вот этим-то психологическим моментом сумела воспользоваться та часть руководящей эмиграции, которая больше всего опасалась, как бы законное негодование масс не обрушилось на их голову, что, помимо всего прочего, окончательно разрушило бы белый идейный фронт, на успешность действий которого эти круги продолжают надеяться. В то же время в качестве громоотвода, по старой привычке, вынесенной еще из дореволюционной школы, желательно и удобно было подсунуть еврейство, как постоянную причину всех бедствий и неудач русского народа.

В этом направлении использование эмигрантского гнева против виновников белых неудач и перенесение его в область еврейского вопроса и определилась работа юдофобских вождей эмиграции.

Прежде всего, надо было углубить вопрос о виновности кого бы то ни было.

Для этого было сделано почти что философское отступление в область историческую: «виновники всех белых неудач и всех, сопряженных с ними бедствий эмиграции, не те, кто руководили белым движением, а прежде всего те, кто явился виновником возникновения этого белого движения, т.-е., кто дал повод к гра-

жданской войне, т.-е. те, кто хотел и сделал революцию в России, так как, если бы не было революции, не было бы гражданской войны, не было бы белого движения, а, следовательно, не было бы места той катастрофе, тем разочарованиям и тому отчаянию, которое наблюдается сейчас в эмиграции»...

«А так как революцию желали и сделали евреи,—так как советская власть это тоже евреи—то, следовательно, и виновниками всего совершающегося и переживаемого являются только евреи!..».

Вот путь мышления, отмеченный верхами эмигрировавших погромщиков и подсунутый широкой эмиграции, заблудившейся в трех соснах в поисках виновников всех своих несчастий!...

Путь этот тем более удобен, что, идя по нему, легко дать необходимые и для дела удобные объяснения, как факту возникновения революции в России, так и роли русского народа в массе в этой революции и в деле поддержки советского строя.

Несомненно, что в интересах упомянутых эмигрантских руководителей было сделать эти объяснения как можно более далекими от истины.

Прежде всего, следовало в деле обнажения корней русского революционного движения представить картину в таком виде, чтобы невозможно было заподозрить подлинных причин назревания этого движения, т.-е. невозможно было бы даже предположить, что государственная система, ее программа, ее деятели в течение столетий подготавливали своим поведением и своими приемами управления страной тот всенародный взрыв, который имел место в 17 году.

Допустить такое объяснение возникновения и развития революционного движения в России нельзя было уже потому, что тогда законный гнев широкой эмиграции обрушился бы на ее руководителей, виновников, своей прошлой деятельностью, возникновения этой революции.

Затем совсем неудобно было дать объяснение возникновению революции, как естественному завершению одного из пределов вечного процесса борьбы труда и капитала, так как тогда стала бы ясной неизбежность возникновения этой революции рано или поздно, точно так же, как стала бы очевидной бессцельность борьбы с революционным движением, ибо, даже временно побежденное, оно, вскоре, вспыхнуло бы с новой силой.

Наконец, необходимо было для этой группы эмигрантских вождей убедить широкие массы эмиграции в том, что Октябрьская Революция совершена отнюдь не волей и руками русского народа и что не русский народ добровольно поддерживает уже 5 лет в России власть советов.

Создать такое убеждение было необходимо по той причине, что в противном случае для эмиграции стала бы совершенно очевидной невозможность борьбы белой кучки со всем русским народом и в то же время уничтожился бы тот патриотический базис, на который неизменно опирается руководящая эмиграция, говоря «от имени русского народа, жаждущего сбросить советское иго»...

Но для того, чтобы убедить и доказать все вышеизложенное, надо было указать и подлинных, осязаемых виновников всех бед, истинных деятелей революции, виновников гражданской войны и поддерживателей советского строя. Надо было вывести их пред народом, чтобы все могли видеть их и излить на них свое озлобление. И с этой целью,—как Растопчин вывел Верещагина на растерзание московской толпе, так и Суворин со своими соратниками вывел на суд эмиграции еврейство.

«Вот,—закричал он, а вслед за ним и многие другие,—вот настоящие виновники русской революции и гражданской войны, вот опора советской власти... Не будь их, не было бы ничего, не было бы и наших несчастий... Ату их!...»

Несомненно, кроме эмигрантских вождей явно погромного толка, действовавших в открытую, были в недрах беженских масс какие-то многочисленные «бродильные грибки» антисемитизма, действовавшие в своем подпольи незримо, но непрерывно, и подготовившие благоприятную почву для восприятия погромной проповеди. Характер деятельности и социальный состав этих подпольных внутриэмигрантских ячеек, сыгравших роль диастаза в процессе антисемитской ферментации беженских масс, не вполне ясен и весьма разнообразен: на этом поприще добровольного выявления своих «национальных чувств», подвизаются, конечно, профессиональные жидоеды, воспитанные в чайных союза Михаила Архангела и прославленные литературными подмостками «Земщины» и «Русского Знамени». На-ряду с соратниками Замысловского и Маркова 2-го здесь встречаются также антисемитские дилетанты всех слоев общества: офицерства, дворянства, чиновничества и даже мещанства, незаметные, но не бездействующие, трудолюбивые в своей работе, упорные и ядовитые.

Методы их деятельности, конечно, бесконечно разнообразны, измеряются они дугой от неуловимых пределов нашептывания—до открытой агитации со страниц белой прессы.

Существует лагерь в эмигрантской печати, включающий ряд изданий, как, например: «Новое Время», «Новая Русская Жизнь» (Гельсингфорс), «Что делать?» (Берлин, закрылась), «Русское Эхо» (Шанхай) и т. д., который в области еврейского

вопроса не отступил и за пять лет русской революции ни на шаг от прежней позиции антисемитской русской печати.

В книге «Белая печать» ее идеология, роль, деятельность и значение, изданной в 1922 году Петр. отд. Госиздата и принадлежащей автору настоящего труда, читатель в главе «Печать монархическая» (гл. 15, стр. 85) может найти целый ряд фактических примеров, заимствованных из вышеупомянутых органов эмигрантской печати и могущих служить доказательством позорной и глупой позиции, занятой ею в области еврейского вопроса.

Весьма характерным является в данном случае отношение эмигрантского общества к погромной деятельности этих газет и вообще изданий этого рода. В прежнее время (дореволюционное), как прогрессивные общественные деятели, так и таковые же представители литературы относились к печати нововременского пошиба с совершенно определенным и ярким пренебрежением и брезгливостью. Достаточно, например, вспомнить ту моральную, да почти и физическую, изоляцию, в которой пребывали сотрудники крайне правых юдофобских газет, или, например, тот шум, который поднялся в литературных кругах в связи с сотрудничеством ряда лиц в новооткрывшемся литературном журнале «Лукоморье», издававшемся Сувориным, издателем «Нового Времени». Даже такая прикосновенность к юдофобской газете признавалась порочащей чистоту имени прогрессивного литератора.

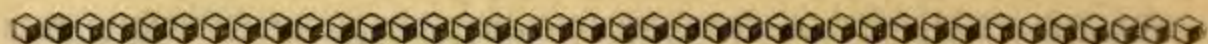
Между тем, в наши дни, в эмиграции, мы наблюдаем совсем неожиданное явление.

Мы читаем в статье Набокова «Временное Правительство» (I том «Архива Русской Революции») определенные антисемитские выпады, притом несерьезные, недостойные представителя прогрессивной общественности, отдающие злобным и бесцельным брюзжанием.

Мы находим имя «революционера» Амфитеатрова на страницах «Новой Русской Жизни», погромной газетки, помещающей рядом с амфитеатровским материалом позорную юдофобскую ерунду.

Мы наблюдаем в большинстве белой прессы, руководимой лицами, претендующими на известную «революционность» и «прогрессивность», полное и, несомненно, умышленное замалчивание того юдофобского настроения, которое имеет место в эмиграции, ярких и фактических его проявлений и вообще той безответственной работы, которую ведут явные и тайные антисемитские диастазы в гуще русского беженства...

Своим молчанием они делают вид, что ничего не знают и не видят и как будто безмолвно одобряют совершающееся...

Между тем, история белого движения изобилует погромными страницами. Мы не будем останавливаться на перечислении фактов, отсылая читателя к многочисленным печатным свидетельствам уже имеющимся, но мы повторяем, что походы Деникина, Колчака и Юденича протекали под знаменем беспричинного притеснения, ограбления и уничтожения еврейского населения занимаемых областей...

Глупость и злобредность этой политики была понята белыми руководителями, как водится, слишком поздно!...

«Покаявшийся» погромщик Балахович поспешил, например, организовать в своей (Савинковской) 15.000-ой армии, объявившей в 20 году «поход на Москву», какой-то курьезный «еврейский полк» и издал приказ... воспрещающий погромы!...

Но все это, конечно, было слишком явно, чтобы кого-нибудь переубедить, и слишком глупо, чтобы кого-нибудь заставить отнестись к этим затеям серьезно!

Немногочисленная еврейская пресса русской эмиграции в лице чуть ли не одинокой «Еврейской Трибуны», выходящей в Париже, тщетно борется с процессом антисемитского брожения широкой эмиграции и безрезультатно высмеивает и клеймит погромные выпады ее правых вождей.

Точки зрения широкой эмиграции на еврейский вопрос разнообразные, но расположенные почти в общей плоскости, даже при поверхностном их обозрении, способны подтвердить высказанное предположение о полном идеологическом крахе белого движения. Антисемитизм, как стремление найти во что бы то ни стало виновника и дать выход накопившейся жажде мести, хотя бы и через клапан национального и религиозного антагонизма—последний этап разложившейся идеи, явно проявляемое сознание своего бессилия и недостижимости намеченных целей.

В то же время, этот массовый антисемитизм может подтвердить лишний раз высказывавшееся неоднократно предположение по поводу того, что восторжествование белого дела и насаждение в России на место советской власти какой-нибудь другой сопровождалось бы неудержимой волной не только политического, неумеренного и жестокого террора, но и террора национально-религиозного, выражающегося погромами и избиением евреев.

Но «страшен сон, да милостив Бог!...»

Эпоха белых виселиц и «еврейских полков» уже за рубежом истории... Антисемитский «бродильный грибок»—в прочной изоляции, что же касается «руководящих погромщиков», то их голос—один из голосов, вопиющих в европейской пустыне «патриотов», вопиющих тщетно и бесплодно.

ПРОЦЕСС РАЗБРОДА.

Достаточно ознакомиться с разнообразием точек зрения хотя бы в области двух приведенных для примера в предыдущих главах вопросов, чтобы почувствовать отсутствие и идейного и физического единства белой массы. С полной очевидностью выявляется наличие глубокого и многогранного разброда, междуусобных трений и непрекращающейся борьбы, разъедающей твердь «единого белого фронта».

Опыт психологического исследования идейного и физического расслоения, распада и разложения, в состоянии которого действительно находится в наши дни русская эмиграция в Европе, не лишен интереса, кроме всего прочего, уже потому, что, выявляя характер идейных и моральных эволюций и трансформаций, через которое прошло последовательно эмигрантское сознание, он в то же время вскрывает моральную сердцевину всей белой массы вообще, вступившей в великую идейную борьбу,—в дни своего кажущегося идейного единства,—с сознанием правоты, святости и убежденности в своем деле, а затем, под влиянием ряда внешних причин не только потерявшей это единство, но дошедшей в своей междуусобице до идейного и физического самоуничтожения.

В то же время, исследование психологической стороны белого единства и разброда представляет интерес в качестве начала, определяющего степень подлинности того «либерализма», который исповедывала и продолжает исповедывать русская интеллигенция, ушедшая в эмиграцию, природу «революционности» ее профессионального, если можно так выразиться, революционерства, уровень сознательности, градус политической зрелости и, наконец, способность проявлять необходимую идейную эластичность в вопросе о приятии или неприятии революции, в зависимости от тех внешних форм, в которые—практически—эта революция облечена.

Наконец, в-третьих, упомянутое исследование, выходя за круг сегодняшнего дня, вводит в область,—правда, предположительную,—ближайшего будущего, намечая реальные контуры для нанесения предположительных перспектив.

Рассмотрение деталей эмигрантского разброда и его последствий нуждается в исходной точке, соответствующей моменту и положению уже исторически зафиксированным и выявившим проистекающие последствия.

В качестве такого базиса мы укажем на основной, первоначальный и вполне определившийся уже 2 года назад раскол эмиграции на два крупнейших политических лагеря: старой тактики и новой.

Суть и различие этих двух тактик общеизвестны.

Не будем останавливаться на старой тактике, ибо ее идейный путь есть продолжение официального идейного пути, возглашенного белыми вождями еще в 18 году, в то время, когда белое движение было «единым и неделимым».

Потрясающие события конца 20 года не повлияли на его направление: он остался прежним, он ни на йоту не отклонился от проповеди крови и железа, от метода пробивания лбом стены, от принципа неосмысленного и упрямого удара, хотя бы этому удару и была противопоставлена явно и на опыте испытанная несокрушимая преграда.

Этот путь нерассуждающего упрямства, по которому по сей день идет весь правый лагерь эмиграции—путь Деникина, Юденича и Врангеля, приведший их к гибели, с тою лишь разницей, что гибель генералов была реальной катастрофой для всех и для них самих, в том числе, очевидной, тогда как идеологическая гибель русских реакционеров, уже совершившись, уже отойдя в область историческую, остается ими самими незамеченной и непризнанной по сей день. Живые мертвецы продолжают бродить по эмигрантскому миру, писать, говорить, учить, советовать, грозить и обещать, но эта загробная риторика способна вызвать не столько серьезное и вдумчивое отношение, сколько чувство сострадания и насмешки.

В противоположность старой тактике, «новая тактика», возглавляемая П. Н. Милюковым, отказавшись от старых проторенных тактических путей, избрала новые, правда, лежащие в одной, общей, в данном случае, плоскости непримиримости с советской властью.

От правого крыла белого лагеря новая тактика отделена чертою полного и окончательного отрицания идеи интервенции во всех ее проявлениях, т.-е. той отжившей и обветшалой глупости, бесплодность дальнейшего культивирования и развития которой всем и каждому теперь очевидна.

Политические перспективы лево-кадетов, как известно, построены не на неизбежном сокрушении советской власти силою своего или чужеземного оружия,—как это проповедают стоящие вправо,—а на уверенности присутствия внутри русского народа собственных «революционных сил», притом таких сил, которые неудовлетворены только что пережитой и еще не до дна исчерпанной революцией, которые не израсходовали еще своей посту-

пательной энергии и от которых должно, по их мнению, ожидать взрыва, способного разрушить здание советской власти изнутри.

Точно так же, как перспективы интервенционистов внезапно замыкаются тупиком, поскольку в распоряжении их не оказывается ни собственных, ни чужестранных сил, — перспективы идеологов «внутреннего взрыва» действительны и правдоподобны лишь в случае справедливости их уверенности, что в широких массах народа имеется в наличии, и притом в достаточной мере, революционный элемент, неизрасходовавший своей бунтарской энергии, неудовлетворенный происшедшей уже революцией или вовсе не признающий в качестве таковой имевший место переворот и живущий в чаянии другого. Словом, по тем или иным причинам, настоящую революцию не принявшие и не приемлющие...

Если же такого элемента в народных массах не окажется или если его окажется недостаточно, наконец, если он даже будет многочислен, но совершенно исчерпан в смысле революционной энергии — дело этой политической группы проиграно окончательно, и она останется за бортом действительности, как и ее соседи справа.

Эта политическая группа, независимо от своей современной обскурантистской сущности, заслуживает внимания особого уже потому, что самый факт обнаружения в ее недрах живой мыслительной силы, способной к здоровой критике и полезной эластичности — силы, проявившейся в качестве двигателя, направившего политическое мышление из старого русла в новое, — заставляет предполагать присутствие в глубине ее идеологии живой и умеющей приспособливаться к изменяющейся среде материи, а следовательно, дает основание ожидать дальнейшей эволюционной работы, на что нельзя надеяться в отношении мертвой смоковницы непоколебимых мировоззрений явно реакционного лагеря.

Эти два перечисленных нами белых течения, являющиеся основными и находящиеся в непрерывной и активной друг к другу оппозиции, в то же время в недрах своих переживают все прогрессирующий процесс разброда, влекущий за собою все более и более мелкое дробление и умножение точек зрения. И если основной раскол взглядов эмиграции на русский вопрос ослабляет ее идейную позицию и подтачивает доверие к ней со стороны Европы, то мелкий разброд эмигрантской мысли, — расплывчатый, глубоко мещанский по своему существу и неустойчивый к тому же на выбранных им позициях, — этот разброд, разъедающий самую сердцевину России № 2, способствует в еще большей мере ослаблению позиций последней и падению ее международного престижа.

Это множество мелких,—часто незначительных,—политических группировок обзавелось в течение последних 2 лет самостоятельными органами печати и при содействии последних ведет непрерывную и ожесточенную борьбу, повторяем, не столько даже с советской властью, сколько со своими близкими и более отдаленными соседями справа и слева.

Вредность для общего белого дела такого разброда, повидому, сознается вождями отдельных враждующих групп,— об этом можно судить по тем многочисленным призывам к созданию единого белого фронта, которым отводят место почти все белые органы печати (не стесняясь, однако, рядом же помещать очередную статью, разжигающую междоусобицу). В этих призывах постоянно указывалось (совершенно справедливо) на невозможность ждать успеха для белого дела, поскольку внутри его царит разброд, но все эти призывы остались безрезультатными.

Повидому, противобольшевистская энергия, проявившаяся в белом лагере в высшей форме своего напряжения в период военной борьбы на русских фронтах, израсходовалась, растворилась, испарилась, оказалась во втором периоде пассивной оппозиции большевизму,— не дававшем ярких вспышек и не подогревавшем конкретными надеждами на «завтрашнюю победу», — побежденной суммой тех общечеловеческих, эгоистических, будничных побуждений, которые поднялись на поверхность сознания со дна взбаломученных эмигрантских душ.

Внешних данных для поддержания упомянутой противобольшевистской энергии в эмиграции не стало, не стало и достаточных оснований ломать в угоду ей и приносить ей в жертву свое индивидуальное мировоззрение, свои обывательские интересы, свое человеческое право на настоящее и будущее, и она уступила место этим новым силам, не замедлившим начать дробить тот призрачный единый идейный белый фронт, который еще наблюдался в дни падения Крыма.

Причины восторжествования этих общечеловеческих,—быть может, мелких и малопривлекательных, но каждому человеку, в большей или меньшей мере, свойственных,—качеств, над единой, сложенной из множества мелких волей, покорностей и самопожертвований и опирающейся на их стройное добровольное или,—до поры,—принудительное взаимодействие, силой, двигавшей белым делом, следует искать в степени соответствия путей и целей, к которым стремилась эта сила, с мелкими целями и путями, отвечавшими пожеланиям индивидуальных волей и покорностей, составлявших ее сложную базу.

В то же время одну из причин восторжествовавших индивидуальных интересов и волю эмиграции над общими насильственно предначертанными требованиями вождей и руководителей белого движения следует усматривать в длительности этого последнего и притом в длительности бесплодной, не дававшей реальных оснований верить в скорое и победное окончание борьбы, в благородство и убежденность вождей, в добросовестность и талант руководителей и т. п.

Эмигрантское сознание (мы продолжаем говорить о широких массах эмиграции, а не об избранных верхах) оказалось как бы заключенным в оболочку сосуда, воздух в который продолжает нагнетаться беспрерывно, без признаков, указывающих на близкое окончание этого нагнетания, и без заботы о том, каково действие до-нельзя сжатой атмосферы на стенки сосуда и на его содержимое.

Крушение Врангеля явилось тем толчком, от которого, подчиняясь закону детонации, взорвался этот сосуд, как взрываются паровые котлы...

Освободившееся от давления силы, превысившей допустимые степень и длительность, эмигрантское сознание отныне подчинялось, главным образом, уже не гипнотическому влиянию вождей-прорицателей, а своей общечеловеческой природе. С этого момента процесс переоценки и пересмотра пошел полным ходом. События в России только способствовали его развитию; почву же для прогрессирующей эмигрантской самокритики создавала самая сущность этой эмиграции, как таковой, ее культурный уровень, степень ее приспособленности и умения бороться с жизнью, индивидуальные качества ее отдельных представителей и, главным образом, природа тех причин, которые послужили к самому переходу на беженское положение, в лагерь непримиримых с советской властью.

Нет нужды прибегать к особо тщательному анализу, чтобы, рассматривая причины, послужившие к переходу русских граждан на положение эмигрантов, разделить этих последних на два лагеря.

Первые, это—те, которые бежали от советской власти, имея целью активную борьбу за ее свержение.

Вторые, это—те, которые бежали от советской власти, не столько для активной борьбы с ней, сколько потому, что им стало известным, что там-то и там-то организовались группы, поставившие себе целью борьбу с большевиками, и что достаточно к этим группам примкнуть, чтобы выйти из сферы влияния советского режима.

Укажем на то обстоятельство, что в основе причин, побудивших большинство граждан эмигрировать, несомненно в большей

мере лежат причины эгоистические, облеченные в ту или иную форму, так или иначе замаскированные.

Выражаясь грубо, эти причины можно было бы назвать «шкурными».

Несомненно, что как в первой, так и во второй из двух перечисленных выше категорий было и есть некоторое количество идейных, так сказать, эмигрантов, то-есть таких, которые покинули родину не потому, что изменились для них лично и для окружающих привычные условия жизни, а потому, что они идейно не могли примириться с новым строем.

Таких идейных эмигрантов, конечно, больше в первой категории, активно боровшейся и не оставляющей надежды на продолжение борьбы с советской властью.

Но и в первой категории большинство все-таки таких, которых двинули в эмиграцию причины эгоистического характера, как-то: потеря имущества, положения, власти. Если же они в надежде на возврат потерянного бросились в активную борьбу, не дожидаясь, пока это сделают другие, то тому причиной индивидуальные их свойства.

Что же касается второй категории—«примкнувших»,—то мы будем недалеко от истины, отнеся 99% из их общего числа к «ущемленным революцией обывателям», ибо изложенное выше понятие об этой второй категории и о моральных факторах, послуживших к ее зарождению, сами по себе не допускают присутствия в ее среде «идейных борцов», разве только в виде исключений, лишь подтверждающих правило.

Процесс беженства навстречу наступавшим белым армиям и затем вслед за отступавшими их частями протекал под единым флагом: «невозможности жить под советской властью».

«В чем же заключается,—спросим мы,—эта невозможность?»

И если бы каждого из этих эмигрантов спросить в отдельности и «по душе»—просто, так, чтобы быть уверенными в искренности и независимости его ответа,—«от чего бежал он из России и что, собственно, заставило его признать существование на родине невозможным?»—он сможет дать только один правдивый ответ:

«Дальнейшее пребывание на родине сделали невозможным для меня резкие видоизменения социальных условий жизни, которые принесла с собою революция».

Немалую, конечно, роль сыграла и надежда, там, по ту сторону черты бело-красного фронта, найти какое-то тихое и прекрасное бытие, а главное—мечта найти там *старое*, то, что безвозвратно и непоправимо разбила революция.

Если рядовой эмигрант (второй категории) говорит вам о своей идейной ненависти к большевикам и советской власти—

он лжет и рисуется, ибо он вполне благополучно жил под большевистской властью и не помышлял о бегстве, пока кривая нового строя не выгнулась слишком круто и не согнула его самого в бараний рог.

Не будь этого крутого выгиба,—конкретно—не прекратись свободная торговля, не начнись террор, не перевернись внезапно иерархическая лестница, предательски переместив верхние ступени вниз, и, наоборот, нижние наверх,—нынешняя рядовая эмиграция преспокойно жила бы под властью советов, занимая старые, насиженные места, кушая белый хлеб с маслом и откладывая рубли в сберегательную кассу.

Мы это и наблюдали первый год, полтора после октябрьского переворота.

Сразу бежали только те, которые потеряли вдруг привычную власть, влияние, капитал... Прочие же остались, не усматривая еще в самом факте переворота основания к бегству и продолжая занимать выжидательную позицию:

«Что же будет дальше?..»

Но когда разрушительная работа первого периода революции пошла вглубь и вширь, задевая интересы не только состоятельных и влиятельных кругов, но и обывательских, когда и на второстепенные места пришли новые люди, когда революция наложила тяжелую руку на рубли в сберегательных кассах, когда вместо белого хлеба с маслом дали обывателю восьмушку черного, когда коммунистическая политика скрутила всех, без изъятия, в бараний рог, вот тогда,—а не раньше!—тогда побежали из России все оставшиеся без мест, без хлеба и без рублей...

Бежали обнадеженные:—либо с чьей-то помощью вернуть обратно все потерянное, либо где-то и как-то устроиться на чужбине по образу и подобию прежней жизни.

Из всего этого ясно, что бегство рядового эмигранта из России обуславливалось не идейной его непримиримостью с советской системой, как системой государственной, а целым рядом причин, ничего общего с политикой не имеющих.

Подчинение этому естественному закону инстинктивного эгоизма нельзя рассматривать, как что-либо неожиданное и необычайное.

Упомянутые последствия революции повлекли за собою совершенно особый вид реакции,—реакции персональной,—выявившей индивидуальные качества того или иного субъекта, до этого дня остававшиеся скрытыми. Психологическая реакция в данном случае вообще неизбежна, как в массовом масштабе, так и в розницу; это—закон маятника; размах вправо—размах

влево, притом равный... Если же в исключение из этого закона размах реакции настолько велик, как это в наши дни мы можем наблюдать в эмиграции, то он влечет за собою нарождение тех дробящих, разлагающих сил, действие которых мы можем сейчас наблюдать на белом берегу и которые в конечном результате ведут его к неизбежной идейной и физической катастрофе.

Следует, однако, сказать, что короткая история русской эмиграции, хотя еще и не закончившаяся, но проявившая самые резкие свои изломы и самые сложные идейные трансформации, эта история знает свои подвиги, как и преступления.

Русская эмиграция, в общем, впала в глубочайшую ошибку, была введена в трагическое, по своим последствиям, заблуждение, и в этом ее преступление перед Россией! Ошибка эта, заблуждение это заключалось не только в том, что, не поняв и не приняв Советской власти, она бросилась прочь от нее, а в том, главным образом, что, отшатнувшись от этой власти, она единодушно примкнула к тому лагерю борцов, который боролся вовсе не за *Россию*, не за *свободу*, не за *право* человека, а за возврат власти касты, за поворот к старому, за реакцию...

Но эмигрантская интеллигенция в то время этого, вероятно, не подозревала...

Еще горше то, что эта интеллигенция, ушедшая в эмиграцию, не отшатнулась от своих воинственных вождей, в тот же день, когда они воздвигли на русской земле первую виселицу мщениия, учинили первый погром, обнаружили впервые свое настоящее позорное лицо.

Напротив, эмиграция не отшатнулась от них, но пыталась в течение долгих лет, насилуя себя, свой многолетний идейный уклад, свою совесть и сердце, убедить себя самое в подлинной белизне белого дела, в том, наконец, что белое дело это, даже в его настоящем безобразном виде, именно то спасительное для России и русской свободы дело, в которое они так верили и которого они так желали. В глубинах душ очень многих представителей эмиграции разочарование и сомнение, несомненно, зародились очень давно и росли и ширились, — как в наши дни растет и ширится переоценка последних эмигрантских ценностей, — тяга на родину, неудовольствие вождями и — как следствие — внутренняя рознь. Но эмиграция таила до последних дней это разочарование под корой ложного единодушия и единомыслия, которых на самом деле нет и не было, — тогда как выявить их следовало сразу.

И в этом ее преступление.

Вследствие ее моральной инертности, ее обывательской трусости, ее неумения и бессилия принимать твердые решения,

подсказываемые умом и совестью, ее моральный подвиг превратился в физический вред, который она нанесла России, поддерживая враждебное русской свободе, русской народной воле, наконец, ей же русской интеллигенции, движение реакционных генералов.

Если всякое революционное движение влечет за собой, помимо временного упадка культурного уровня страны и народа, выявление скрытых, но живых и незримо действующих свойств характера данного народа, свойств, в сущности говоря, создающих и вызывающих это революционное движение и направляющих его затем по тому или иному руслу,—то эмиграция, как таковая, причины, ее вызвавшие, настроение эмигрантских умов и самые условия создавшегося быта на чужбине, неизбежно выносят на поверхность те стороны человеческого духа, которые в иных условиях жизни, до этого, хотя и существовали где-то в недрах естества, но почти не действовали и никакого влияния на течение духовной жизни не оказывали.

С этими качествами эмигрантской индивидуальности, качествами, проявившимися с исключительной ясностью после крушения идеи интервенции, приходится считаться при изучении процесса идейного раскола и физического разброда русской эмиграции в наши дни.

Чисто реальный и даже эгоистичный путь мышления в области оценки обстановки и намечающихся перспектив (что, впрочем, естественно для рядового гражданина-беженца) привел, собственно говоря, огромное большинство их в эмиграцию, как было сказано выше, теперь же этот общечеловеческий эгоизм, проломивший кору лже-единой декоративной белой идеальности, выпирая наружу, просачивается с исключительной наглядностью в вопросе о той, для эмиграции «приемлемой», «будущей России»,—о которой все и каждый из них так мечтают.

Следует повторить, что и без того весьма неясное и бесконечно растяжимое понятие о «будущей России», понятие, над конкретным расшифрованием которого трудятся досужие предтечи всех эмигрантских толков, это понятие в широких массах эмиграции,—не занимающейся научными прогнозами, а предвидящей будущее таким, каким им бы хотелось его видеть,—перестало быть унитарным уже давно, а под влиянием личных вкусов, надежд, привычек и пожеланий раздробляется на множество самостоятельных и разнообразных форм и представлений.

В невероятно пестрой гуще бывших людей: губернаторов, ресторанных скрипачей, банкиров, интендантов, учителей и боевых офицеров, шуллеров и спекулянтов, купцов и бес-

приютных интеллигентов, чиновников, попов, журналистов, ветеринаров и биржевых зайцев,—в той гуще, запечатанной в банку закупоренных границ под общим ярлыком «русская эмиграция», каждая беженская букашка поклоняется своему божку, носит в сердце мечту о своей России.

Маниловы, Собакевичи, Головлевы и Аристарх Федорович Балахнов толпятся у закусочных столов европейских ресторанов, представляя постороннему обозревателю живописную галерею «помещичьих затылков» и «дворянских задов».

Безземельные ныне магнаты, распаленные рюмками национального нектара, не растратившие до сих пор балласта помещичьих животов и культивированного веками самопоклонения, с жаром толкуют о «будущей России».

Они,—несомненно, прогрессисты и сторонники революции: в свое время они носили алые бантики в петлицах, снимали шапки перед марсельезой и голосовали в Учредительное Собрание за кадетский список,—они тоже жаждут реформ в «будущей России», но, конечно, реформ «разумных», т.-е. таких, которые не коснулись бы их интересов.

— Когда освободят Россию,—начинает генерал Бетрищев, потряхивая густыми эполетами.

— ...Мы построим в своих имениях дворцы с башнями,—сладко подхватывает Манилов,—на балконе помещик будет пить чай с бубликами, а внизу крестьяне будут водить хоровод и петь марсельезу.

— ...Можно будет учредить особую комиссию,—подает голос полковник Кошкарлов, но его перебивает, блистая патентованными зубами, Аристарх Федорович Балахнов:

— Мне пришла блестящая мысль... У въезда в Ханские пруды я воздвигну американскую статую Свободы или дощатую Эйфелеву башню с надписью: «Пить пей, но дело разумей!» или можно еще так: «Освобожденные крестьяне—своему барину!». Будет и трогательно и эффектно.

У этих россиян железная идеология.

«Благодарю Тебя, Боже, что ты сподобил меня преставиться не в один час с этими холопами!»—воскликнул, умирая, старый барин Головлев.

«Будет наша Россия — будет и армия, будет армия — будет и интендантство»,—глотаю слюну, шепчут белые спецы по хозяйственной части.

Боевые офицеры втайне мечтают о полках и дивизиях, фуражных, прогонных, подъемных и полевых порционных; банкиры—о концессиях, инженеры—о ломаных паровозах, купцы—о подрядах.

Старенький чиновник из бывших пенсионеров, бежавший неизвестно для чего и от чего, весь вылинявший, потертый и облезлый, смотрит на вас слезливым взором поверх водочного графина.

— А цены, цены-то... Помните?... зайдешь, бывало, сморозца... два целковых в кармане; Вандербильд, да и только... Тридцать копеек графинчик, двадцать пять буженина с картошкой, пятачек—огурец, гривенник—бутылка пива... Итого—70 копеек да человеку еще гривенник от щедрот... Вот она, жизнь-то!... Эх, Россия, наша Россия обильная—неужто все это так и сгинуло?

Каждый из них рисует себе «будущую» свою Россию именно такой, какой ему хочется ее видеть. Ему дела нет до соседа, который представляет ее себе совсем другой, быть может, совсем диаметрально противоположной, и это глубокое непонимание друг друга и пользы единения, это неумение объединиться рождает силу, разлагающую и дробящую единое тело России № 2.

Из этой же сложной и вкоренившейся в сознание масс дифференциации в вопросе о «будущей» России вытекает все назревающая и углубляющаяся в некоторых кругах потребность мести тем, кто тормозит и препятствует достижению заветных индивидуальных целей.

Ненависть, незабытые обиды, недосыгаемость намеченных идеалов и все осложняющаяся внешняя обстановка быта вызывают по адресу виновников происходящего жажду отмщения в некоторых кругах и в широких,—как всякая толпа недалеко-видных и легко подвергающихся панике,—массах. Кроме того, духовная ломка, протекающая не без болезненных осложнений, переживаемая эмиграцией на пути переоценки ценностей и самокритики, способствует накоплению чувства озлобления и мести к вождям и деятелям сегодняшней России.

Эта категория эмигрантов-мстителей довольно велика и весьма разнообразна. Под знамена мести собрались желчные ненавистники, разоренные собственники, свергнутые властелины и просто уязвленные в своих правах и привилегиях лица всех возрастов, полов, профессий и социальных положений.

Шелковая дамочка, украшенная бриллиантами, но не брезгующая и иностранной филантропией,—дамочка, путающая Меттерниха с Меттерлинком и Гарибальди с Чинизелли, но, тем не менее, слывающая в своем эмигрантском салоне женщиной исключительно авторитетной и передовой, пропагандирует везде и всюду,—в своей гостиной, в кафе, в театральном зале—погромы.

Подагрический человеконенавистник, отпрыск дореформенно-белой кости, сладостно мечтает о крепостном праве, с пеною у рта доказывает его необходимость для русского крестьянина

и сладко распускает слюни при мысли, как бы славно он порол в своей «будущей России» мужиков какой-нибудь Дрыгаловки или Дашкиной Стыдобушки, всех без исключения, утром и вечером, ежедневно «для порядка» и приговаривал бы:

«Вот тебе советская власть, вот тебе диктатура пролетариата, вот тебе, сукину сыну, всемирная революция и профсоюз в придачу...»

Контр-разведчики из гвардейских ротмистров тоскуют о недовешанных на юге коммунистах...

Юнцы из неудавшихся или недоношенные государственные деятели сюсюкают о том, что карание есть прерогатива власти и что «законная власть, придя в Россию, будет великодушна к народу, но беспощадна к изменникам»...

Другие и прочие, вплоть до мелкой обывательщины, до квартирной хозяйки, озлобленной на свою бывшую прислугу, — такие же жалкие, налитые желчью в своем эгоистическом сладострастии неудовлетворенной мстительности.

— Мы им покажем рабоче-крестьянскую власть!... Только бы нам добраться, а там—мы уже им пропишем... и т. д.

Эгоизм, злопамятность и мстительность, из этого эгоизма, истекающая, как свойства души, присущие в большей или меньшей мере каждому человеку, будучи разжигаемы неблагоприятно сложившейся обстановкой и не сдерживаемыми условиями общепринятых приличий и этики, умноженные на огромную численность индивидуумов, подверженных их действию, представляют собою уже солидную моральную силу, обуславливающую ту глухую, неразумную и негибкую оппозицию советской идее, которая проявилась в русской эмиграции с первых дней белого движения.

Но в систему стройного взаимодействия этих психологических сил, действующих в параллельных направлениях, вошла клином еще одна, нарушившая эту стройность, скрытым своим действием расшатавшая фундамент оппозиции и способствовавшая процессу распада. Эта сила — проявление уже не того естественного коллективного эгоизма, которое свойственно в той или иной мере всякому разумному существу и может быть отнесено к разряду почти инстинктивных проявлений, как, например, инстинкт самоохранения, действующий вне сферы решений разума и движимый силой, не подчиняющейся практическим умозаключениям, а исключительно вековым велениям природы, — эта сила тоже эгоизм, но эгоизм абсолютный, индивидуальный, не свойственный всем без исключения, мелкий, беспринципный, бесконечно гибкий и растяжимый, патологическая разновидность эгоизма компромиссного свойства, но не идейно-компромиссного,

а ложного, фальшивого, приспособляющегося и в то же время стыдящегося своей приспособляемости.

Этот мелкий и, благодаря своему лицемерию, неопрятный эгоизм располагает свои корни в той же почве переоценки и разочарования в белом движении.

Поскольку рухнула белая сила,—взгляды лиц, этому эгоизму подверженных, тотчас же обратились в сторону Советской России, и естественно, что в ней, а не в другом месте, начали они строить воздушные замки своего будущего.

— «Ну, что же, если не удалось свалить большевиков и устроиться с белыми, попробуем теперь укрепить этих большевиков, чтобы из них выжать возмещение за понесенные убытки и жертвы»...

Эта меркантильная, проще,—шкурная «смена вех» получила значительное распространение в широких массах отколовшейся эмиграции, разочаровавшейся и прижатой жизнью,—об этой эмигрантской категории мы уже говорили выше и отмечали весьма характерную черту ее «приспособляемости» и отталкивающего двуличия.

К перечисленным выше общечеловеческим качествам—эгоизм, мстительность и алчность,—выявившихся ярко в эмиграции и сыгравших в ней роль дробящих сил и ломающих рычагов, надо прибавить умышленно искаженное и многообразное понятие о патриотическом долге, легкомыслие, толкнувшее многих в чуждое их взглядам и убеждениям предприятие, отсутствие терпимости в отношении инакомыслящих—качества, столько необходимого для успешной коллективной работы и, наконец, столь, к сожалению, характерное для русского обывателя пристрастие к сплетням, стыдным дразгам и междуусобной грызне.

Сумма перечисленных выше качеств человеческого духа,—в данном случае эмигрантского,—выявившихся в свое время и под влиянием упомянутых причин выступивших в качестве активных сил, дала толчок и способствовала процессу дальнейшего идейного расслоения и раздробления эмигрантского мировоззрения.

Самостоятельных и полусамостоятельных группировок наметилось и определилось множество; социалистические и не-социалистические, тайно монархические и явно реакционные партии раскололись на обоюдно враждебные, активные, а главное—непримиримые группы, междуусобный бой вспыхнул на всем протяжении пресловутого эмигрантского «единого фронта».

По каким же путям направилась вырвавшаяся наружу обоюдная ненависть отдельных групп, в чем усматривают пред-

ставители одной группы невозможность слиться с соседней и, вообще, в чем обвиняют и упрекают все они друг друга?

Обвинений, упреков и поводов для вражды оказывается не мало, и все они лежат в общей плоскости заподозревания инакомыслящих в недобросовестном отношении к общей цели, обвинения их в сопротивлении достижению этой цели способом, предлагаемым другой группой, а потому каждая эмигрантская политическая группировка стремится опорочить методы и приемы борьбы, рекомендуемые инакомыслящей группой.

Причин же для обоснования непримиримости выдвинутого немного:

В первом случае каждая определившаяся политическая группировка в эмиграции склонна усматривать в деятельности соседней «инакомыслящей»,—помеху для развития активной работы в целях свержения большевиков. Лучшим способом—способов же тех теперь, после краха единого и самого верного—вооруженного—народилось ровно столько, сколько народилось эмигрантских групп—лучшим способом для успешного осуществления этой борьбы за свержение большевиков почитается, конечно, свой собственный: прочие же, предлагаемые инакомыслящими, все без исключения никуда не годны и подвергаются безжалостной критике.

Проповеднику того или иного метода действия, так еще недавно проповедывавшему единую белую религию, ныне представляется диким, как может и смеет другой рекомендовать и навязывать иной способ. Эту настойчивость оппонента он, в лучшем случае, объясняет недоумством последнего или упрямством. В этом подходе к вопросу обрисовывается вся узкость мещанского мышления такого проповедника, пренебрегающего критикой и принципом разумной терпимости, ради огульного и голословного причисления к ереси всего, что не отвечает его взглядам.

Во втором случае, каждая отколовшаяся группа, рассматривающая тактику своих инакомыслящих соседей, как тормоз общему делу, углубляя и развивая эту мысль, склонна истолковывать такой образ действия соседей уже не как недоумство, а как *сознательную и организованную измену* общему делу, совершаемую, конечно, уже в личных и корыстных целях. Постоянное высказывание без всяких оснований подозрения в корысти и подкупах, вообще, весьма распространено в эмиграции. Эта черта только способна подтвердить уже высказанное мнение о безграничном легкомыслии эмиграции, с другой же стороны—собственную ее нравственную беспочвенность, видимо, признаваемую и дающую основание заподозрывать в своих недавних

единомышленниках и соратниках способность на подобные поступки.

В третьем случае, раздробившиеся группы упрекают друг друга в несоответствии деятельности той или другой с патриотическим долгом и истинными интересами народа.

В междоусобной борьбе все средства оказались хороши, пригодился даже и патриотизм, позабытый, было, растрепанный по партийным митингам первого лета революции, возродившийся затем под белыми знаменами, чтобы дополнить и оправдать рьяность погромной нагайки казака и непогрешимую чистоту формулы «бей жидов—спасай Россию», странствовавшей потом в обозе белой армии вместе с Освагами, контр-разведчиками и прочими медикаментами от красной лихорадки до Орла и обратно и, наконец, вместе с последней белой армией бултыхнувшейся в Черное море.

Патриотическая идея, взятая в шоры, заключенная в желательной формы колодку, подобно ноге китаянки, и по мере надобности, либо возносимая на пьедестал, либо предаваемая забвению в пыли архивов, патриотическая идея,—гибкая, эластичная и бесконечно растяжимая в умелых руках,—служила неизменно и царям, и капиталу, и, наконец, отечественной реакции.

Русская эмиграция определенно правого толка, в своей политической работе освещаемого нами периода, вступила на путь широкого использования реставрированной идеи патриотизма, как нового идейного базиса для обоснования продолжения борьбы против существующей в России власти и оправдания множества связанных с этой дальнейшей борьбой реальных нелогичностей и идейных несоответствий.

Создалась в эмиграции даже специальная точка зрения на русский вопрос—патриотическая, т.-е. такая, которая не ограничивала принципиальной стороны своих воззрений и своей анти-советской деятельности рамками тезисов программ той или другой партии, и идеологию свою—целями, поставленными этими партиями перед собой, а просто объясняет свою проповедь анти-большевизма непогрешимостью ею же самой выдвинутой аксиомы: «борьба с советской властью есть патриотический долг».

Защитники этой формулы, устанавливая идею патриотизма в качестве центрального стержня их противосоветского сооружения, допустили при этом столько нелогичностей, столько легкомыслия, столько обидного расчета на незрелость эмигрантских умов, наконец, столько противоречий сказанному ранее, что самое выявление всех этих дефектов нового эмигрантского сооружения на ложно-патриотическом фундаменте расшатывает его основание и лишает его устойчивости.

Не приходится специально останавливаться на исследовании причин происхождения и деятельности явлений, относимых всецело за счет советской власти и избранных в качестве доказательств антинациональности советской политики, достаточно при рассмотрении их руководствоваться минимальной долей справедливости и беспристрастности, поинтересоваться историей развития этих причин, чтобы тяжесть обвинения в злостной антинациональности и преступном предательстве политики советской власти отпала, соединительное звено формулы «антибольшевизм есть патриотизм» выпало, и вся она превратилась бы в явную и для всех очевидную нелепицу.

Идея патриотизма, насильственно привлеченная на службу делу, по существу антинациональному и опирающемуся, главным образом, на классовый эгоизм и материальную заинтересованность, представлялась в настолько явном отвратительном виде, что вскоре вызвала в противоположном лагере нарождение нового здорового патриотизма, основной и первоочередной задачей которого явилась идейная критика изуродованных форм и фальсифицированного их содержания первого, а также доказательств истинно патриотической природы той борьбы, которую необходимо вести с активными выпадами ложно патриотической деятельности правой эмиграции.

Отсюда родился «национал-большевизм».

Не останавливаясь специально на двух противоположных природах патриотизма, наблюдаемых в эмиграции, — Бурцевской и Устряловской, — укажем лишь, что в качестве определения характера первого из них, как нельзя лучше подходят слова Смайльса:

«Многое из того, что в наше время носит громкое название патриотизма, — не что иное, как просто ханжество и узость мысли; патриотизм этот проявляется на национальных предрассудках, фантазиях и национальной ненависти. Он высказывается не делами, а хвастовством, криками и жестами и т. д.»

Язва подобного патриотизма, быть может, принадлежит к числу величайших бед, которые от времени до времени поражают какую-нибудь страну.

Но так или иначе, но наличность двух противоположных понятий о патриотизме еще более заостряет невозможность создания единой эмигрантской идеологии.

В то время как одна часть эмиграции, исповедующая старую ложную веру Бурцева, опирающуюся на безусловное признание большевиков единственными и злонамеренными виновниками болезненных заострений углов русского вопроса, другая, более прогрессивная и проявляющая меньше политической нетерпи-

мости, разобралась в идеях и событиях и,—правда, осторожно и с оглядкой,—стала примыкать к новому патриотизму национал-большевиков, проповедываемому «сменовеховцами». Таким образом определился в самое последнее время ещё один раскол и на этот раз наиболее яркий и окончательный; берега расходились навсегда, ибо один усматривал благо родины в свержении большевиков во что бы то ни стало, тогда как другой усматривал его в признании и поддержании тех же большевиков.

Линия поведения советских делегаций в Генуе и Гааге только укрепила точку зрения национал-большевиков, подтвердив правильность возлагавшихся ими надежд и упований, и в то же время расшатала фундамент белого патриотизма, с такой уверенностью говорившего о неминуемом повторении Бреста в Генуе, о новых унижениях, которых будет стоить России по вине большевиков генуэзское соглашение, и о том национальном закабалении к иностранцам, в которое предполагали ввергнуть Россию эти большевики через Геную.

Что же касается до «интересов русского народа», то т. к. каждая из эмигрантских групп признает себя единственной, выражающей своей тактикой действительную волю этого народа, и говорит от его имени, то естественно, что всякое течение, оппозиционное их тактикам, они признают «не соответствующим интересам русского народа»...

Эта легкомысленная и до глупости самоуверенная точка зрения способна лишь подтвердить несерьезность отношения эмигрантских политиков к столь существенным вопросам и непонимание ими современной обстановки, духа и воли народа, его потребностей и его взглядов на пережитый уже и ныне переживаемый период революции.

Четвертый случай—все враждующие между собой эмигрантские группировки подозревают друг друга в стремлении во что бы то ни стало захватить власть раньше других и использовать этот захват в интересах собственной партии, класса или даже просто группы руководящих лиц.

Мало того, предположения, подобные высказываемым в данном случае, роняют прежде всего в глазах общественного мнения самих заподозривающих, так как выявляют с полной определенностью характер этой «борьбы за Россию», ведущейся, повидимому, ими самими и их оппонентами совсем не «за Россию», а за господство личное, узко-партийное или классовое; мало этого, всеобщая подозрительность в этом направлении абсолютно исключает всякую возможность соглашения оппонентов и спайки пресловутого «единого белого фронта», ибо, раз люди готовы подозревать—они не уважают, если же не уважают, то не окажут

даже временного доверия, если же не будет хотя бы временного доверия между белыми группировками,—хотя бы, чисто формального, впредь до достижения первого этапа их плана—свержения большевиков,—разве можно ожидать единодушия, единства действия и обоюдной поддержки, столь необходимой во всякой борьбе?!

Конечно, нет!..

Наконец, пятый случай—все без исключения враждующие группировки упрекают друг друга в том, что, не соглашаясь с доводами и тактикой, им рекомендуемой, они способствуют охлаждению дружеских отношений Антанты к русской эмиграции вообще.

С этим нельзя не согласиться, но к этому можно добавить многое.

Вся эта междуусобица, такая некрасивая, неуместная, недостойная культурного слоя нации, весь этот разброд, такой явный, бесстыдный и такой антипатриотический по существу, не только способен охладить симпатии Европы к эмиграции, но совершенно определенно и неудержимо роняет престиж последней в глазах этой Европы.

Какое уважение, какое доверие может питать старая, хитрая, умудренная опытом Европа к этой эмиграции, когда одно крыло ее устами Бурцева ежедневно критикует, кричит про Милюкова, что он—предатель и, вероятно, подкупленный, тогда как другое, устами Милюкова, кричит по адресу Бурцева, что он—выживший из ума фанатик, работающий на французские деньги. Какое уважение и доверие может питать Европа к эмигрантской массе, в недрах которой происходит непрерывное желчное брожение непонимания и ненависти, где по примеру крупных вождей дерутся и ругаются мелкие калифы на час, а по их примеру и совсем уже микроскопические ячейки бело-черного человеко-ненавистничества спешат вонзить свое ядовитое жало в бок ближайшего соседа.

Естественно, что этот разброд роняет бесповоротно престиж эмиграции в глазах Европы и тем самым пресекает всякую возможность возобновления дальнейшей борьбы этой эмиграции с Советской Россией, о чем первая еще мечтает...

Естественно также, что этот разброд, эта грызня, эта непрерывная свара, разрушает и самое эмиграцию, расшатывает ее единые устои, расстрачивает ее силу, подрывает ее доверие к вождям и толкает ее на путь искания новых идеалов.

Наконец, естественно, что этот разброд, разрушая и разъеда эмиграцию, укрепляет невольно, как в глазах Европы и в самой эмиграции, идею советвластия, ибо эмигрантскому разброду,

с вытекающим отсюда неуспехом, противопоставляется единство воли и энергии, даровавшее столько успехов России под властью советов.

И вот на эту почву, разрыхленную стихийным эмигрантским разбродом, падает семя отрезвления во имя будущей жизни труда и блага России.

11.

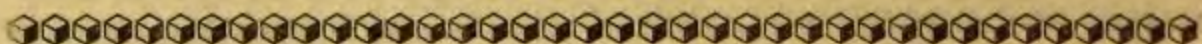
ПРОБЛЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ.

Подчинение принципиальной, идеологической стороны индивидуального и коллективного мышления внешним условиям обстановки—явление, наблюдающееся весьма часто. Преобладание суммы мелких реальных факторов, располагающих, однако, глубокими и цепкими корнями в толще бытовых наслоений, над единичной или массовой волей, на пути к достижению общего идеала, наблюдается постоянно, являясь причиной тех неуспехов и неудач на жизненном пути, о которых так часто и много говорится. Такого рода неуспех или неудача заключаются в том, что условия внешней обстановки складываются неожиданно настолько не благоприятно, что ухудшают и делают невыносимым существование субъекта, против того, каким оно было до этого, а именно тем, что эти реальные факторы, заключая в известные рамки круг достижимых в настоящее время для этого субъекта возможностей, ограничивают устремление его пожеланий за пределы этих рамок, к созданным самолично или заимствованным со стороны идеалам. Таким образом реальные условия данной обстановки являются господствующими над осуществлением умственных потребностей и устремлений субъекта или группы субъектов.

Эти условия обстановки, сковывающие активность идейной стороны мышления человека и являющиеся причиной так называемых неудач и неуспехов в жизни, вообще или,—узко,—в том или другом задуманном деле, эти условия чрезвычайно разнообразны, как по своей природе, так и по характеру своей деятельности, по степени интенсивности своей сопротивляющейся энергии, по роду этого сопротивления, его происхождения и длительности его действия.

Возьмем для наглядности пример:

Человек, испытывающий желание и располагающий доброй волей сделать прекрасное дело—оказать материальную поддержку бедным жителям своего города, наталкивается сразу на ряд реальных препятствий.

Первое: при всей его готовности совершить это доброе дело—у него не оказывается для этого средств. Эта реальная причина, в данном случае, вступает в действие немедленно же, берет свое начало из источников чисто бытовых и обладает большой и весьма длительной силой сопротивления, ибо недостаточно человеку обладать совокупностью самых лучших качеств, чтобы эти качества смогли открыть для него карманы других и тем дать ему возможность и средства осуществить его прекрасные идеи.

Но допустим, что наш филантроп победил это препятствие и достал необходимую сумму для выполнения своего плана. Тогда на место первого реального фактора сопротивления, прекратившего свое действие, выступает целый ряд новых, весьма разнообразных.

Городских бедняков оказывается так много, что, разделив между ними ассигнованную, даже крупную, сумму, невозможно сколько-нибудь их обеспечить. Прекрасная мысль немедленно разбивается о реальное препятствие. Условия обстановки данного случая, сводящие на-нет задуманный план,—уже сумевший победить первое препятствие,—правда, обладают меньшей силой и длительностью сопротивления, чем в первый раз,—так как выход из положения теперь все же имеется: можно раздать ассигнованную сумму хотя бы по грошу на бедняка и тем (в смысле моральном) осуществить задуманное доброе дело,—но человек, ищущий в выполнении филантропического плана не только нравственного удовлетворения для себя лично, но одновременно и разумного извлечения из него возможно большей реальной пользы для благодетельствуемых, этим не ограничится.

Он постарается победить и эти реальные препятствия хотя бы путем обхода, а именно, он потребует выделить из общего числа городских бедняков наиболее нетрудоспособных и нуждающихся и между ними только разделит свои деньги.

Тотчас же на его пути встает ряд новых препятствий... Как легко ошибиться в степени нуждаемости того или другого? Как легко быть вовлеченным в обман? Как легко впасть в ошибку, приняв лентяя за безработного или притворщика за нетрудоспособного?

Это уже ряд реальных препятствий идейному начинанию, не обладающих, правда, большим напряжением и не создающих тупика, но способных замести верный путь или сбить с него настойчивого филантропа. Каждое из этих препятствий можно обойти и тем исключить его силу из общей суммы противодействия, но где гарантия, что новое решение не будет ошибочным и не повлечет за собою рождение новых реальных препятствий?

Как легко человеку, слишком самоуверенному и убежденному в своем искусстве, безошибочно отличать ложь от истины,— впасть в данном случае в роковую ошибку, отдать деньги не больному и безработному, а притворщику и лентяю и тем самым свести на-нет всю моральную ценность своей затеи, уже победившей столько препятствий?

Трудно ли человеку легкомысленному ошибиться в выборе?

Как легко человеку, одержимому крайней подозрительностью, совершить ту же ошибку, подходя к делу с противоположной стороны, т.-е., подозревая в каждом настоящем больном притворщика и в каждом безработном—лентяя.

Как просто, наконец, человеку либо нетерпеливому, либо горячему, либо увлекающемуся и быстро остывающему потерять терпение перед этим безвыходным лабиринтом реальных препятствий осуществлению его идеи, махнуть рукой на все, бросить все это дело, тем более, что даже вслед за благоприятным разрешением этой части задачи следует бесконечный ряд новых барьеров, способных все предыдущие успехи свести на-нет. В самом деле, даже в случае правильного отбора наиболее нуждающихся бедняков, в нашем примере, для филантропа нет гарантий, что оказанная им помощь действительно пойдет впрок, что, например, подлинный бедняк не будет обкраден в тот же день своим соседом, который проиграет в карты пожертвованные деньги, что, наконец, сам бедняк не потеряет кошелька или на радостях легкомысленно не истратит все сразу до последней копейки.

Нет также гарантий, что помощь, оказанная подлинному безработному, не подаст ему мысли отказаться и в будущем от поисков работы, рассчитывая на благотворителей... Нет, наконец, гарантий, что помощь, оказанная семье бедняка, будет достаточной для того, чтобы вывести ее из болота нищеты, и не явится тем временным облегчением, после которого прежняя жизнь покажется еще более невыносимой и имя благотворителя, усугубившего страдания, не будет ею произноситься с проклятием...

Мы привели этот случайный пример, подобных которому в окружающей нас жизни множество, чтобы наглядно подтвердить слабость всякой, даже самой лучшей и горячо защищаемой идейной активности перед пассивной силой нагромождений бесчисленных и разнообразных реальных факторов быта и обстановки, держащих под своим исключительным влиянием человеческую психику, человеческую волю, человеческое сознание...

В нашем примере выдвинут один человек, борющийся с препятствиями ради своей идеи; если же за идею борется не один человек, а группа лиц, и препятствия эти преодолевает не инди-

видуальная воля и разум, а коллективные,—то ошибки, а за ними разочарования еще вероятнее и еще ближе.

Впрочем, в последнем случае, конечно, многое зависит от индивидуальных качеств лиц, составляющих эти идейные коллективы, а также и от характера идей, за которые происходит борьба, от степени искренности и чистоты побуждений, толкнувших их в эту борьбу.

Путь размышлений и выводов, выбранный нами, быть может, назовут путем пессимистическим, но кто будет спорить против истины, что в жизни всегда благоразумнее и практичнее быть умеренным пессимистом, чем оптимистом?..

Обращаясь к идеологической стороне белого движения и рассматривая конечную цель последнего,—свержение советов,—провозглашенную и принятую эмиграцией, как какую-то идеальную вершину, осиянную светом свободы и справедливости,—вершину, которую если и не все видели, то каждый воображал и представлял по-своему, и к которой стремятся все без различия белые дороги,—не будем останавливаться на освещении силы и характера тех разнообразных влияний внешних условий и обстановки, в сфере действия которых протекала военная и политическая борьба за антисоветский идеал и которые самым фактом своего появления, а затем—сопротивления, изменили существенно русло этой борьбы, раздробили его, обмелили и, наконец, вовсе свели на-нет. Будущий историк, рассмотрев на расстоянии десятилетий хронологию событий на бело-красном театре и спектр оттенков политических группировок на берегу русской реакции, беспристрастно установит, насколько дальновидны были вожди белого движения, избирая идеологическим достижением его—свержение сов. власти *во что бы то ни стало*, насколько при этом сообразовались они с наблюдавшимися в то время особенностями обстановки, насколько обуздывали они разумом свой неумеренный оптимизм и насколько повинны они в том, что принципиальный политический курс, объявленный ими в качестве ведущего к этой «осиянной светом свободы и справедливости» вершине, не в силах оказался превозмочь имевшихся налицо реальных препятствий и привел совсем не туда, куда надеялись...

Нас интересует роль, которую сыграла эта неизбежная коллизия, как и в приведенном примере, более слабой идеи с более сильной обстановкой, и ее результаты. Нас интересует также мирозерцание эмигрантских масс, преодолевших на предугазанном им пути ряд моральных и физических препятствий и дошедших до рокового рубежа, перед которым приходится решить коротко и ясно: продолжать ли бороться с умножающимися препятствиями, не видя уже впереди себя все удаляю-

щейся цели, или найти мужество и здравый смысл признать свои ошибки и искать нового пути, более соответствующего настоящим условиям.

Выше, говоря о характере причин, способствовавших зарождению эмиграции и присоединению ее к активному белому движению, мы указывали на допустимость предположения относительно присутствия в качестве одного из двигателей эмигрантского мировоззрения на пути к противосоветскому идеалу элемента романтизма...

Мы говорили, что антибольшевики, уходя от советов к генералам и поддерживая белое движение, в известной своей части, руководствовались по-своему понимаемым «благом родины»; желанием «спасти» Россию, «освободить от гнета красной диктатуры»...

Согласимся считать, что интеллигентные массы, уходя от советов к генералам, руководились, в пределах своего разумения, той же прекрасной идеей, какой руководился упомянутый в примере филантроп, решивший облагодетельствовать своих сограждан. Они—эмигранты—тоже мечтали, быть может, облагодетельствовать своих соотечественников—русский народ—«спасая» его от советской власти. И на своем пути им пришлось иметь дело с таким же множеством разнообразных реальных препятствий, как и одиночному упомянутому филантропу...

Однако, помимо того, что препятствия эти были другого свойства, разница положений заключалась еще в том, что эмигрантская масса включает в свой состав до 2 миллионов разнообразно мыслящих, настроенных и приспособленных к выполнению задачи индивидуумов, что в значительной степени ослабляет ее идейное единство и, напротив, умножает количество вероятных реальных факторов сопротивления.

Антисоветская идея, на пути к своему реальному осуществлению подчиняясь и приспособляясь к существующей обстановке, продолжала существовать и действовать до тех пор, пока она оставалась идеей, сохраняющей свою жизнеспособность вследствие наличия для всех очевидной, достижимой цели, вследствие сознания всеми правильности приемов, применяемых в борьбе, затем полезности достижения намеченной цели и, наконец,—внутренней идейной спайки, общности взглядов на основной предмет и готовности наравне нести нравственные и физические жертвы.

Однако, все эти факторы, обуславливающие отличие ценной и жизнеспособной идеологии от никому ненужной и мертвой утопии, постепенно сошли на-нет под влиянием действенной силы факторов неблагоприятной обстановки и, в результате

этого процесса, антисоветская идея, как таковая, потеряла смысл своего существования, потеряла определенные формы, ярко выявленную и желанную для всех цель, превратилась в утопическое нагромождение отживших понятий, в рассадник реакционного доктринерства, в арену борьбы мелких индивидуальных самолюбований и тщеславий.

Началось то бестолковое метание из стороны в сторону, то внутреннее брожение, то устремление на путь разочарований и озлобления друг против друга и против вождей, которое проявляется, например, так ярко во всякой армии, потерпевшей поражение и убедившейся в бесполезности принятого сражения или в предательстве своих начальников.

Яркость конечной цели противосоветской борьбы потускнела и вовсе угасла одновременно с потерей массами уверенности в том, что *достижение этой цели действительно даст желаемые результаты в чисто бытовом смысле* и что действительно стоило приносить жертвы и прилагать усилия, как это было сделано, для достижения этой цели.

Когда же закончился период военного коммунизма, дав место периоду внешних уступок в области экономической, открывших путь проявлению личной предпринимательской инициативы, огромное большинство внешних же поводов для непримиримости отпало, быт под властью советов стал наглядно улучшаться и для некоторых слоев обещал уже большее благополучие, нежели быт в эмиграции, естественно, что для этих слоев,—стоящих ближе к реальной действительности, чем к политиканству, оценивающих эту действительность не столько по содержанию, сколько по форме и, с каждым днем все расширяющихся,—борьба за белый идеал вскоре вовсе потеряла свой смысл. Стало выясняться, что тех же результатов в смысле индивидуального благополучия каждого рядового эмигранта,—его безопасности, применяемости его труда и улучшения условий жизни, можно теперь достигнуть и в Советской России...

Из этого второго столкновения с неудачно сложившимися для нее внешними условиями обстановки антисоветская идея, искусственно привитая политически индифферентным слоям эмиграции, вышла весьма значительно потрепанной и расшатанной.

Вследствие же развития, под влиянием описанных причин, в недрах широкой эмиграции процесса расслоения и разброда, для принятия и разрешения «проблемы примирения и возвращения» создалась почва весьма благоприятная. Однако, и проблема эта, как фактор идейного порядка, не замедлила, в свою очередь, подчиняясь упомянутому закону, войти в сферу и под-

чиниться действию своеобразных внешних условий обстановки, в которых ей надлежало действовать и быть разрешенной.

Почву для принятия и разрешения этой проблемы отчасти удобрила и международная обстановка, благоприятно изменившаяся как раз к этому времени.

По мере того, как расширялось русло международных переговоров по поводу предстоящей общей конференции с участием России, чем активнее делались реальные приготовления к ней и чем очевиднее приближался неоднократно откладываемый срок начала конференции, тем сильнее разрасталось волнение в широких эмигрантских кругах, тем повышалась степень тревоги и тем рельефнее выявлялась сознаваемость самой эмиграцией грядущей роли этой первой конференции с участием России, как сдвига на какую-то новую историческую дорогу и понудительной силы, толкающей неумолимо и неизбежно к новым мыслям и практическим мерам.

На исходе крестного пути русской эмиграции Генуя встала как великая задача, предложенная историей двухмиллионной массе выходцев из родной земли, как первый реальный символ возможности и неизбежности примирения Европы с Советской Россией, как роковой день суда, на котором предстоит дать ответы на все решительно вопросы, проверить все накопленное и содеянное за эти годы, наконец, как межа, завершающая период воинственного эмигрантского мышления, оставляющая открытым выход только в новую эру, к новым идеям, новым решениям и новым политическим религиям.

Генуя представлялась, кроме того, перед эмиграцией в качестве той зловещей трещины, которая указала с полной определенностью, что в самой сердцевине многовекового ствола мирозерцания старой консервативной Европы определился какой-то показательный внутренний надлом.

Интересно рассмотреть, как отнеслись различные слои русской эмиграции к проекту созыва международной конференции с участием России, т.-е. к первому реальному симптому возможности предстоящего признания Европой советов законным правительством России, со всеми из этого вытекающими последствиями.

Следует напомнить, что после неудачной попытки конференции на Принцевых островах,—где, впрочем, и не предполагалось возбуждать вопрос о признании советов,—никаких реальных шагов в этом направлении ни с той, ни с другой стороны не наблюдалось. Говорили, правда, глухо, в гуще эмиграции на эту тему, но побудителями к таким разговорам были отнюдь не какие-нибудь новые факторы международной политики, а тоскливая,

тревожащая своей невыясненностью и справедливая уверенность эмигрантов, что *теперь* (после крушения последней белой армии) «что-нибудь да случится» и что «не может же такое состояние не мира и не войны длиться вечно»...

Канны с их резолюцией явились первым ударом грома. Но вскоре последовал и второй: эмигрантские газеты сообщили новость, будто бы «итальянский мин. ин. дел. Сканцер, в связи с выбором Генуи местом для предстоящей конференции, предложил Ллойд-Джорджу признать советы *de jure* еще до начала конференции и что будто бы последний нашел выполнение такого плана преждевременным».

Затем последовал третий удар: сов. правительство приняло предложение... Сомнений уже не могло быть!... Конференция неминуемо должна была состояться, и теперь гадать можно было уже только о том, «что из нее выйдет?»

Тогда-то и определились точки зрения на этот вопрос различных слоев эмиграции.

Вполне естественно, что разрешение вопроса об общей конференции в положительном смысле встретило в кругах влиятельной и состоятельной эмиграции единодушное негодование, злобную насмешку, досаду и неимеющую под собой никаких реальных оснований уверенность, что «все равно ничего из этого (т.-е. из конференции) не выйдет!»

Эта курьезная уверенность была тем более необоснована и вследствие этого несерьезна, что, как политическая конъюнктура тех дней, так и множество внешних признаков, уже издавна, говорили за то, что все-таки и в конце концов «что-нибудь да выйдет», и рядовая эмиграция это чувствовала лучше своих верхов. Объяснение же этой уверенности приходится искать в своеобразном, малодушном и весьма распространенном психологическом приеме внушения самому себе уверенности в том, что очень хотелось бы видеть в действительности совершающимся.

Совершенно обратное явление наблюдалось в широких кругах эмиграции, далекой от влиятельных сфер и различно отнесшейся к трактуемому политическому моменту, но проявившей значительно больше здравого смысла, политического чутья и справедливости в оценке вопроса о вероятном исходе переговоров между Россией и Европой. В противоположность влиятельным и состоятельным кругам, широкие массы эмиграции в огромном и подавляющем большинстве сразу увидели в факте осуществления упомянутых переговоров событие огромной важности, заслуживающее вдумчивого и серьезного отношения. Они тоже преисполнились чувства неудовольствия и досады, но их досада была вполне обоснованной, ибо она опиралась на

несокрушимую никакой противоположной агитацией уверенность, что настал тот час, неизбежность которого они предчувствовали и что (к сожалению их! к ужасу! к досаде!) из этой ли, из последующих ли конференций, но в конечном результате «что-то выйдет», т.-е. выйдет то, чего все они так боятся—признание советов.

Естественно, что эта широкая эмиграция, принявшая мысль о несомненном и неизбежном торжестве Советской России в ее тяжбе с Европой в результате долгого и мучительного процесса, не проявила, однако, явных колебаний маятника своей симпатии в сторону сов. власти. Она только шумнее и больше заговорила о России, она заволновалась, она начала строить планы о том, как отразится признание советов Европой на русском вопросе и, конечно, прежде всего на бытовой его стороне, она начала высказывать предположения на будущее, но ни одним, или почти ни одним словом не обмолвилась о возможности, своевременности и желательности ликвидации своего эмигрантского положения и возвращения на родину. Все это она чувствовала, понимала и с этим примирилась, но вся система этих логических умозаключений, выношенная годами, с ее выводами и результатами, не могла сломать наружной коры эмигрантской обывательщины, эгоистичности и «шкурничества», под который она была и есть заключена.

Антибольшевистская платформа большинства из них не поколебалась. Для колебания таковой нужно было не какое-то неосязаемое признание советов, а вполне осязаемые последствия этого признания, способные вернуть жизнь в России к приемлемым для этой эмиграции бытовым условиям, и широкая эмиграция, хотя и потревоженная, осталась на своей внешне-непримиримой платформе в выжидательной позиции.

Ожидала она факторов, могущих повлиять на решение вопроса, «как быть дальше?» не из Генуи, а из самой России; к Генуе же она отнеслась, как относится больной к горькому лекарству, о необходимости которое принять он знал уже давно и только старался об этой неприятности не думать и по возможности ее оттянуть.

Поворот международной политики в сторону примирительную в отношении Советской России безусловно способствовал развитию процесса разрушения цельности антибольшевистской идеологии и потери ею смысла для большинства рядовой эмиграции. Во весь рост именно в это время встали перед ней роковые вопросы: «как же быть теперь? что делать дальше?»

Успех Советской России в деле установления нормальных мирных сношений с остальным миром, разрушение искусственно

созданных кордонов и раскрытие закупоренных границ не мог быть принят эмиграцией, даже не политиканствующей, даже разочаровавшейся в белом движении, иначе как с испугом.

Большая часть этой последней,—необеспеченная,—не может не пугаться перспективы вступления Сов. России в семью европейских держав на равных с прочими правах уже потому, что этот акт означал бы, неизбежно, ускорение прогрессивного ухудшения ее бытового положения, вплоть до моральной, а затем и физической смерти эмиграции, как таковой.

Степень же материальной зависимости того или иного представителя эмиграции от годами установившегося быта эмигрантских масс, отвоєванных ими прав и просто экономических возможностей, а также от характера прошлых взаимоотношений между тем или иным эмигрантом и советской властью в первые месяцы или годы ее существования, создает расслоение точек зрения на проблему примирения и возвращения, причем, однако, все новые и разнообразные эти точки зрения продолжают оставаться в одной общей для всех плоскости, несомненной трагической для большинства уверенности в окончательном признании советов законной властью в России.

Уверенность эта, пропитывающая широкие эмигрантские слои, между прочим очень характерна для их настроений и взглядов. Несомненно, что эта уверенность в большей мере покоится не на признании ими за советами выдержанного экзамена на право вступления в семью держав, а на презрительном и предубежденном отношении к этим державам, как к субъектам, готовым пойти на что угодно, отречься от своих недавних убеждений, обласкать своего вчерашнего врага, если все это только сулит им лично материальные и дипломатические выгоды. Но в то же время эта уверенность, даже опирающаяся на столь нелестное для иностранцев основание, показывает, что широкая эмиграция смотрит на белое дело, как на мертвое дело, не верит в его способность и силы изменить что-нибудь, а просто исключает его, как ничтожную величину, из своих расчетов.

Почва эта, такая на первый взгляд благопристойная, для разрешения проблемы возвращения, создавалась, повидимому, постепенно, в зависимости от тех внешних условий, которые влияли на эмиграцию в течение многих месяцев, и той обстановки, в которой протекала проповедь непримиримого антисоветизма руководящих верхов.

Всемерная агитация против советской власти и уверения в неизбежности ее крушения, как следствия нового крестового похода под белым знаменем, которую усиленно вели эти верхи через специальную литературу и эмигрантскую печать правого толка,

оказалось недостаточным средством. Эта пропаганда, быть может,— в чем, впрочем, мы сомневаемся,—умножила количество пассивных ненавистников советской власти и заострила эту ненависть и непримиримость в тех, которые начали было успокаиваться, но что она не возбудила ни в ком охоты примкнуть к лагерю активных борцов против новой России и что она не привлекла новых крестоносцев под знамя белого пророка—это несомненно. Слишком мало эластичными, нежизненными и неорошенными животворящей росой прогрессивности и новизны представлялись теперь белые идеи и лозунги, слишком много разочарований выяснилось теперь в прошлом, чтобы верить очарованиям будущего, и, наконец, слишком грубыми и неумелыми руками готовилась эта мало ядовитая и неаппетитная смесь, чтобы кого-нибудь убедить и обратить в свою веру.

И поскольку на создавшейся, благоприятной для развития новой идеи почве ослабевала действительная работа пропаганды антисоветизма, постольку, завоевывая пядь за пядью моральный плацдарм широкой эмиграции, развивалась и крепла новая, рожденная здравым смыслом и современной обстановкой идея примирения и возвращения.

Появление в эмиграции группы «Смена вех» с ее программой и самостоятельной идеологией нельзя также считать моментом, в который приступлено было впервые к попытке обсуждения и разрешения проблемы примирения и возвращения. «Смена вех» есть только материальный осязаемый результат весьма длительного и многообразного в своих проявлениях процесса, но в теории «Смены вех» мы находим признаки всех составных элементов новых настроений и устанавливающихся постепенно взглядов на вещи широких слоев эмиграции, захваченных бурным процессом переоценки и эволюции.

Процесс этот, развивающийся хотя и на благоприятной почве, протекает, вследствие многих причин, весьма медленно, быть может, так же медленно, как протекает в России процесс вмещения в повседневные берега взволнованного революционного моря. Как в том, так и в другом случае—налицо общая причина: революционная буря имеет свою историю, знает сумму разнородных сил, ее породившую, и цепь событий, явлений, идей и принципов, которые для полного успокоения должны быть переплавлены и переформированы на медленном и спокойном пламени времени; точно так же и эмигрантское движение имеет свою историю, знает природу и сущность факторов, ее породивших, и видит перед собой огромное количество острых вопросов, мучительных дилемм, болезненных коллизий, которые переработать способно только время.

Процесс этот—сложная идейная ломка, происходящая внутри белого лагеря—интересен для нас в степени его развития в различных эмигрантских кругах.

«Как вообще принимается идея примирения эмиграции с советской властью?»

«Какие слои эмиграции более поддаются отрезвлению и охотнее готовы разрешить проблему возвращения?»

«Какие причины ускоряют или тормозят процесс получения реальных результатов в примирительной идеологии?»

«В какой степени влияют на интенсивность развития процесса внутренние трения, возникающие между инакомыслящими эмигрантскими группировками?»

«Как отражается на ходе рассматриваемого процесса эволюционирование советской власти в области международной политики, экономической и т. д.?»

«Каковы вероятные перспективы в деле разрешения русской эмиграцией проблемы возвращения?»

Ответ на все эти вопросы может дать лишь исследование внешних условий, обстановки, в которой протекает развитие и осуществление идеи примирения.

Эта идея, возведенная впервые, главным образом, через рупор парижского журнала «Смена вех» в период времени, предшествовавший Генуэзской конференции, не могла не вызвать в массах, как было выше сказано, хотя бы внешней тревоги и даже испуга, но в то же время не могла не найти себе последователей, так как почва—повторяем—для ее приятия была давно подготовлена. Все дело заключалось только в том, кто будут эти последователи, в каких слоях эмиграции их окажется больше и как далеко и через какие препятствия пойдут они на пути разрешения трактуемой проблемы. Но надо констатировать, что эмиграция, в общем, приняла идею примирения и возвращения чрезвычайно живо, частью с преувеличенным внешним негодованием, частью же с преувеличенным тоже внешним испугом. Эта преувеличенность испуга и негодования должна быть рассмотрена, как доказательство давно живших в ее сознании опасений возможности зарождения подобного течения и постоянно существовавшей в глубинах несознания тревоги по поводу,—хотя и тайно, но правильно,—эмиграцией оцениваемой притягательной силой вновь выдвинутых идеалов.

Что касается второго из перечисленных вопросов, а именно: «какие силы более поддаются отрезвлению и охотнее готовы разделить трактуемую проблему?»—то, отвечая на него, мы вплотную подходим к оценке условий обстановки, в которой протекает настоящий процесс.

Обстановка эта, в общем, далеко не благоприятна, и одной из главных составных причин этой неблагоприятности следует признать так называемую «эмигрантщину», т.-е. ту затхлую, консервативную до крайности, ленивую, пропитанную мещанскими предрассудками, мелкими страхами перед «общественным мнением», человеконенавистничеством, эгоизмом атмосферу, которую не замедлила распространить вокруг себя и в которой продолжает по сей день пребывать многочисленная русская эмиграция.

Выше мы уже однажды высказались об эмигрантском обществе, как об обществе глубоко мещанском, безнадежно запутавшемся в им же самим сотканной липкой паутине обывательщины, пораженном параличем творческой воли и боящемся новых мыслей и дел, идущих вразрез привычной старине, точно так же, как боялась их в свое время наша заспанная, засиженная мухами и до-нельзя измельчавшая глухая провинция. В этом смысле мы и сравнивали эмиграцию с русским дореволюционным уездом.

Скученность эмиграции, жестокая борьба за существование, которую она принуждена вести, безработица, ряд экономических кризисов, несправедливая и пристрастная работа эмигрантских благотворительных учреждений, отсутствие понимания необходимости внутренней обоюдной поддержки, озлобление друг против друга за недавнее прошлое активной белой борьбы, наконец, длительность пребывания в невыносимом состоянии постоянных и бесплодных надежд на какое-то избавление, все это вместе взятое создало весьма тяжелую моральную атмосферу для эмигрантского общества, в ней задышающегося, но не имеющего сил выбраться.

Первым детищем-ублюдком, родившимся в этом закупоренном вместилище миллионов раздавленных волей и поработанных умов, явился эмигрантский «хороший тон» — моральный критерий, ограничивающий свободу мышления и волеизъявления каждого отдельного члена общества, разграничивающий «приличное» от «неприличного» и «нравственное» от «безнравственного». Конечно, понятия о «приличном» и «неприличном», «нравственном» и «безнравственном» и т. д. так же искажены и уродливы, как и все моральные нормы, устанавливаемые этим «хорошим тоном»...

Приличным, например, считается перейти из правых кадетов в монархисты, но совершенно неприлично, покинув эс-эров, перейти к большевикам. Прилично, например, также возмущаться отсутствием в Советской России свободы печати, но совершенно неприлично констатировать, что в эмигрантском обществе этой свободы тоже нет.

Нравственным признается, например, существовать и вести политическую работу на деньги бывшей императрицы или какого-нибудь великого князя, но совершенно безнравственно бороться за свои убеждения на средства, имеющие какое-нибудь отношение к советскому правительству.

Ничего нет, по их мнению, некрасивого, если обозвать весь русский народ огулом дураками, хамами и рабами за то, что он терпит большевиков, но совершенно недопустимо высказаться по адресу эмиграции, как об идиотах, паралитиках и колпаках, на том основании, что она терпит на своей спине купцов и генералов.

И т. д. и т. д....

Создаются таким образом какие-то нравственные,—вернее, безнравственные,—нормы, в рамках которых плотно запрятаны эмигрантский дух и сознание.

Нарушение этих норм, совершение проступков квалифицируемых, как «неприличные» и «безнравственные» и т. д., влечет за собою немедленное исключение из эмигрантского общества, ряд моральных и физических репрессий, всеобщее презрение, устное и печатное поношение и, наконец, ... полицейский нажим (ибо эмиграция со связями не брезгует пользоваться последними в целях навлечения административных громов на головы своих антагонистов). Конечно, центральная ось всей этой системы эмигрантского «хорошего тона»—большевизм!

Обнаружить свои симпатии или просто отсутствие ненависти к советской власти—это конец!

Не поверить очередной выдумке против большевиков—позор, усумниться в их завтрашнем крушении—предательство, сказать, что и в России живет недурно—измена, заметить, например, что «радостная весть» о кончине Ленина—преждевременна—возмутительный либерализм, от которого пахнет червонцами. Ах, эти червонцы, эти большевистские червонцы, не дающие спать эмиграции и белой прессе, сколько легенд сложено о них, сколько сказок о них рассказано...

Это—какой-то массовый психоз, в котором очень много членовоненавистничества, затронутого болезненного эгоизма, ежеминутной тревоги о себе самом, а, может быть,—у некоторых—немного и тайной зависти—«а ну, как это правда?.. он сумел получить, а я прозевал!»

Но об этом—между прочим...

Вторым детищем-ублюдком, рожденным в духоте эмигрантщины, следует признать глубочайший консерватизм беженских масс, боязнь чего бы то ни было нового, какого бы то ни было движения вообще, будь то даже движение не в сторону полити-

ческого прогресса, а совсем наоборот. Этот ублюдок имеет много черт, общих с его старшим братом—«хорошим тоном»: оба знаменуют порабощение духа и личности.

Наконец, третье чад и, несомненно, наиболее злокачественное—это катастрофическое падение нравственного уровня, ярко выраженная порча общественного характера, массовое ослабление или полная атрофия задерживающих и контролирующих центров сознания.

Понижение нравственного уровня эмиграции наблюдается на каждом шагу: люди перестают без всяких оснований верить в доброжелательство и благородство друг друга, готовы подозревать во всех и каждом предателей, изменников, насильников, провокаторов и шпионов, только для того и существующих, чтобы предавать, провоцировать и всячески губить своих ближайших соседей. Раз такая огульная подозрительность нашла почву для беспримерного развития, это само по себе служит доказательством того, что подозревающие сами способны,—быть может этого и не чувствуя,—совершить то, в чем они подозревают других.

Не веря в благородство, прямоту, энергию, честность и нравственность окружающих, подчиняясь рабски велениям «хорошего тона», не смея выйти из черты заколдованного круга эмигрантского консерватизма, каждый эмигрант этим самым подтверждает мысль об ослаблении и порче его,—а, следовательно, в массе и общественного,—характера.

Смайльс определяет характер его проявлениями в «образе действий, внушаемом и направляемом принципами, честностью и практической мудростью.

«В своем высшем проявлении это есть не что иное, как личная воля, энергически действующая под влиянием нравственности и разума. Человек с характером обдуманно выбирает свой путь и сознательно идет по нему. Для него долг выше людского мнения и спокойствие совести выше похвал всего мира. Уважая личность других, он в то же время охраняет свою собственную личность и независимость; у него хватает мужества быть нравственно чистым, хотя бы даже поступки его не пользовались популярностью, он спокойно ожидает, что время и опыт оправдают его.

(Смайльс. «Характер».)

Даже поверхностный обзор бытовой стороны эмиграции, находящейся в несомненной тесной зависимости от свойств общественного ее характера, убеждает в отсутствии в эмигрантской коллективной душе тех качеств, тех принципов, тех заповедей, тех особенностей, которые по Смайлсу являются услов-

ными признаками подлинно хорошего, твердого и благородного характера.

Где в эмиграции «твердые принципы», «честность» и «практическая мудрость»? Где в эмиграции «личная воля, энергически действующая под влиянием нравственности и разума»? Где «твердость при выборе пути и сознательность при следовании по нему»? Где «сознание долга, стоящего выше людского мнения, и спокойствие совести, поставленное выше похвал всего мира»? Где «уважение личности других и охранение собственной независимости»? Где, наконец, мужество «быть нравственно чистым, хотя бы даже поступки его не пользовались популярностью...»?

Ничего этого нет... Если что и было, то зачахло, выветрилось, растворилось, угасло в тяжелой атмосфере эмигрантщины, а вслед за порчей и ослаблением характеров и падения нравственного уровня определились их неизбежные спутники—озлобление в массах и атрофия задерживающих и контролирующих центров, зарегистрированное усиление эмигрантской преступности, незарегистрированное умножение тайной безнравственности: продажности, лживости, развращенности, беспринципности и т. д. Ряд примеров, приведенных выше, может служить тому подтверждением.

И вот в этот закупоренный сосуд разлагающегося эмигрантского духа, в эту атмосферу порабощения, обоюдной ненависти, бесхарактерности и беспринципности была брошена, в эпоху великих событий и великих разочарований, для принятия и разрешения, обетованная капля освежающей росы,—«проблема примирения и возвращения!»

Нет ничего неожиданного в том, что, вызвав вообще тревогу, волнение и испуг в эмиграции, эта новая идеология не встретила, точно так же, как и идея признания, вовсе сочувствия в весьма, правда, узких кругах эмигрантской буржуазии и эмигрантской аристократии. Это и понятно: слишком много, а, главное, безвозвратно, потеряно этими слоями в России—власть, классовые привилегии, капиталы, источники доходов,—слишком очевидно, что вернуть ничего из потерянного для них невозможно, чтобы примиренческая идеология способна была найти благоприятную почву для своего развития в их окаменелом сознании.

Идея здесь, опять таки, стоит на втором плане, ибо этим эмигрантским верхам большевизм ненавистен и неприемлем, главным образом,—чтобы не сказать исключительно,—как сила, лишившая их безвозвратно перечисленных реальных благ. А по-

тому для этих узких эмигрантских слоев нет иного реального выхода (вполне совпадающего в данном случае и с идейным), как через труп свергнутой власти советов; в ожидании этого момента, они и остаются по сей день в стороне от всего того, что происходит в гуще широкой эмиграции.

Чтобы закончить об отношении эмигрантской буржуазии к идее примирения с советами, следует сказать, что нео-буржуазия, т.-е. та, которая народилась в чад гражданской войны, смотрит на вещи далеко не так непримиримо, как это делает старая настоящая эмигрантская буржуазия.

Протранжируемые капиталы приходят к концу, пополнять их известным легким способом в эмиграции почти невозможно, и невольно очи алчного недавнего героя белой разрухи обращаются в сторону забытого отечества. «А нельзя ли, в самом деле, помириться с большевиками и половить рыбки в их мутной воде?...»

Для оперирующих с внешторгом идея примирения—просто находка. Появление течения «Смена вех»—просто клад. Во-первых, теперь можно смело объявить себя идейным сменовеховцем, избавившись тем самым от скучной необходимости изрыгать беспрестанные проклятия по адресу советской власти, во-вторых же, чем успешнее пойдет процесс примирения, тем будет лучше для этих нео-капиталистов, ибо тем меньше будет сила затхлого гнета эмигрантщины, тем оживленнее будут экономические сношения Европы с Советской Россией и тем жирнее будут барыши русских нео-капиталистов, содействующих русской внешней торговле на территориях соседних стран.

Эти господа, правда, принимают только первый член проблемы,—о возвращении они и не думают, ибо это им невыгодно; что же касается примирения, то оно входит непосредственно в круг их живейших интересов.

Таким образом, даже в состоятельных кругах эмиграции только некоторые категории капиталистов стоят на позиции непримиримости к проблеме примирения и возвращения. Вся же остальная масса—огромное большинство—хотя и принимает эту новую идеологию с волнением, испугом и даже, иногда, негодованием, этим только проявляет внешние признаки неустойчивости идейной стороны своей позиции и готовность, несмотря ни на что, до поры продолжать подчиняться влияниям эмигрантского «хорошего тона» . . .

Было бы нелогично, странно и даже противоестественно со стороны широкой русской эмиграции, если бы она быстро, охотно

и без борьбы ухватилась за предложенную ей идею примирения с советским строем и возвращения в Россию.

При наличии двух эмигрантских основных идеологий,—первой, упорной и не рассуждающей—интервенционистской, «во что бы то ни стало»,—и второй—уже проявляющей гибкость, начинающей понимать свои заблуждения так же ясно, как и безрезультатность в настоящем положении военного упрямства,—последним, конечно, легче модулировать в плоскость примирения, но, даже пройдя идейно через игольное ушко роковой проблемы, они спотыкаются о целый ряд препятствий, создаваемый окружающей обстановкой.

Для успешного разрешения проблемы примирения и возвращения, как видно, эмигранту приходится преодолеть сопротивление двух оппозиционных сил, вытекающих из самого положения его, как члена белого лагеря.

Первая из них—идейная, охватывающая весь его духовный уклад, все результаты работы его индивидуального сознания в области неизбежной для каждого из них и с каждым из них тесно связанной политики.

Вторая—чисто бытовая, составленная из множества силовых слагаемых, весьма разнородных и перечислявшихся выше.

Если для преодоления первой требуется от рядового эмигранта приложение силы здорового мышления, способной помочь ему проделать довольно сложную ответственную и новую для него работу пересмотра сложившихся убеждений и переоценка сложившихся в эмиграции морально-политических ценностей,—что влечет за собой часто горькие разочарования и неотложную потребность принимать какие-то новые и смелые решения,—то для того, чтобы побороть вторую из упомянутых сил, надо справиться с непрекращающимся давлением на эмигрантскую мысль тяжелой атмосферы затхлой и косной среды, словом, с эмигрантщиной.

Если бы даже в деле ликвидации первой группы сопротивляющихся сил эмигрант достиг успеха, т.-е. путем размышлений и критики убедился бы в неосновательности и несправедливости отнесения вины заострения наиболее для нас чувствительных углов русской действительности всецело и безоговорочно за счет советской власти, иначе говоря, обнаружил бы лживость и подтасовку в составе ультра-белой формулы «антибольшевизм есть патриотический долг»,—он разрешил бы только меньшую половину задачи смены вех и перемены курса.

Но чтобы отказавшись от лже-патриотизма бурцевской школы, перейти явно к здоровому патриотизму сменовеховцев, эмигранту надо, кроме того, найти в себе силу выйти из сферы

эмигрантской рутины, порвать с этой «дореформенной», если можно так выразиться, эмиграцией, в толще которой расположены все корни его бытия лично гражданские, экономические и полицейские... «Дореформенная» же эмиграция, как было сказано, нетерпима к неопитам!...

Напомним, что она отворачивается от неопита, как от прокаженного, позорит его, лишает эмигрантских прав и привилегий, стремится ухудшить его материальное положение и не брезгует также вредить такому отщепенцу полицейским путем.

Какой же практический выход из положения? Как облегчить процесс приятия новой примиренческой идеологии? Как устранить или хотя значительно облегчить те бытовые трения, которые приходится испытывать рядовому эмигранту, вступающему на новый путь?...

О полном устранении этих трений, конечно, не может быть и речи, уже потому, что они по природе своей—продукт эмигрантского бытия и могут быть изжиты лишь тогда, когда будет изжита сама эмиграция с ее эмигрантщиной, ее нетерпимостью, разбродом и т. д.

Значит, речь идет лишь о том, как ослабить эти трения и каким способом ускорить и облегчить процесс разрешения примиренческой проблемы.

Как сказано, практическое осуществление идеи возвращения для той (многочисленной) русской эмиграции, которая уже в сознании примирилась с советской властью под влиянием очевидности ее творческой мощности, тормозится главным образом необходимостью оторваться от одного берега и опасностью... не пристать к другому...

Следует не забывать, что страх этого рода усиленно и умышленно подогревается непримиримыми кругами, руководящими эмиграцией, через органы белой печати. Эти последние переполнены «предостережениями» по адресу малодушных, помышляющих о возвращении в Россию, они изо дня в день печатают потрясающие сообщения об «ужасной участи», постигающей тех эмигрантов, которые идут на примирение с советами, они иллюстрируют свои ламентации по этому поводу множеством «конкретных примеров» расстрелов на границе возвращающихся эмигрантов.

Создается вследствие этого атмосфера действительно тяжелая, и страх оторваться от белого берега и не пристать к берегу красному не ослабевает, а даже усиливается.

Совершенно ясно, что ослабить этот страх и все последствия, него вытекающие, можно лишь, противопоставив ему фактические доказательства вздорности поводов, послуживших к его

возникновению. В данном же случае, доказав, что доброкачественный эмигрант, оторвавшийся добровольно и искренно от белого берега во имя бескорыстного примирения с советской властью, будет принят на красном берегу, как равноправный гражданин... Доказать, что все рассказы белой печати о расстрелах возвращающихся эмигрантов, о «заманивании» белых солдат в Россию с целью расправы—вздор, значит сразу дать какой-то выход из создавшегося для эмиграции мрачного тупика.

Достигнуть этого, правда, не легко. Бороться тем же оружием, каким действуют в данном случае белые, т.-е. путем печати—не представляется возможным по той причине, что советская печать не имеет в эмиграции широкого распространения, а если и имеет кое-какое, то обработка сознания, осуществляемая ею, легко может быть нейтрализована яростной кампанией клеветы и лжи белой прессы.

Остается путь примеров, и этот путь следует признать наиболее действительным.

По мере того, как исторический ход событий будет неуклонно и верно расшатывать последние устои белой идеологии, ежеминутно давая доказательства ее беспочвенности, утопичности ее целей, химеричности ее стремлений и несоответствия дальнейшего проведения ее в жизнь с реальными интересами каждого отдельного эмигранта, процесс эволюции эмигрантского сознания будет развиваться и шириться. Но для предоставления ему благоприятной почвы для дальнейшего развития и содействия окончательному и успешному разрешению проблемы возвращения, необходим непрерывный ряд примеров практической осуществимости этого безопасного возвращения.

Дальнейшая эволюция русского вопроса в орбите международной политики, а также вступление на путь явного восстановления экономическо-финансово-политической мощи России, будет способствовать устранению в сознании оппозиционной эмиграции элемента меркантильно бытового, будет постепенно разрушать уверенность, что внутри России нет возможностей для свободного труда, благосостояния, разумной и счастливой жизни; наличие же ряда примеров возвращения и налаживания жизни «примирившихся эмигрантов» даст доказательство искренности заявлений сов. власти о забвении прошлого для убедившихся и признавших свои заблуждения.

Чем больше таких примеров будет постоянно проходить перед глазами всех слоев русской эмиграции,—а главное эмиграции «неустроившейся»,—давно идейно от белого берега оторвавшейся, но еще побаивающейся берега красного,—тем шире будет практическое осуществление проблемы возвращения на родину.

Окончательное разрешение этой проблемы остается таким образом в зависимости от элемента времени.

С годами, хотя, вероятно, и небольшими,—процесс идейного перерождения эмигрантских масс и ликвидации эмиграции, как таковой, завершится успешно и окончательно. Тогда, быть может, очень скоро, перед лицом достаточно явных доказательств создавшейся на родине морально и физически благоприятной обстановки для быта и труда независимой личности, настанет час окончательного переубеждения эмиграции, и эта часть русских граждан перестанет самым фактом своего пребывания на белом берегу поддерживать, хотя бы и невольно, совершенно, часто ей чуждое, дело монархической реставрации под белым флагом.

Результат этот в конечном итоге неизбежен, что совершенно очевидно для каждого, кто пожелает добросовестно оценить события и обстановку.

И в самом деле: в каких кругах, расслоившейся, охваченной пламенем междоусобицы, изверившейся и морально разлагающейся русской эмиграции сможет найти белая идеология тот твердый пласт, который поддержал бы ее и предотвратил бы ее окончательное крушение?

В каких? В тех, где меньше личного или классового эгоизма, где больше готовности к самопожертвованию, где уцелела еще вера в успех, и главное в *правоту*—вы слышите?—в *правоту* и чистоту белого дела...

Но ведь таких слоев в русской эмиграции нет...

Не опираться же белой идее на российскую аристократию, пропитанную кастовым эгоизмом, неспособную на жертвы, замкнувшуюся на своем картонном Олимпе...

Не искать же белому движению новых живых сил в недрах зарубежной буржуазии, слишком реально и материалистично оценивающей обстановку и слишком хорошо познавшей лицевую и оборотную сторону медали...

Не широкие же, в самом деле, круги гражданской эмиграции, не остатки же белых армий, покинутые вождями, изведавшие всю горечь, всю нужду, все бесправие того звериного быта, в который завлекла их белая мечта, бывшие свидетелями безмерной гнусности и подлости тыловой и начальнической свистопляски,—теперь поддержат на своих плечах остатки прогнившего до основания и готового рухнуть здания белой реставрации...

Не в русской же интеллигенции, ушедшей в эмиграцию, но, в большинстве своем, невольно и бессознательно служившей опорой реакции, надеяться поборникам реставрации,—безумцам,

пытающимся остановить колесо истории,—найти сочувствие и поддержку...

Белое движение пожинает плоды, посеянные его руководителями и идеологами...

Ни одного социального слоя эмигрантской массы оно не сумело закрепить за собой в его симпатиях, ни в чьих глазах не сумело оно остаться незапятнанным, ни в ком не сохранило оно веры в свою правоту и успех, ни в ком не оставит оно воспоминания о своей эпохе, как об эпохе честной борьбы, дружного единения, благородного проявления истинного стремления к прогрессу и свободе.

Затронутая нами тема о примирении русской эмиграции с советской властью и о возвращении ее в Россию выдвигает ряд вопросов, либо рисующих перспективу взаимоотношений власти и возвратившейся эмиграции, рабочих масс и этой эмиграции и т. д., либо—возможность, желательность и осуществимость такого примирения и возвращения.

Словом, целый ряд вопросов, из основной темы вытекающих и тесно с ней соприкасающихся.

Например: «Каково будет отношение русской интеллигенции, не покидавшей России, к интеллигенции, побывавшей в эмиграции и возвратившейся?»

«Какова может быть разница в отношениях, как власти, так и рабочих масс, к первому и второму из перечисленных интеллигентских лагерей?»

«Насколько может быть,—предположительно, конечно,—полезно и ценно участие в общей работе в России эмигрировавшей интеллигенции, которая возвращается под влиянием искреннего переубеждения, или только—тяжелых условий эмигрантского быта?»

И, наконец:

«Насколько желательно и полезно сейчас массовое возвращение в Россию примилившейся и прозревшей интеллигенции?»

В рамки нашего труда не входят ответы на эти вопросы, но мы все же коснемся последнего из них, в виду крайней его современной остроты и непосредственной зависимости от рассмотренной темы.

По этому поводу мы уже наблюдаем две различные точки зрения:

Первая,—это точка зрения «сменовеховца» проф. Устрялова, высказавшего следующий взгляд на вопрос в статье «Проблема возвращения». («Нов. Жизнь», 20 окт. 21 год.)

«Сейчас массовое возвращение на родину едва ли еще могло бы принести ощутительные, благотворные плоды. Пожалуй, оно не пошло бы впрок ни эмиграции, ни России. Момент еще не настал, надо подождать, как это ни печально. Мы знаем, что в самой России оставшаяся интеллигенция далеко не использована.

Такова объективная обстановка, и ее нельзя изменить мгновенно. Интеллигенты нередко предпочитают простые физические работы занятиям по специальности, ибо последние не дают им возможности существовать. Условия интеллигентного труда за эти четыре года рисуются достаточно безотрадными...

В настоящее время следует поставить вопрос лишь о подготовке к предстоящему общему возвращению, дабы, как только явится возможность возвратиться *с пользой*, удалось бы сделать это организованно, без промедлений и сутолоки...

Служить России можно, к счастью, не только на ее территории, но и вне ее. Специфическая особенность данного момента заключается в том, что русская эмиграция могла бы ныне, за границей, принести даже больше пользы родине, чем дома. Она должна помочь иностранцам понять и осмыслить русскую революцию. *Она должна примирить «цивилизованный мир» с новой Россией.*

Нужно всеми силами содействовать тому процессу... духовно материального оздоровления, который совершается там, «внутри»... Нужно, чтобы большевикам *удалось* перевести страну на новые хозяйственные рельсы. Как никогда, теперь, нуждается Россия в помощи иностранцев, и русские люди, рассеянные по всему миру, обязаны добиваться этой помощи, воздействуя на иностранные общественные мнения и, сколько возможно, на правительства.

Не изрыгать хулы обязаны мы на нашу больную родину и на ее нынешнюю, пусть несовершенную, власть, а понять болезнь, как великий кризис к небывалому здоровью... Не о военных походах должны мы теперь здесь мечтать, не о восстаниях и заговорах, а о признании всем миром наличной России, страдающей, но неизмеримо великой.

И эмиграция наша в этом отношении могла бы сделать многое.

Доселе эмиграция наша в массе лишь старалась оттолкнуть мир от лика нынешней России. Великий вред приносила она этим родной стране, затягивая, осложняя болезнь.

Единым фронтом, теперь, единым разумом, единой волей надо внедрять в сознание мира факт преобразующейся России. Осмыслить, оправдать грозу и бурю, в которой дано это преобразование. Вот наша почетная, великая, безмерно трудная и ответственная, но благодарная задача.

Второй точкой зрения на этот вопрос является точка зрения Г. Зиновьева, высказанная им на партийной конференции РКП в Петрограде в августе 22 года. В своей речи он оценивает вопрос о возвращении или невозвращении эмиграции в Россию под чисто партийным углом зрения.

«... Теперь бы, пожалуй, не стоило большого труда добиться ускорения возвращения эмиграции в Россию. Вопрос только в том, так ли это необходимо сейчас для советской страны?

Роль эмиграции, которая имеет значительное количество культурных сил, но удерживает их, не желая идти на работу в известной мере и с известными изменениями, напоминает роль чехо-словацких легионов в деле построения Красной армии. Чехо-словаки, нападая на нас, подгоняли нас к строительству Красной армии. Так и с культурной работой. То обстоятельство, что мы видим со стороны эмигрантской интеллигенции стачку скрещенных рук,—мы, мол, остаемся там, не поможем вам нашими спасительными знаниями, не дадим ничего вашей «вшивой» советской стране,—может быть, поможет в том смысле, что подтолкнет нас скорее создать свое в этой области, как чехо-словацкие легионы подтолкнули скорее создавать Красную армию.

(Петр. «Правда», № 180.)

И с тем и с другим доводом нельзя не согласиться. Оба они, несомненно, справедливы: как, оставаясь за рубежом и работая с целью «примирить Европу с русской революцией», эмиграция может работать на пользу новой России, так, даже и работая на чужбине против этого примирения или, в лучшем случае, оставаясь совершенно инертной, эта эмиграция помогает новой России выявить свои молодые творческие силы и встать самостоятельно на ноги.

Вопрос о срочном возвращении эмиграции, следовательно, как бы теряет свою остроту...

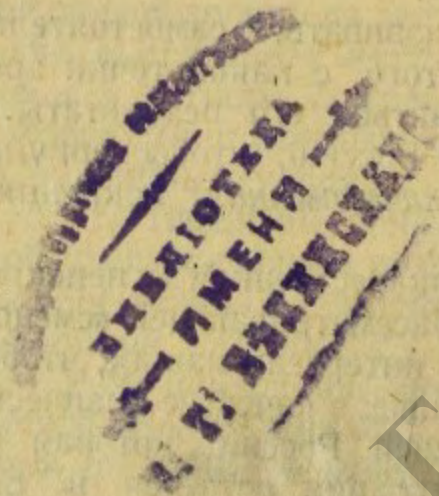
Не имея целью вдаваться в более детальный разбор затронутого вопроса, мы коснулись его лишь с информационной стороны. Мы привели мнения Устрялова и Зиновьева, людей различных идеологий, от которых, естественно, можно было ожидать различного взгляда на предметы.

И точно, в данном случае они смотрят на вопрос с различных сторон, но взгляды их по существу общи: возвращение эмиграции в Россию возможно, хотя срочной необходимости в нем нет. Напротив, предоставление этого процесса его естественному развитию может быть целесообразно, как для России, так и для самой эмиграции.

Процесс же этот будет развиваться самостоятельно, планомерно и вне зависимости от того, с какой точки зрения будут рассматриваться и использоваться его результаты. Все дело только в том, чтобы попала в Россию, чтобы вернулась эмиграция *добросовестная и доброкачественная*, искренняя в своих целях и своем примирении.

Что же касается недоброкачественной и неискренней, преследующей скрытые цели и рассматривающей «сменовеховство», как легальную лазейку, то в интересах наших, чтобы она осталась в Европе, как можно дольше, в качестве физического и идеологического памятника бывшей России, которая никогда не возвратится; пусть эта эмиграция остается в Европе, так как самым фактом своего отсутствия она (по Зиновьеву) будет, против воли, приносить пользу новой России, вызывая к самостоятельности и интенсивному творчеству те ее молодые силы, которые до сего дня оставались бездеятельными и невыявленными.

Петербург, август 1922 г.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

20 к.

1744

43

СОУНБ им. В. Белинского
<http://books.iaic.ru/>

174